

ТУРИЗМ & ОТДЫХ — 2008 —

11 Международная выставка
путешествий, санаторно-курортного отдыха,
туристических маршрутов
по всему миру

Специальный раздел
КУРОРТЫ ЕВРОПЫ - 2008

Пермь **25 - 27 апреля**

614077, Россия, Пермь, бульвар Гагарина, 65
Тел./факс: (342) 262-58-58
WWW.EXPOPERM.RU

У Р А Л Ь С К И Й
спецвыпуск

uralstalker.ru

Уральский следопыт, апрель 2008

апрель
2008

ЮНЫЕ ВОЛШЕБНИКИ ПЕРА

Елена ДУРЕКО,
Фото Веры ЛЕСЕНКО

«ВОЛШЕБНАЯ СТРОКА»: торжественное закрытие фестиваля

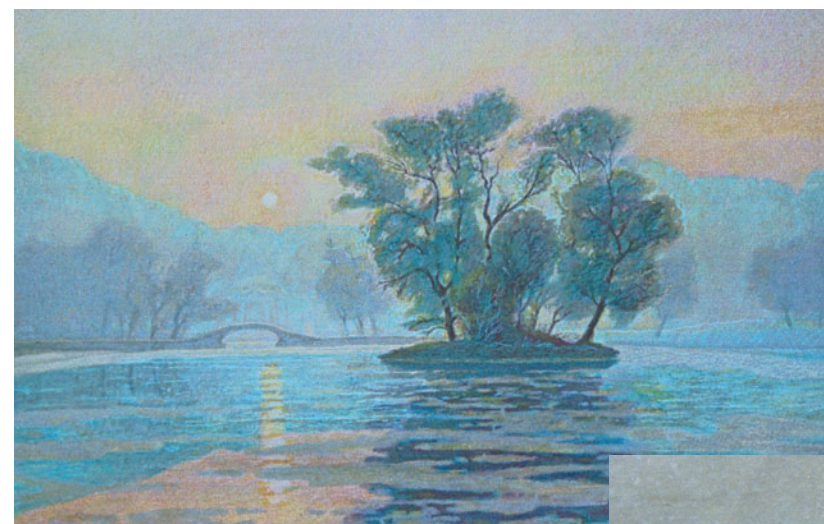
Завершилась трехдневная работа Всероссийского фестиваля литературного творчества детей и юношества «Волшебная строка-2008». Этот фестиваль – крупное литературное событие для уральского региона и страны в целом, поскольку с каждым годом, благодаря усилиям организаторов и, в частности, инициатору создания «Волшебной строки», члену редакционного совета журнала «Уральский следопыт» Вадиму Осипову, становится все более масштабным.

Лауреаты из разных городов возлагают цветы к памятнику Пушкина

Уральский следопыт, апрель 2008

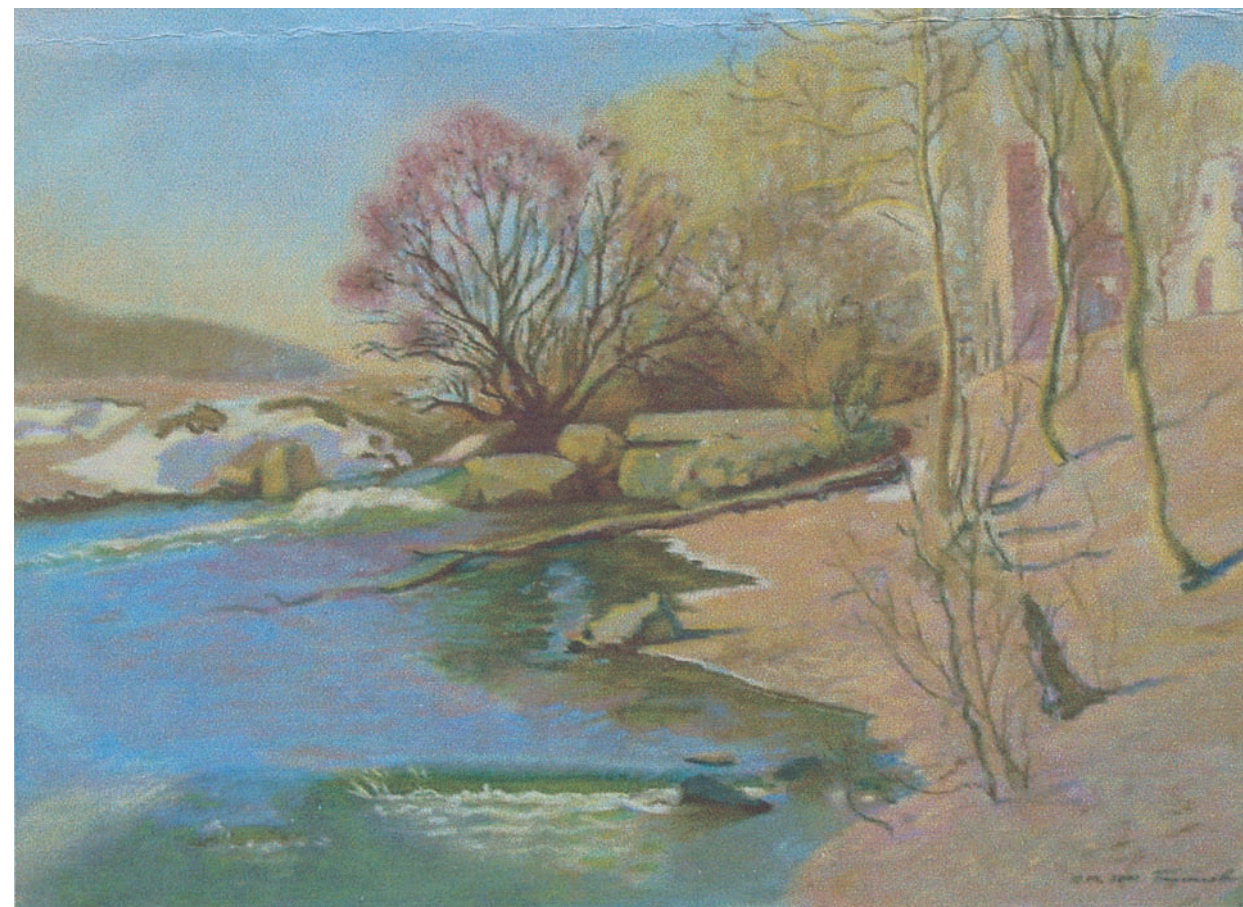
Рассвет в Гатчинском парке. 2005

В «Портрете О.В. Земцова-Рассолова» раскрывается сложная личность неординарного поэта, переводчика, большого знатока книги. Поэтому книга и текст здесь обращают на себя внимание. Необычный ракурс использует здесь художник, словно бы подглядывая скрытой камерой.

С любовью и нежностью относится Александр Самойлович к своим цветным мелкам,

На окраине города. 2002

Весна на Патрушке. 2002

Уральский следопыт, апрель 2008

Его Высокопреосвященство, Архиепископ Екатеринбургский и Верхотурский Викентий приветствует участников «Волшебной строки»

Благодарственное письмо информационному партнеру фестиваля, главному редактору «Уральского Следопыта» М.Ю. Фирсову, вручает министр культуры Свердловской области Н.К.Ветрова

Свои работы прислали 482 юных литератора из 34 регионов Российской Федерации и Казахстана, в том числе из 27 муниципальных образований Свердловской области.

Победителями и дипломантами стали 62 школьника в возрасте от 12 до 17 лет, из них 21 подросток – из Свердловской области.

«Все присланные работы мы оценили и выбрали лауреатов. Это юные дарования из Рязани, Нижнего Новгорода, Новосибирска, Ижевска, а также из Екатеринбурга и Свердловской области», – рассказал председатель жюри конкурса, Вадим Осипов.

В состав жюри входили еще двое сотрудников редакции молодежного журнала «Уральский следопыт»: в номинации «поэзия» – редактор раздела «Свеча горела» Светлана Надь и редактор раздел «Аэлита» Борис Долинго в номинации «фантастика». Также в номинации «проза» членом жюри был лауреат журнала «Уральский следопыт» в 2006 году Александр Папченко.

Программа фестивальных дней была очень насыщенной: ребята работали по 12 часов: посетили семинары уральских поэтов и прослушали лекцию Юрия Казарина,

председателя Екатеринбургского отделения Союза писателей, побывали на разнообразных творческих встречах и экскурсиях.

Награждение победителей творческого состязания состоялось в зале Камерного театра уральской столицы. В торжественной церемонии участвовали представители областного министерства культуры, Екатеринбургского отделения Союза писателей России, областной детско-юношеской библиотеки, а также информационные партнеры фестиваля, в числе которых и «Уральский следопыт».

В рамках фестиваля занятия ведет председатель жюри Вадим Осипов

Лучшие авторы журнала 2007 года

В апреле журнал «Уральский следопыт» отмечает свой день рождения и традиционно подводит итоги прошедшего года, выбирая лучшего автора и публикацию в каждом из разделов.

Итак, звучит торжественная музыка и...лучшим автором раздела

«Река времени» признана **Ольга Ожгибесова**, за цикл материалов «Оглянись, Березово», опубликованных в пятом и шестом номерах.

Лучшим в 2007 году фантастом нашего журнала признан **Алексей Федотов** за фантастические рассказы, опубликованные под рубрикой «Повод для улыбки» в четвертом, седьмом, девятом номерах.

В разделе «Свеча горела» лучшим прозаиком 2007 года признан **Владимир Новосад** за рассказ «Встреча», а лучшим поэтом – **Любовь Новак** за подборку стихотворений, опубликованную в одиннадцатом номере.

Лучшим автором раздела «Встречный ветер» признан **Виктор Байдуков** за цикл фоторепортажей, выходивших в шестом, девятом, одиннадцатом номерах.

4 **Инна Гладкова**

Вальяжно прогуливаясь по улицам нашего города, или в вечной спешке пробегая знакомые кварталы и перекрестки, мы не замечаем, что нас окружает легенда, живая, непонятно каким чудом уцелевшая и дошедшая до нас история. Старинные особняки и сама география расположения жилых кварталов и площадей – это повествование, которое при прочтении даст картину давних событий, происходивших в Екатеринбурге.

45 **Алексей Яловенко**

Верхнеуральская тюрьма – одна из самых известных российских политических тюрем. За стенами ее казематов содержались многие известные личности и их родственники. Были даже родственники Адольфа Гитлера.

32 **Нина Акифьева**

Считается, что первым представителем царской династии, посетившим горнозаводской Урал в 1824 году был император Александр I. Это было бы чистой правдой, если бы не одно событие, случившееся еще в екатерининскую эпоху.

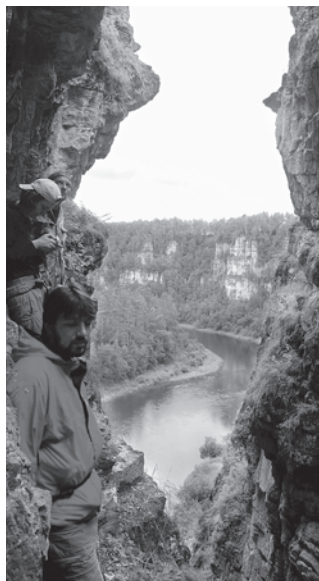
10 **Евгений Касимов**

Париж дождливый и лиловый – плащом промокшим льнет к коленам. И ничего не значит слово, пока не вырвешься из плена...

36 **Марина Ясинская**

О том, как может через несколько десятков лет измениться политическая карта мира и какое место на этой карте займет каждый человек можно сегодня только догадываться. Личность – это всегда песчинка, но песчинка думающая, чувствующая, всегда, испокон века ищущая счастье.

62 **Евгений Базаров**

Вода, небо и неисчерпаемая, бесконечная красота, надвигающаяся на тебя из-за каждого нового поворота реки по которой ты сплаваешься. Природа сама дарит чудеса, которые здесь, вдалеке от цивилизации, сначала изумляют и приводят в восторг, а потом кажутся обычными вещами, с которыми так не хочется расставаться.

УРАЛЬСКИЙ следопыт

uralstalker.ru

апрель 2008

Лидер
Уральского
Турбизнеса
2007

РЕКА ВРЕМЕНИ

<u>Далекое - близкое</u> И. ГЛАДКОВА	Легенды Соборной улицы.....	4
<u>Тропой поиска</u> Ю. ГОРБУНОВ А. ЯЛОВЕНКО	Писательницы России	27
<u>Краеведческая копилка</u> В. ТРУСОВ	Секреты политической тюрьмы	45
<u>Давным-давно</u> Н. АКИФЬЕВА	Последний караван	28
<u>Клуб собирателей</u> В. ПУРОНЕН	Большое путешествие маленького господина ..	32
<u>Легенды и были</u> В. ДЬЯЧКОВ	Белый раджа Саравака. Маленькое большое окно в мир	50
<u>В мире прекрасного</u> И. ЗЯБЛИКОВА-ИСАКОВА	Раскуиха	58
АЭЛИТА	Мир пастельного мелка	80
<u>Законы Вселенной</u> М. ЯСИНСКАЯ	Пересечь границу	3 6
<u>Координаты чудес</u> А. ШКУДУН	Наблюдатель смерти	6 6
<u>Сумма технологий</u> Е. ЛОТОШ	Ошибки и штампы в фантастике	7 2
<u>Повод для улыбки</u> С. ВАСИЛЬЕВ	Создай себе друга.....	7 6
СВЕЧА ГОРЕЛА		
<u>Добрые попутчики «Уральского следопыта»</u> Е. ДУРЕКО	«Волшебная строка»: торжественное закрытие фестиваля... 2 пол. обложки	
<u>Время мастера</u> Е. КАСИМОВ Н. БУЙНОВА С. РАБИНОВИЧ	Стихи	1 0
	Сказки-побаски бабушки Марии.....	1 2
	Сима-Серафима	5 4
	Ноктюрн Шопена	5 5
<u>Наши знакомые</u> С. СИМОНОВ	Стихи	4 8
<u>Новые встречи</u> О. ЗАБОЛОТСКАЯ	Стихи	7 8
ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР		
<u>Дети в походе</u> М. ПИСКУНОВА А. ПИЧУГИН	Горный марафон по местам Мамина-Сибиряка ...	25
<u>Записки очевидца</u> Р. ТИХОНОВ	Зеркало.....	30
<u>Маршруты «Уральского следопыта»</u> М. ФИРСОВ	Камень Мамонт	6 0
<u>Путешествие</u> Е. БАЗАРОВ	Ай, лунная река	62

Главный редактор – М. Ю. Фирсов.
Редакторы разделов – Ю.А. Горбунов, Б.А. Долинго, С. А.Надь.
Худ. редактор, верстка – Ю.В. Ульянова.
Художники – А. Федотов, А. Митрофанова, Я. Ахметшина.
Ответственный секретарь - Е. Ю. Дуреко.
Набор – В.М. Кадочникова.
Корректор – Т. В. Сергеевко.
Фото 1 полосы обложки – В. Лесенко

Учредитель – ООО «Уральский следопыт».
Издатель – ООО «Трудовой коллектив редакции журнала «Уральский следопыт».

Редакционный совет –
Владислав Крапивин, Сергей Казанцев, Борис Стругацкий, Геннадий Прашкевич, Олег Поскребышев, Юрий Казарин, Вадим Осипов, Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет –
• Евгений Виноградский, м.с.м.к., «Снежный Барс»;
• Евгений Савенко, чл. Союза фотохудожников России;
• Семен Спектор, заслуженный врач России.
• Дмитрий Бургов, ректор УрГУ.

Выпуск издания осуществлен при поддержке **Министерства физкультуры, спорта и туризма Свердловской области.**

Все школы г. Березовского получают журнал «Уральский следопыт» благодаря администрации города и главе города В.П. Брозовскому

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ».
Адрес редакции и издателя: 620014, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 22, 4 подъезд.
Почтовый адрес: 620014, г. Екатеринбург, а/я 479
E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.ru

Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по УрФО
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС11-1375, выдано 07.09.2007 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Рукописи принимаются отпечатанными не менее 12 шт, по 60 знаков в строке, 28–30 строк на странице. Каждая страница рукописи должна быть подписана автором. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакторскую правки. В первую очередь рассматриваются рукописи, дополненные электронной версией (E-mail, дискета, CD).

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле ТЕМА. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.

Материалы рубрики «Добрые попутчики «Уральского следопыта» и отмеченные знаком **И** публикуются на правах рекламы.

По вопросам приобретения журнала обращаться по тел. (343) 269-22-34.

Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.ru» вы можете через:

- Почтовые отделения Свердловской области, каталог МАП, подписной индекс 31646
  - Почтовые отделения России, каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413
  - Агентство «УРАЛ-ПРЕСС» в Уральском регионе
  - Агентство «МИК-ПЕРИОДИКА» в России
  - Агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-ПОЧТА» в России, странах ближнего и дальнего зарубежья
- Кроме того, мы предлагаем Вам подписку через редакцию. Справки по тел. (343)269-22-34

«Уральский следопыт.uralstalker.ru», № 7 подписан к печати 25.03.2008 года.
Печать офсетная. Тираж 4500. Отпечатано в ГУП СО типография «Монетный щебеночный завод», 623700, г. Березовский, ул. Красных героев, д. 10. Заказ № 81438.

Легенды Соборной улицы

По словам В.И. Даля слово «аршин» означает, кроме прочего, «вольный шаг человека». Вот этим вольным шагом мы сегодня и пройдем 700, а если совсем точно, то 704 метра по самой центральной, очень знакомой и, не побоюсь, знаковой улице Екатеринбурга. Но «гулять» будем долго, лет эдак двести с большим гаком. Или... пока не надоест. Только надо учесть, что до нас по этой улице уже ходили озабоченные основатели города, маршировали солдаты Тобольского полка, присланные строить крепость с самым крупным в то время в России

заводом. По этой улице прошли вереницы крестьян окрестных деревень, приписанных к грандиозному строительству.

Потом по этому месту «прошагали» почти три столетия. За ними вот особым шагом отправились сегодня мы. Но, как и положено любопытным, «затылком вперед», с надеждой ощутить волнение давно забытого, уточнить стершиеся из памяти архитектурные детали, отметить нечто любопытное...

Но пока глядеть-то оказалось и не на что: на улице того, давнего времени стоит всего один дом. Да

и улицы как таковой попросту нет. Вместо нее еще вековой лес да свежая просека. Слышен стук топоров, скрежет и стон падающих сосен. По просеке жилистые лошаденки под окрики погонщиков тащат тяжелые длинные бревна, оставляющие глубокую колею. Пахнет смолой, кострищем и терпким осенним ароматом леса.

Это левый, более высокий, берег Исети. На нем первого октября 1723 года заложили строение не просто под номером первым — здесь предполагался духовный центр: первая церковь во имя ве-

Гладкова Инна Марковна, тележурналист, автор публицистических рассказов и эссе об истории Урала. Лауреат премии губернатора Свердловской области 2001 года за телесериал «Екатеринбургские тайны». Ныне живет в Германии.

ликомученицы Святой Екатерины. Ее возвели из бревен, накрыли несколько странной, не традиционной для культовой архитектуры, шатровой крышей из белой жести. Крест привезли с Уктусского завода.

Освятил церковь во имя Покровительницы города 27 февраля 1726 года архимандрит Тобольского Знаменского монастыря отец Филипп. Основная часть утвари и церковные книги были получены от Берг-коллегии из Москвы и Петербурга. Иконостас и алтарь уже позже изготовил строгановский резчик — житель Нового Усолья Федор Охлыпин. Иконы письма Степана Леонтьева — из Пыскорского Преображенского монастыря и старца Антония — из Тюменского Троицкого монастыря.

Старые архивы сохранили и другие интересные подробности. Например, в феврале 1728 года на колокольню даже прикрепили железные часы. Их смастерил кузнец Тимофей Никонов и некий умелец Андрей Лешуков. Любопытно, что часы имели всего одну стрелку — часовую, отсутствовал и циферблат, и «тикали» они не очень точно, да и ломались часто, но жителям все же помогали ориентироваться во времени: как-никак механизм часов был соединен с колоколами. По этому звону горожане и ориентировались. До того крепость просыпалась: летом — в пять, зимой — в шесть под барабанный бой и удары колокола на Комнадирском доме.

Священник с демидовских заводов Федосей Васильевич Флоровский (Феодосий Васильев) был назначен протопопом. Спустя три года, во главе екатеринбургского прихода встал его сын Иван Флоровский (Иван Федосеев), судьба которого оказалась столь трагичной, что всколыхнула жителей всей округи.

Здесь надо вспомнить жесткое время форсированного строительства казенных заводов. Труд тяжелый, заработок мизерный. В округе круглосуточно работали кабаки — было, где забыться, поэтому царило беспробудное пьянство. Случались и ночные разбои. Распространилось доноительство.

Насильственное обращение в православие живших окрест и занятых на стройке иноязычных племен, гонение на раскольников, вторжение европейской цивилизации — все это ставило официальную церковь в экстремальные условия. Словом, в церковь народ ходил неохотно и редко, да и не уютно было в ней: крыша над алтарем протекала, деревянный пол рассохся, обмазанный глиной фундамент потрескался. Зимой было холодно. Виллиму де Геннину даже пришлось издать особый указ — его зачитывали на перекрестках, а текст вывесили на публичном столбе, на базаре. Управителям его команды строго предписывалось приводить людей в церковь к молению, невзирая ни на какие отговорки. А позже, когда на Руси особенно ужесточились преследования староверов (это совпало со вторым периодом екатеринбургского правления Василия Татищева), протопопа Ивана Флоровского по доносу «за сочувствие к гонимым раскольникам и за богомерские слова» арестовали. Его пытали, увезли в кандалах в Москву и в 1738 году принародно на плахе отсекали голову.

В своей книге «В раннем Екатеринбурге» ученый-историк Н.С. Корепанов приводит много загадочных случаев, связанных, в частности, с этим храмом. Например, после казни священника на Екатерининском соборе почему-то раскололся 69-пудовый благовестный колокол. Спустя несколько лет, мастер Афанасьев отлил новый, более

внушительный благовест, но и он вскоре треснул. Тремя годами позже приглашенный мастер Яков Горяев вылил колокол уже «о 130-ть пуда». И благо, что на колокольню его не подняли: 26 сентября 1747 г., в день памяти Иоанна Богослова, над городом полетел тревожный набат. Пожар! И народ, увидев беду, бросился в горящую церковь спасать святыне образа, книги, утварь. Но все, вплоть до колокольни, сгорело за три часа.

На Руси часто живут по пословице: «Что имеем — не храним, потерявши — плачем». Ведь именно этот храм в течение двадцати лет имел особый статус. Здесь присягали первые горные офицеры, крестили новорожденных, будущие супруги перед алтарем давали друг другу клятву верности. Здесь во время всех великих православных праздников прихожане ставили свечи святым — «за здравие» близких и «за упокой» усопших. Сюда 7 декабря к торжественной литургии в день рождения Святой Екатерины со всей округи сходились и съезжались православные христиане. К слову, день рождения Преподобной Екатерины был самым чтимым в городе престольным праздником: служили Всенощную, после торжественной литургии был крестный ход. Этот день — 7 декабря — всегда считался нерабочим днем...

Итак, это святое место превратилось в груды золы и головешек. Однако прошло десять лет, прежде чем в казне высвободились необходимые средства, на которые и

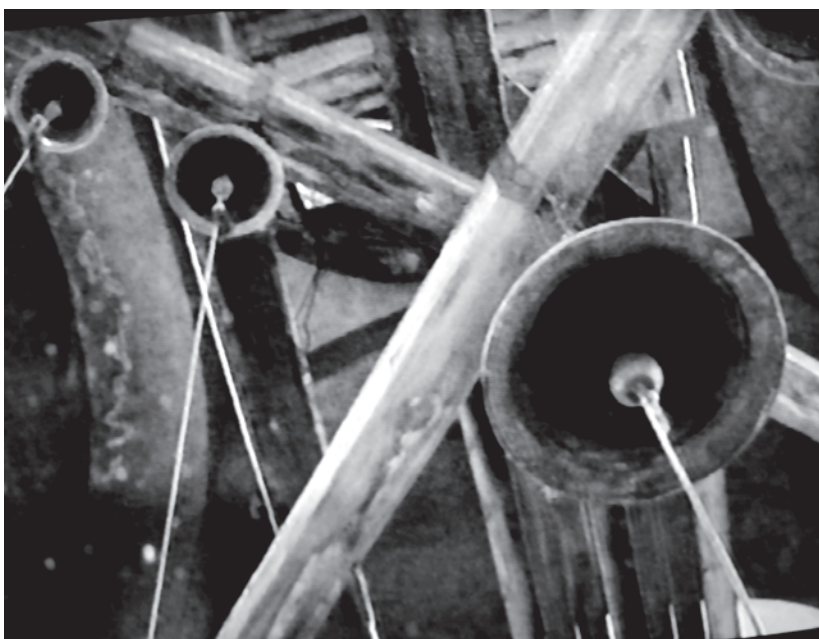

Екатерининский собор построен в середине XVIII века

был заложен прочный, уже каменный, фундамент Екатеринбургского собора. Проект Иоганна Миллера с доработками лучшего чертежника в ведомстве Главного правления заводов Афанасия Кичигина

Еще десять лет храм строился. Укладку стен и куполов вели каменщики из Соликамска. Но самые «черные» земляные работы — рытье котлована, закладку фундамента —

как повелось, выполняли каторжане. А еще упорно живет легенда, что из подвала этого собора к Главному правлению заводов именно в то время (под Исетью-то) проложили первый в городе подземный ход. Он был облицован прочным листовым тесом, к входу приставили особую вооруженную охрану. И будто бы по этому же типу был позже под прудом вырыт подзем-

Колокола собора

ный ход — из Командирского дома и из церкви Вознесения к главной площади, то есть к Кафедральному Богоявленскому собору.

По следам этих легенд специалисты постоянно «ходят», но сенсационных открытий пока сделано не было.

Однако продолжим прогулку по левобережью, где лес уже вырубил, и он пошел на заводские нужды. На образовавшемся пустыре сформировалась так называемая Ассессорская или Заречная слобода. В слободе теснились сплошь мазанковые дома со слюдяными, пергаментными, а то и с заделанными бычьим пузырем окнами. В этой слободе вскоре проложили ту самую улицу — Соборную, практически ровесницу города, в пространстве которой мы пытаемся сегодня услышать застывший где-то в поднебесье и в стенах старинных, сохранившихся еще зданий, малиновый звон колоколов собора великомученицы Святой Екатерины.

Войдем скромно под своды того храма, где собралось особенно много нарядной публики. К венцу ведут юную, в фате и в белых кружевах, смущенную девушку. Жених уже в годах, в городе он весьма уважаемый человек. Стоит солнечное воскресное утро. В храме все сияет, горят сотни свечей. Да и пробившиеся сквозь верхние стрельчатые окна лучи, коснувшись алтаря, создают волшебное зрелище: казалось, вспыхивает золотым огнем в девять ярусов главный из пяти богатых иконостасов... Эту картину не удалось бы воспроизвести, не наткнись я в ГАСО на церковную летопись собора, чудом сохранившуюся в безбожное советское время. Это толстые книги, в которые день за днем, год за годом дьяки скрупулезно заносили значимые даты человеческих жизней: рождение, венчание, крещение детей, окончание жизни раба божьего...

А искала я в то время хоть какие-то подробности о личной жизни (творчество более-менее известно) выдающегося архитектора Михаила Павловича Малахова, который в первой половине XIX века деревянный Екатеринбург превратил в

белокаменный. Поиск был долгим. Осложнился распадом СССР. Информация, тем более зарубежная, дорога. Но что удалось точно выяснить: родился Малахов на Украине, в Черниговской губернии. К слову, точный год его рождения не 1781-й, а 1783-й, это документально подтвердили черниговские краеведы. В этом, 2008-м, году можно и нужно отметить 225-летие со дня его рождения.

Прославился талантливый зодчий своими архитектурными комплексами на Урале, главным образом, в Екатеринбурге. Известно, что здесь он обзавелся и семьей. А разве не интересно, в которой из церквей города он мог венчаться? Посмотрим на старую карту. Дом выстроил в загородной тогда зоне, на Васенцовской (ныне улице Луначарского). Рядом была церковь, но, скажем так — солдатская. Если в Рязановской (Иоанна Златоуста) — так там собирались старообрядцы. Вознесенская — как-то в стороне. А Екатерининский собор? Ну, конечно же! Известно, что зодчий принимал участие в его перестройке.

И вот из хранилища Государственного областного архива для начала поднимаю четыре толстенные, в полпуда весом каждая, приходские книги этого собора. В одной важная запись: «Титулярный советник Михаил Павлович Малахов 44 лет, невеста Вознесенского прихода (чин — непонятно) Иоанна Иоаннова Колобова дочь — девица Вера 18 лет. Оба первым браком. 18-е мая 1828 года». В метрической книге следующего года запись уже о рождении их первенца — Виктора. Екатерининский собор и в дальнейшей судьбе архитектора займет особое место: крестины дочери Анны, появившейся на свет через год после брата, потом крестины другой дочери... Вот только портрета знаменитого архитектора нигде обнаружить не удалось — ни в Черниговском музее, ни в архивах Екатеринбурга, ни в музее изобразительных искусств. В моих поисках встречалось множество безымянных картин и миниатюр с портретами мужчин эпохи знаменитого зодчего, но нигде под

ними не встретилось имя М.П. Малахова.

Однако пора нам наконец двигаться и дальше по улице нашим «вольным шагом». В XIX-м столетии все, появившиеся здесь строения вокруг храма, были уже каменными, построены или перестроены по проектам довольно известных в то время архитекторов. Не удивительно, что и сейчас здесь много домов со следами хорошей архитектуры. Здесь были сооружения, представляющие собой самые различные архитектурные стили: ампир, эклектику, модерн. В результате улица приобрела свое неповторимое лицо, стала уютным оазисом в самом центре Екатеринбурга. Но сами владельцы здесь не жили — доходные дома они сдавали в аренду. Вдоль этой, прежде богатой и украшенной липами улицы, размещались: магазины по продаже часов, ювелирных изделий и даже швейных машин, две типографии, парикмахерская, аптека, трактир, пивная, ренсковый (винный) погреб, различные мастерские.

Вначале Соборная была лишь одноквартирной: начиналась от Покровского проспекта и шла до Главного. А та часть, что до Почтового переулка, это была уже Малая Соборная. После нее до Клубной

(нынешней Первомайской) шла Масаловская улица. С 1828 года уже вся улица получила название Соборной. К 1887 году большая ее часть обрела каменную мостовую. На рубеже XIX—XX веков на ней появились даже два электрических фонаря: у входа в храм и у купеческой гостиницы, что находилась в доме № 7.

Чтобы не затягивать экскурсию, остановимся только у некоторых — с особой историей строений. Под номером первым на углу с Покровским проспектом стоял каменный трехэтажный дом в стиле «модерн» с угловой башенкой, которая позже была утрачена. Авторство приписывают молодому архитектору Ивану Янковскому. В этом здании владелица — купчиха Мария Блохина, женщина просвещенная, держала свой книжный магазин, на верхних этажах размещалась крупная городская «Лечебница врачей-специалистов».

Другое угловое здание на четной стороне Соборной весьма примечательно по архитектуре. Проект Михаила Реутова. Позже была перестройка. Каменный двухэтажный дом имел полуподвал и необычный мансардный этаж, не имевший в городе аналогов. Принадлежало здание «Товариществу А. Печенкина и К^о».

Улица Пушкинская, дом 7

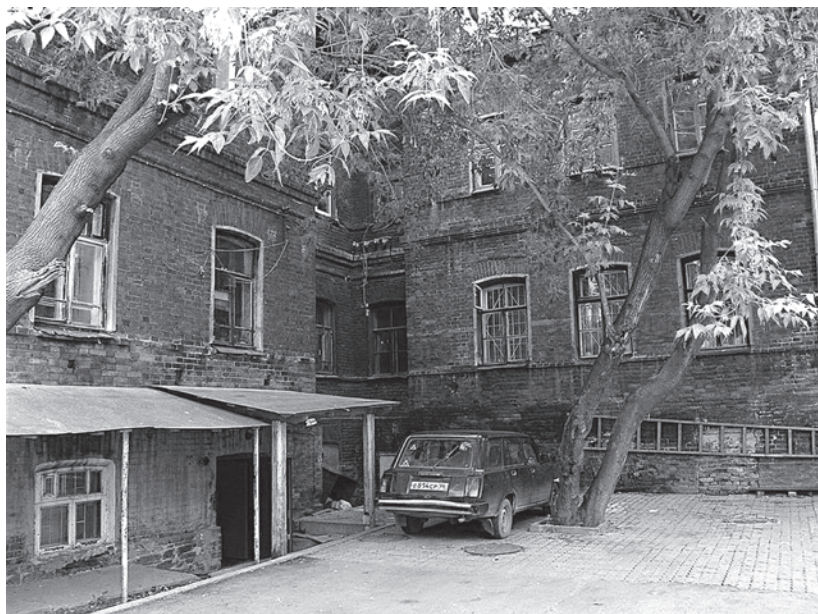

Под номером третьим значился комплекс сооружений бывшей гостиницы «Россия». Двухэтажный каменный особняк, ворота и флигель были построены по проекту Юлия Дютеля для купца второй гильдии Мефодия Топорищева, разбогатевшего на торговле вином, водкой и колбасными изделиями. В воспоминаниях одного из старожилов города краеведа П. Галкина читаем, что в начале прошлого века в этом здании размещался филиал Санкт-Петербургского похоронного бюро. За его витринами с зеркальными стеклами до 1917 года хорошо просматривались дорогие гробы всех размеров и расцветок. И это не мешало гулявшему купечеству предаваться веселью тут же, на втором этаже, где размещался тогда ресторан «Россия».

По соседству стоял одноэтажный каменный дом Загайнова, архитектор М.Л. Реутов. Окна были украшены филенками и наличниками с лепниной, по верхней кровле поставлены парапетные столбики с вазонами и ажурной решеткой ограждения. С 1908 по 1911 год у госпожи Доброскок это здание арендовала библиотека имени Белинского. Сейчас в несколько перестроенном здании «квартирует» крупная туристическая фирма «Спутник».

На четной стороне хотелось бы зайти в дом под № 6. Нет, не в тот, что выстроен сравнительно недавно в стиле, напоминающем модерн, имеет три этажа и выглядит весьма презентабельно, а в тот двухэтажный ветхий полукаменный, что с 1887 года принадлежал вдове губернского секретаря Анне Новосёловой. Эта старина нам больше по душе еще и потому, что здесь в годы Великой Отечественной войны проживал с семьей «в эвакуации» выдающийся пианист-виртуоз, основатель одной из лучших в мире фортепианных школ Генрих Густавович Нейгауз.

Еще следует выделить двухэтажный, сильно вытянутый по красной линии бывшей Соборной, дом под № 12, построенный по проекту архитектора Реутова. Хозяин — Алексей Дрозжилов, коллежский ре-

Расстрельный двор на Пушкинской, 7

гистратор — весьма влиятельная в городе личность, известный меценат. Одно его вложение в богоугодное дело связано с Екатеринбургским храмом. Но теперь только на старых фотографиях и можно увидеть вокруг храма изготовленную на Каслинском заводе невысокую, но весьма изящную чугунную ограду с царскими гербами. Дрозжилов пожертвовал на это значительную сумму (к слову — Ольга Дрозжилова уже после смерти мужа внесла недостающую сумму на обустройство библиотеки имени Белинского).

Дом Дрозжилова — одна из крупнейших усадеб, с садом по обе стороны. Типичный образец архитектуры доходного дома того времени. Известно, что до октября 1917 года здесь были лавки, в них торговали насосами, керосином, а по совместительству — роялями и пианино. А в 1934 году Борис Горбатов создал здесь клуб писателей, потом его назвали Дом работников искусства (ДРИ) с библиотекой, зрительным залом, кафе, бильярдной. Это дом, где собирались известные уральские литераторы, здесь справляли торжества. Отсюда уносили и на вечный покой. А недавно за право «отхватить» в самом центре города лакомый домик между писательской организацией и состоятельными предпринимателями завязалась нешуточная борьба...

По соседству — здание Аптеки, одной из старейших в городе, первоначально принадлежавшей провизору Вайсбергу. Специалисты предполагают, что это — проект архитектора И.К. Янковского, постройка в стиле модерн со стилизованным растительным орнаментом и скульптурными головками.

Год 1899-й в биографию и улицы, и города вписан особой строкой. Литературная Россия отмечала столетие со дня рождения своего великого поэта А.С. Пушкина. Особо готовились к торжествам там, где Александр Сергеевич жил или бывал. Известно, что доехал он и до Урала, когда собирал документальный материал о пугачевском восстании для «Капитанской дочки». Но, к сожалению, Екатеринбург в его вояж не вошел, возможно, потому что отрядам Пугачева взять наш город не удалось.

Однако, что произошло, то и произошло. А юбилей поэта Екатеринбург отметил достойно. Городской голова Гавриил Казанцев и Городская дума на экстренном заседании с общего согласия и одобрения православной церкви, приняли поистине революционное решение создать свой памятник великому поэту: не какую другую, а именно Соборную, что в самом центре города, переименовать в улицу Пушкинскую. И, как свидетельствуют старые газетные публикации, пер-

вое 100-летие со дня рождения великого поэта Екатеринбург отметил ярко, пышно: литературные вечера, концерты из произведений, написанных на тексты Пушкина, костюмированные балы, был даже фейерверк. Великую дату столетия со дня рождения поэта литургией отметила и церковь.

На этой торжественной ноте нам бы и завершить неспешную прогулку в пространстве и времени. Но осталось два важных исторических факта, обойти молчанием которые просто нельзя, потому как знают об этом немногие.

Сначала зайдем на усадьбу чиновника Черепанова, в двухэтажный его дом с сохранившейся и сегодня красивой лепниной, со стрельчатыми окнами и балконами на ажурных кронштейнах. Проект приписывают академику архитектуры Ю. Дютелю. Здесь, на Пушкинской, в доме № 7 была устроена гостиница «Эрмитаж» для

очень богатых гостей города. А после революционного переворота 1917 года в нем разместилась Губернская Чрезвычайная комиссия, позже ОГПУ. Под зданием крепкие глухие подвалы, во дворе огромный каменный флигель, тоже с зарешеченными подвалами, которые хранят страшную тайну минувшего века. Во дворе, очень просторном и глухом (теперь вплотную застроенном), практически в центре города шли допросы и расстрелы. Расправу вели исключительно жестокие люди: Агабеков, Храмов и другие. Особой жестокостью отличалась латышка Штальберг. Она самолично допрашивала, пытала, выносила приговоры и приводила их в исполнение. Все подвалы дома и его двор были буквально политы кровью. Еще совсем недавно, когда подвалы переоборудовали под магазин, при перестилке полов нашли много стреляных гильз. В архивах КГБ найдено дело Агабекова, уже

названного выше «гэпеушника». Он в 20-х годах бежал из России во Францию, но кому-то рассказывал о тех зверствах, что творились в этом «расстрельном подворье». В печально известном 1937 году его, Агабекова, нашли и за границей... Вот такова мрачная история знаменитого особняка — прежде шикарной гостиницы «Эрмитаж».

Но вернусь к страницам истории собора Святой Екатерины, наиболее величественного в городе, который, вмещал до восьми тысяч человек. В храме имелось множество богослужебных предметов из золота, серебра и уральских камней. Но в 20-х годах все это было изъято советской властью. На старой, уже испорченной временем, кинолентке некоторые фрагменты богатого интерьера рассмотреть все-таки можно. Вероятно, съемка велась в момент изъятия ценностей. На кадрах видим и вскрытие чекистами раки с мощами Праведного Семеона Верхотурского. Нашла эти фрагменты в Москве, в архивах Госфильмофонда, и включила в свой фильм «Акафист» режиссер Татьяна Васильева. Она пересказала горестные воспоминания своего отца — Михаила Трофимовича, в 1930 году еще подростка. Родители прочили его в священники, но... Он с друзьями видел последнюю ночь храма, они плакали, когда его безжалостно рушили, а по утрам здание взорвали под предлогом, что камни необходимы для «нового социалистического строительства» в городе.

Все это история. А в качестве эпилога отметим: улица, историю которой мы кратко здесь попытались припомнить в наши дни образовала литературную ось Екатеринбурга: с одной стороны — первоначально ул. Лермонтовская (теперь Лермонтова), с другой — Литературный квартал с Камерным театром. Здесь к 200-летию со дня рождения великого поэта поставили памятник работы скульптора Геворкяна. Теперь это новое культовое место любителей поэзии, музыки и искусства.

*Подготовка иллюстраций
Эдуарда Гильмана.*

Святое место Екатеринбурга

* * *

Живу в Предместии Монмартра.
Прилежно изучаю карту.
Парю над городом совой,
маршрут прокладывая свой.
Напившись кофию, к полудню
иду туда, где многолюдье.
Прольется быстрый дождь — зато
сияет город золотой.
От Опера Гарнье — налево.
Бросаю взглядов частый невод.
Иду беспечным рыбаком,
попыхивая табаком.
Париж вполне однообразен —
один сплошной какой-то праздник.
Наверно, есть труды и дни —
они, однако, не видны.

.....
Я посетил Святой Евстафий.
Нашел немало эпитафий.
Дескать, лежит министр Кольбер —
его судьба другим пример.
Конечно, это очень мило.
Но что напишут на могилах
министров наших, как придет —
и неизбежно! — им черед?
«Трудился много и упорно.
Провел блистательно реформы.
Был мудр, как Дроздобород.
И свой искоренил народ».

.....
Один наследник Талейрана
неслыханную толерантность
вдруг проявил — и авангард
тому был несказанно рад.
А поступил он очень просто:
он в Тюильри наставил монстров —
и всех приятно удивил.
Я б Миттерана удавил.

А может, это я старею?
От авангарда не дурею.
И не хожу на Пляс Пигаль.
(И этого немного жаль.)
Бобуру — Лувр предпочитаю.
Бертрана Рассела читаю.

Евгений Петрович Касимов родился 21 апреля 1954 года. Член Союза писателей России. Автор 7 книг стихов и прозы. Лауреат Губернаторской премии в области литературы за 2006 год.

И вижу: Средние века
недосягаемы пока.
Толчемся на обломках славы
имперской и грустим лукаво
о прошлом... Все опять о нем.
И тихо-тихо вспять идем.
(Когда б не наши берендеи,
что сбрендили и обалдели
от неожиданных свобод —
пошли б затылками вперед.)
Увы, к античности просторной
нам не пройти дорогой торной.
Скорее ждет нас Вавилон
Месопотамский. И полон.
Какое все же было чудо,
когда возник из ниоткуда
афинский сад среди камней
под небом Греции моей!
И пусть Сократа отравили —
прилично все же жили-были.
И бронзой там сверкала речь,
как обоюдоострый меч!
А наш язык журчит клепсидрой.
В нем мало спирта, много сидра.
Слепы поэты, как Гомер.
Мои стихи — тому пример.
Лежу в отеле «Монте Карло»,
до дыр зачитываю карту.
А надо бы, едрена мать,
Бертрана Рассела читать!

.....
В Париже тихо, слава богу.
Идут евреи в синагогу.
Стучит сапожник молотком.
И пахнет кофе с молоком.
В берете и плаще неброском
идет француз по перекрестку
и ежедневный свой багет
несет, как будто багинет.
В цветущем парке на поляне
играют свадьбу мусульмане.
Фотограф двадцать раз подряд
наводит фотоаппарат
на живописное семейство,
что в ряд расселось на скамейке.
Лишь пара чопорно стоит,
организуя, как магнит.
Есть специальные кварталы,

куда ходить вам не пристало —
там черти черные кругом,
там грех. Гоморра и Содом.
Гламур, лямур — все эти штучки
призывно турок вам озвучит
или какой-нибудь арап —
и быстро птичку цап-царап.
И кто спускался в преисподню —
тот выходил в одном исподнем.
А могут и поставить бланш.
Так не ходи на площадь Бланш!
Сижу, брюзжу, философ старый,
курю кубинскую сигару
я на бульваре Сен-Мишель —
и много видится отсель.

.....
Такая вот бодяга, братцы.
Я описал все это вкратце.
За сим — кончаю письмецо.
Держитесь, братцы, молодцом.

В Париже на площади Бланш, где стоит кабаре «Мулен-Руж», было мне виденье. Художница Женя Акулова, давно уже ставшая парижанкой, может подтвердить, ибо ей тоже было явлено.

* * *

«В Париже скучно — едемте в Дербент!»
О, как был прав поэт! На Патриарших
он вел войну за собственный Верден —
и пал в неравной схватке рукопашной.

Париж не обжигает пальцы рук.
Париж давно уже мифологема.
На Сен-Дени — хурма, щербет, урюк.
И на Монмартре кофе пьет богема.

Когда-то был он пьяным кораблем.
Сегодня же Париж благопристоен.
И только мы возвышенно плюем
на эту чепуху у барных стоек.

В Париже есть «Ротонда» и «Куполь».
На Монпарнасе — памятник Бальзаку.
Ах, парижане милые, давно ль
вы поносили бедного писаку?

Как генерал Чарнота в неглиже —
лежит клошар. И я б лежал клошаром!
Увы, не в силе. И давно уже!
Гуляю буржуазно по бульварам

Клиши и Батиньоль. Туда-сюда.
По площади, где мельница вертится.
Прошел Христос. От гнева и стыда
Он напряженно вглядывался в лица.

Босой. В хламиде. Чистый нелегал.
Наверно, Он здесь неофициально.

Христос вернулся с площади Пигаль —
освистанный худым официантом.

А я пошел в кафе «Гиппопотам» —
здесь антрекоты с кровью жаром пышут.
Я славно вечер скоротаю с Пышкой.
Уй, почему вы плачете, мадам?

И алкогольный розовый туман,
конечно, слаще нашего тумана.
Ситэ плывет, что твой Левиафан.
А Нотр-Дам — скелет Левиафана.

Париж весенний

Париж дождливый и лиловый —
плащом промокшим льнет к коленам.
И ничего не значит слово,
пока не вырвешься из плена
девятого аррондисмана —
из сна, из ночи изумрудной
бульвара имени Османа, —
вернувшись в город горнорудный.

Однажды вечером туманным...

* * *

Действительно, цветут каштаны.
Ликуют птицы то и дело.
И набережная туманов
осталась в фильме черно-белой.

Где Жан Габен, как бледный демон,
как дух изгнания, грустный воин.
Кромешная рябая темень.
И от тоски собака воет.

А здесь — Зидан улыбкой теле-
звезды с автобусов сияет.
И я — в двухзвездочном отеле
Бертрана Рассела читаю.

Сказки-побаски бабушки Марии

Снега скрипучие

Зимы послевоенного детства моего были буранные. В самые морозы снег от окошек не отгребали — для тепла, и избенки в уральской деревеньке Брод порой заносило до самых бровей, так что в избах и средь бела дня стоял голубоватый полумрак. На главной улице Ленина, где мы жили, от дома к дому всяк сам себе дорожку прочищал. И получались они в глубоком снегу вроде тоннелей. Бежишь вечером по такому скрипучему тоннелю, а белые, плотные, только что убитые лопатами края возвышаются с обеих сторон вровень с твоей макушкой. Задерешь голову вверх, а там, наверху, будто вырезанная ими из цельного пласта неба, — узкая, темно-синяя полоска с крупнющими, яркими, острыми, холодными звездами!

Понятно, что те, кому по своим делам надо было топтать дальше последнего в улице дома, пробирались к цели как Бог на душу положит. Ну, кто станет, например, чистить метровые снега в длинном, без единого домика, пустынном проулке, через который летом с нашего края гоняли коров в лес на пастбище?! Местечко чуть дальше этого проулка отделялось от центра деревни высохшим, но весной и в дожди подмокающим таки болотцем с неглубоким логом, и одной стороной прижималось к этому логу, а другой — к лесу. Оно так и называлось — «за логом». В теплое время года жители «за лога» ходили на главную улицу с ее школой, сельсоветом, клубом и магазином, по переулку. А зимой прокладывали тропочку прямехонько через огороды, в том числе, — и через наш, благо его заносило снегами вровень с плетнем.

Правда, после каждого очередного бурана, когда белого пуха иной раз подваливало по колено, тропку надо было протапывать заново. Так что первому пятку прохожих тяжеленько приходилось. Чтобы не сбиться со старой тропы на снег-целик, приметочки были. На улице Ленина такой приметкой служил край нашей навозной огуречной гряды, пригороженной к основному огороду вторым плетнем. Если честно ска-

зать, летом этот по-вдовьи неплотно сбитый ивовый плетешок был не шибко надежной линией обороны и далеко не всегда уберегал наш урожай от происков ребятни, которая зарилась на ранние огурчики и прекрасно знала, как легко раздвигаются прутья легонького плетня. Однако, худо-некорыстно, службу заборчик все-таки нес. Особенно когда нарочно не выкашиваемая крапива поднималась вровень с ним и снаружи, и внутри огуречника. А зимами, после снегопадов бродовчане, с нашего края правились в сторону «за лога» как раз от верхушек этого плетня, поглядывая вперед на торчавшую из-под снега трубу соседской баньки в конце огородов. А дальше уж каждый сам о себе заботился, торя тропочку от своей избушки до соседской!

...И вот лежим мы в такую снежную зиму темным вечером на горячей печи, греем на истертых до блеска кирпичках настывшие в дневной беготне косточки, а снег в огороде — скрип да скрип, скрип да скрип. А мне как раз впервые в жизни новые валенки купили. Трое старших — брат и две сестры — до того переходящую по наследству обувь нынче износили, что уж и подшивать — взяться не за что. Потому и подвезло мне с обновкой!

Ох, и хороши у меня нынче валенки! Серенькие, мягонькие, маленькие! Ну, разве что — чуть-чуть навыворот, но с ноги не сваливаются, как те, старые! За полмешка лука выменяла их мама на базаре у пимоката. Вот только переживаний мне теперь — с ними!

— Стара! Воры-те прознали, что у меня новы пимы, вот и ходют, вот и ходют! То — туды, то суды! То — туды, то суды...

Стара — это бабушка моя. В девичестве — Казанцева, в замужестве — Болтинских Мария Александровна. На далеком Дону, откуда родом ее казачья семья, старшее поколение звали: «мама стара» да «тятя старый». С годами первая часть поименования отмерла, и для нас, единственных во всей деревне, бабушка и дедушка были не «баба» и «дед», а Стара и Старый.

Нина Ивановна Буйносова родилась в 1945 году в деревне Брод Каменского района Свердловской области.

В 1976 году закончила заочное отделение факультета журналистики УРГУ. Работала корреспондентом, редактором, ответственным секретарем, зам. редактора городской газеты «Каменский рабочий». В сентябре 1991 года основала и с этого времени возглавляет газету «Содействие». Член Союза журналистов России. Лауреат областной и Всесоюзной премий Союза журналистов СССР, Член Союза писателей России. В 1997 году стала первым лауреатом городской премии «Браво» в номинации «Литературное творчество».

На печи-то, правда, лежим только мы со Старой. Мама, когда по дому управится, на широкой лавке устроится у стены, а трое других домочадцев, которым повезло родиться раньше меня, предпочитают не на печи, а на полатах спать, где не так жарко. Меня же Стара не зря «поморозницей» звала. Не по возрасту маленькая, худящая до черноты под глазами, я вечно мерзла, и даже на печи умудрялась лежать не на истертой Стариной шубе, а прижималась прямо к каленым кирпичам, температуры которых и Стара не выдерживала.

- Стара, расскажи сказку!
- Да какие-то сказки?! Поздно уж. И натопталась я нонче у печки, сил нет...
- Ну расскажи!
- Ладно, не то. Котору вам?
- А про окуту с того света!

Сказка про окуту с того света

Жили были старик со старухой. Один у них был сынок — Доронюшка, и тот помер. Вот встала старуха утричком поране, сварила шти крапивны, кашу перлову, испекла пирог гороховой...

- Садись, старик, завтракать...
- Да я чо-то пока не проголодался... Пойду в поле, пороблю сперва. Потом приду, поем...

Вот ушел старик в поле, а в двери — шась — пройдоха один. Бродяжка с большой дороги! До того грязен да оборван — страсть!

Старуха и спрашивает:

- Ой, батюшко, штой-то ты грязной такой? И лопадина-то у тебя вся изорвана... Уж ты — не окута ли с того света?

– И как только ты дозналась, баушка! До чо жо востра! Верно ведь, окута я с того света!

Старуха так и вскинулась:

- Ой, батюшко, дак не видал ли ты там сыночка мово Доронюшку?

- Как не видать — видал, конечно!
- А чо жо он там поделывает?
- Ой, баушка! Ведь он свиней по оврагам да по буеракам пасет. Весь поизносился, поизорвался!

– Да не передашь ли ты ему гостинчик от родителёв, да справу каку?

– Как не передать дружку дороговому! Мы ведь с им вместе свиней-то пасем!

Заревела старуха, кинулась дороговому гостю на стол собирать. И шти крапивны выставила, и кашу — весь горшок, и пирог, горячий ишшо, из печи вынула: ешь, гостенек!

Наелся окута, напился. Все приел, што на столе было. Только на гороховой пирог силы уж не хватило. Дак он пирог-от в тряпицу завернул. С собой, дескать, возьму, унесу для Доронюшки. А старуха тем времём сундук открыла, постелила на пол праздничну вышиту скатерку, и давай из сундука на скатерку всяко добро складывать:

- Вот Доронюшке — онученьки, вот — рубашечку, вот — порточки, а вот и лапоточки...

Цельной узол добра в скатерочку навязала. Окута узол за плечи закинул — и был таков!

Тут и старик с поля явился:

– Ну, давай, старуха, собирай на стол! Я, знать-то, проголодался!

– Дак ничо уж нетути, батюшко!

– Как нетути? А куды все подевалося? Неуж одна съела?

– Ну-к, ты и скажешь, родной! Нешто я без тебя эстоль съела бы! Это у нас гость дорогой был — окута с того света. Он вместе с нашим Доронюшкой на том свете по оврагам да по буеракам свиней пасет. Голодной был шибко, дак я все ему и скормила.

У старика от такой новости в животе уркнуло-буркнуло, ну, стерпел, не стал ругать старуху. Только глядит, а сундук, в котором все добро домашно складено, пошто-то настезь распахнут стоит.

– А чо это у тебя, старуха, сундук-от польый?

– Ну-к, сказывал окута, чо Доронюшка-то наш весь поизносился, да поизорвался, дак я ему выслала онученьки, да рубашечку, да порточки, да лапоточки...

Старик только головой покачал. Вышел из избы вон, пал на лошадь, да гнать. Долго ли, скоро ли — догонил окуту с узлом:

– Стой, парень, ломай вицу!

– Не могу. Я кокушки боюсь...

– Ну, держи не то лошадь!

Подал старик проходимцу повод, а сам пошел в лес березову вицу ломать, штоб было чем окуту драть. А окута — не будь дураком, пал на лошадь — да гнать!

Старик кричит:

– Стой, парень! Стой! А кокушка-то! Кокушка!

– А теперь — хоть с избушку кокушка — и то не боюсь!

Только старик его и видел. Пришел домой пеши. Старуха спрашивает:

– Старик, а лошадь-те где?

– Дак окуте отдал. Што ли, тебе Доронюшка-то — сынок, а мне — пасынок?!

С горы, с горочки катучей

Послевоенной, изголодавшейся, оборванной не хуже Стариного окуты, деревенской ребятне зимы долгими казались. Ждешь-пождешь эту весну, а она никак в нашу уральскую деревушку не торопится. Только и радости, если очередной мороз даст слабину. Тут уж — успевай! Торопясь, навернешь на ноги чистые, теплые онучи, дожидавшиеся такого момента на веревке над печью, надернешь — эх, до чего же хороши! — новенькие пимы. Сорвешь с гвоздя доставшуюся по наследству, великоватую, плохо греющую фуфайчешку. Пока застегиваешься, сестра поплотней приладит к твоей головенке сперва старенький, тонкий, медового цвета гарусный платок для тепла, потом, поверх него — еще серую вязаную полупуховую-полушерстяную материну шалюшку, стянет ее крест-накрест под мышками и завяжет позади, за спиной. Схватишь в сенях излаженные Старым, крепко-накрепко связанные лыком деревянные санки, — и айда с горы на Исеть кататься!

...Не знаю, как теперь, а в те годы из деревни от главной улицы к Исети два спуска вело. Первый — справа, крутой, срывающийся с одного боку в глубокий-преглубокий овраг, который служил всей деревне в качестве свалки. Здесь и летом-то, пока идешь, за каждый камушек ногами, а то и руками цепляешься. А зимой, ежели запнешься, до самой реки будешь кубарем лететь без остановки.

Другой спуск идет левой первого, по длинному, широкому и глубокому логу. А посередине между ними, на самом юру, своеобразной вешкой — нищенкина избёнка стоит. Сама же улица Ленина с левого края, от начала спуска и почти до самой реки односторонкой продолжается. Домишки мостятся по верхнему краю лога, а внизу, плавно поворачивая вместе с ним, торная дорога налажена.

Конечно, кататься лучше всего здесь. С крутой-то горы — и повизжать не успел, а уже на реке! И карабкайся потом снова наверх с почему-то разом потяжелевшими санками, то и дело соскальзывая обратно и бороздя носом обледеневший склон! А на конном спуске — красота! Едешь и едешь... Одна беда — дорога тут — для всего транспорта, и за поворотом не видать, есть ли кто впереди? Так что невзначай можно и под копыта лошади попасть! Но когда и кого из ребятни такая воображаемая родителями опасность останавливала?! Тем более, что здесь можно кататься и не поодиночке.

И вот сбивается у начала спуска ватажка. Самый смелый и ловкий парнишка ложится плашмя на свои санки и цепляет ногами «головку» — изгиб санок следующего юного бродовчанина. Тот, в свою очередь, руками берется за задние стоечки, коими скреплены верх и низ санок первого смельчака, а носками валенок — за следующий «авто»-транспорт... Так до десятка саней набирается, и называется все это — кататься «поездом».

Ухватились, значит, все, кому за что положено, вотжак пару раз руками оттолкнулся от дороги, до блеска укатанной санями и дровнями, улитой конской мочой и усталой заледеневшими, желтовато просвечивающими под ней, раздавленными конскими яблоками — и-и-и — поехали! С визгом, с криками! До поворота! За поворот! Слава Богу, навстречу — никого! Теперь — до самой речки! На неровном стыке речного льда и высокого в этом месте берега тряхнет хорошенько. Если повезет и «поезду» случится не потерять сцепку, все благополучно на реку скатимся, да еще по льду чуть не до середины Исети проедем. А не повезет — кто куда с саней по сторонам валимся. Из сугробов встаем — чисто снеговика! Ни глаз, ни рожи не видать. Все снегом залеплено. Протираешь глаза, вытряхиваешь снег из валенок и фуфайки, выплевываешь изо рта...

А морозец, хоть и не велик, а стоять не велит, так что поскорей — веревку в руки — и обратно, в тот же долгий путь, только теперь уже не под гору, а в гору. Доверху доберемся — от спин пар валит. И снова — сцепка начинается. Раза два-три скатились — и самые маленькие, вроде меня, принимают жалобно канючить, или, как говорит моя средняя сестра, «нявгать»: «Пойдемте домой! Холодно!». Старшие для виду маленько покочев-

ряжатся, но ведь и сами-то уж замерзли. Да и по рано темнеющей зимней поре дорогу все равно вот-вот не видать будет...

Дома мама или Стара, охая, вытряхивают снег из моих одежек; оттирают ледяные руки, попутно смазывая сметаной болючие цыпки; достают с печки теплые, вязаные носки и натягивают их мне на столь же ледяные ноги. А теперь — на спасительницу мою — печку! И ждать, когда Стара на кухне перестанет греметь чугуном и протянет наверх кусок хлеба да две-три белых, рассыпчатых картофелины, политых вкусно пахнущим подсолнечным маслом. Покосишься из-за изношенной до дыр ситцевой занавески вниз, на хлопчущую у печи Стару (не смотрит ли?) — а рука уже сама так и лезет без спросу в поседевший от старости, худой одинокий валенок на полке над печью. Там все еще водятся натолканные с осени, когда-то зеленые, а теперь уже пожелтевшие или покрасневшие помидоры. Они уже и задрябли маленько, сморщились, но вприкуску с картошечкой за милую душу летят. Вот теперь и жить можно! Даже подремать, пока не услышишь, как бабушка завозится под боком, устраиваясь рядом на горячих кирпичках и пытаясь нащупать под мягкими носочками мои пяточки: отогрелись ли?

— Охо-хо, грехи мои тяжкие! — шепчет Стара себе под нос, напрасно надеясь, что не разбудила внучку-«проходимку».

Куда там! Я-то уже и отогрелась, и даже поспала! Мне теперь сказку подавай!

— Ну, как тебе нонче сказывать?

— А про дудочку!

Сказка про дудочку

В одной деревне жили-были мужик да баба. И было у их три дочери. Старши-то ленивиньки были — ни грядки выполоть, ни избы подмести. Все им лень да неохота. А младшинька дочушка — Овдотьюшка — така хлопотунья, така стрательница! И листьев подсолнушка нарвет, чтобы коровушку вечерком посытней подкормить, и воды с утра маленькими ведрышками натаскат в бочку, чтобы за день нагрелась, чтобы тепленькой огурчики-то поливать... Оне — огурчишки-то — холодно, колодежду воду шибко не любят. Оне от ее хиреют да чивреют. А как ее солнышко-то нагреет, да вечерком ты их польешь хорошенько — утром и собирай огурец! Вот тогда он не задрябнет! Тут-то и соли его поскорей — крепенького да свеженького в холодной, родниковой водичке. И такой он вкусной да хрусткой выдастся — сам бы ел, да денег надо!

Ну, вот. А дело-то было летом. Старшим-то девчонкам вовсе неохота в огороде париться над грядками, оне и придумали в лес по ягоды отпроситься. Мать, конечно, поворчала для виду, а сама и рада: наберут, дескать, девки ягоды, насушу я сладкой поболее — а зимой, глядишь, пирогов напеку! Ешьте на здоровье!

Утром мать разбудила дочерей пораньше, каждой по яичку сварила, хлебца да сольцы в тряпицу завернула, кваску плеснула в бидончик. Старшим — по тусочку под ягоды дала, а Овдотьюшке — только блюдичко с

синей окаемочкой. Дескать, мала еще с большой посудиною таскаться. А больше наберешь — сестрам высыплешь в туюсок.

Только, как в лес-от пришли, старши сестры первым делом под кустик присели, поели, да тут же и уснули. А Овдотьюшка, пока она спали, цельной туюсок земляны набрала. Да такой крупной, такой спелой — кажно зернышко в яголке видать!

Сестры-те проснулись, когда солнышко им в задницы уткнулось. Кака тут работа по самой жаре?! Так и проваландались цельной день без толку. А как домой-то ийти, стыдно стало за свое безделье. Што родителям-то сказать? Всего один туюсок на всех набран? Оне и удумали страшно дело. Взяли да и убили Овдотьюшку! Под тем же кустиком, под которым спали, и зарыли бедную. Ягодки разделили, блюдечко раскололи, вдоль по реченьке отпустили. А сами, как ни в чем не бывало, домой пошли.

Дома родителям сказывают, дескать, потерялась наша Овдотьюшка. Уж она будто ее звали, уж она ее кричали, голоса надорвали, ноги избили, по лесу бегаячи, — да все напрасно. Из-за того, мол, и другой туюсок набрать не сумели.

Ну, родители в лес кинулись, кричали-кричали, звали-звали, да все без толку. Так, несолоно хлебавши, и домой пришли. Погоревали, погоревали, да делать нечего. Живут дальше. На дочерей-то худого и не подумали. А тем только того и надо, штоб никто не догадался об их злодействе...

Только на том самом месте, где сестры Овдотьюшку зарыли, дудочка выросла. Шел мимо прохожий человек, присел на бугорок, пожевал хлебушка да и надумался дудочку срезать. Прodelал в ей где надо дырочки, поднес ко рту — а она сама и запела:

*«Дяденька — потихоньку!
Свет родной, помаленьку!
Две меня сестрицы убили,
Под кустиком схоронили,
Ягодки разделили,
Блюдечко раскололи,
Вдоль по реченьке отпустили...»*

Испужался прохожий человек: «Ох, неспроста эта дудочка таку песню поет!» Взял ее с собой и дальше пошел. А ийти ему надо было вокурат по той самой деревне, где Овдотьюшкина семья жила. И домик у их был с краю. Вот и зашел прохожий в избу — попросить водички напиться.

Ну, родители были люди гостеприимные. Как не приветить странника?! И напоили его, и окрошкой по летнему времени угостили. А он и говорит:

— Раз тако дело, што вы меня так приветили, дак дозвольте, я вам на дудочке сыграю.

Достал дудочку, поднес ко рту, а она и запела:

*«Дяденька — потихоньку!
Свет родной, помаленьку!
Две меня сестрицы убили,
Под кустиком схоронили,
Ягодки разделили,
Блюдечко раскололи,*

Вдоль по реченьке отпустили...»

Хозяева только охнули. Отец-от говорит:

— Ну-тко, странничек, не дашь ли ты мне на этой дудочке поиграть?!

— Как не дать? Дам!

Взял отец дудочку — а она и запела:

*«Тянька, потихоньку!
Свет родной, помаленьку!
Две меня сестрицы убили,
Под кустиком схоронили,
Ягодки разделили,
Блюдечко раскололи,
Вдоль по реченьке отпустили...»*

Тут и мать к дудочке кинулась. Сохвatala, ко рту поднесла, а та свое выговариват:

*«Мамонька, потихоньку!
Свет родной, помаленьку!
Две меня сестрицы убили,
Под кустиком схоронили,
Ягодки разделили,
Блюдечко раскололи,
Вдоль по реченьке отпустили...»*

Так родители про все и узнали. Взял тут отец дочерей своих, вывел их в чисто поле и сказал:

— Была у меня, видно, одна на свете дочушка Овдотьюшка, и той теперь нет. Один голосок остался. А вы боле мне — не дочери. Идите куда глаза глядят. Оне и пошли. После чужи люди сказывали, што каких-то двух сестер на том самом месте, где была Овдотьюшка убита, волки заживо растерзали. По грехам, значит, и расплата...

...И быль про дудочку

Сказка эта про дудочку шибко мне в душу запала. И не только потому, что жалостная была. А еще и потому, что в существование таких говорящих дудочек я с самого малого возраста свято верила. И вот как это вышло.

В деревнях ребятишек подолгу грудью кормили. Иной карапуз уж сам сопли научился по мордашке размазывать и на улице всю верхом на хворостине гоняет, а дома все норовит к матери за пазуху залезть. А матерям, с одной стороны, забот меньше, чем ненасытный роток занять, а с другой — проблем меньше с рождаемостью. (Надеялись на так называемую «замену»). Дескать, пока кормишь, не забеременеешь. Правда, с этим не всем везло. Бывали ведь и такие бабоньки, что мужик взглянуть не успеет, а у той уж живот пухнет. Ну, да не об этом — разговор).

Меня мама тоже долгонько у титьки держала. А потом-таки отправила к Старе на расстанюшки. (Стара со Старым тогда еще в другой деревне — в Черемисской — жили).

И вот живу я там и день, и другой, и третий... Не знаю, сколько прожила, только мама соскучилась наконец по своему «последышку» и притопала таки по пыльной полевой дороге за десяток километров попроведать, как я там без нее обхожусь. Без маминого молочка я за это время, конечно, научилась жить, но вечером, едва забралась она ко мне на еще теплую после стряпни

печку, я сразу принялась у ней за воротом шариться: а вдруг да удастся уловить что! Мама, понятно, меня тут же по руке вразумительно шлепнула. И никакой нечаянной радости мне не отломилось.

...Проснувшись наутро, я обнаружила сидящего на лавке дальнего родственника бабушки — кривого Проню, который, по ее рассказам, давным-давно потерял один глазок, наткнувшись на ветку в лесу. И вот глядит этот Проня на меня снизу вверх своим единственным глазом и говорит:

— А што это ты, Проходимка (Проходимкой меня Стара прозвала за то, что я, по ее словам, в три с небольшим года, уже «прошла огонь, и воду, и медные трубы»), ночью к матери за пазуху лазила? Ай-я-яй! И как не стыдно! Така больша — а за мамкину титьку хвататься!

— А ты откуда узнал? — вполне резонно поинтересовалась я, скатившись по приступочкам на пол и подбегаясь поближе к гостю.

— Дак ведь у меня волшебна дудочка есть. — И показывает мне зеленую камышинку с вырезанными отверстиями. — Эта дудочка мне все про тебя и рассказывает. Вот позавчера, например, ты у Старой сметану из кринки с простакишей слизала. А вчера стащила первый огурчик, который она на окрошку оставила и под лопушком спрятала. А поза-позавчера...

Что я там натворила «поза-позавчера», Проня так и не успел рассказать, потому что в этот момент выхватила я у него волшебную дудочку — и хрясь ее об коленку! На тебе, ябеда!

Но напрасно я с торжеством глядела на кривого Проню, рассчитывая увидеть, как он расстроится. Проня лишь расхохотался в ответ на мою выходку:

— Ох! Ох! — Только и выговаривал он сквозь смех. — Ох, и верно, Проходимка! Да таких волшебных дудочек у меня за деревней целно болото растет!

Любовь и картошка

Солнечным февральским днем брат и сестры убирают навоз в стайке у нашей любимицы — черно-белой тагилки, умницы Маечки, которая вот-вот днями должна отелиться. Брат вилами выбрасывает навоз за двери, а сестры подхватывают его вместе со снегом и перебрасывают стылые или еще дымящиеся говяши в огород. Я кручусь у старших под ногами, пока один говяш чуть-чуть не в лицо мне прилетел. Мне тут же было велено или в избу убираться, или тихо сидеть на сложенной у избы поленнице, дров в которой к концу зимы самый чуток осталось.

Бока у Маечки уже разнесло так, что крестец на спине проступил. Выпущенная во двор по случаю уборки, она зябко встряхивает всей шкурой и косит на нас большим лиловым глазом: и чего, дескать, беспокоите меня в таком положении?

А я гляжу на нее и мечтаю, как в очередной раз принесут ночью в избу на старом половике маленькую неуклюжую телочку, точь-в-точь такую же, как Майка, — черно-белую, с красивой белой мордочкой. Как станет она шарашиться, помыкивая и пытаясь встать в отгоро-

женном досками углу. Как, расставив дрожащие ноги, пустит первую струю на пол. Как потом станет играть со мной, взбрыкивая в своей загородке, подставляя крутой лобишко, чтобы я его почесала (что вообще-то категорически запрещалось делать, чтобы телочка не выросла бодучей). Как мама станет приносить в избу сперва желтое молозиво, как оно с каждым разом будет становиться все белей и белей, и однажды — наконец-то! — после долгого межмолочья Стара нальет не только телочке, но и нам через чистенькую марлечку прямо из подойника по кружке вкусно пахнущего, пенящегося, парного, нового Майкиного молочка.

...В обед мы сидим за столом и едим из большой алюминиевой чашки сперва тюрю — залитые кипятком сухари с накрошенным в них луком и заправленные подсолнечным маслом, а потом — из большого черного чугунка уже поднадоевшую за зиму пустую картошку заедая ее кислой капустой. Стара, глядя на нас, подшучивает: «Кушай, Яша, тюрю, молочка-то нет». А, уйдя на кухню, тихонько ворчит себе под нос: «Бедны робя-тешки. Растут ведь, а кормить нечем. Лук с кваском, да квасок с лучком — вся и перемена!».

Вечером она уговаривает маму не жалеть дров и разжечь стоявшую посередь избы на четырех лапах черную печку-буржуйку. И вот намыли мы той же картошки, сели вокруг на пол, и, нарезая белые кружочки, бросаем их, посолив, на раскаленный верх буржуйки. Округлые картофельные пластинки, окаймленные темной, тонкой корочкой шкурки, шкворчат, покрываются золотисто-ржавыми и темными пузырьками. От жара соль подпрыгивает с них и сгорает, попадая на печку. И до чего же они вкусны — эти картофельные печенки в голодном послевоенном феврале! Будто и не картошку вовсе едим, а невесть какое лакомство.

...К ночи забрались — кто на полати, кто на печку. Стара, которая в этот раз чуть пораньше меня на печи оказалась, греет мои ледышки своими теплыми ногами. А на меня нежный стих нашел. Прижимаюсь к ней, обнимаю крепко-крепко.

— Стара, знаешь, как я тебя люблю?

— Как?

— Как от земли да до небушка. Нет! Как из голбца да до небушка! А ты — меня?

— А я тебя — как... как от полу да до половиков.

...Вот тебе и на! А я-то думала... У меня от обиды — слезки на колесках. Так и царапаются в горлышке. И уже в носу хлопают...

— Да пошутила я. Я тебя тоже люблю.

— А как?

— Как из колодца да до небушка!

Я удовлетворена признанием, но все еще всхлипываю. Однако Стара знает, как внуков успокаивать.

— Ладно, не реви! Хочешь сказку?

— Хочу-у-у...

— А каку тебе нонче?

А таку, что уж тебе, Старинька, за обиду мою сѣдни до-олго не спать. Нарошно саму длину сказоньку выпрошу:

— Расскажи про Восиясно Красно Перышко...

Сказка про Восиясно Красно Пёрышко

Вот тоже жили одна муж, да жена, да дочка Марьюшка. Только мать-то возьми да и помри. Надселась, видно, на тяжелой хресьянской работе. И остались отец с дочкой вдвоем. Только ведь недаром говорится, что без отца ребенок — полсироты, а без матери — полная сирота. Отец-то цельными днями в поле: то пашет, то боронит, то сеет, то жнет, а девчурочка с утра до ночи одна по домашности мотается: ни умыться толком, ни косынку заплести. Так и бегат чумаза да растрепанна.

Прошел год, другой. Марьюшка уж подросла, а все ж таки тяжело ей одной-то на хозяйстве. Вот и надумал отец вдругорядь жениться. Присмотрел вдову, которая тоже одна с двумя дочерьми жила, и присватался. Дескать, вдвоем-то и поднимем вместе девчонок.

Про бабу бы так сказать можно было: взамуж-то — не напасть, да как бы взамужом не пропасть! Только тут вовсе все наоборот вышло. Мужик, как бился один во поле, так и бьется, а мачеха-то дома только фуфырится. Не то чтобы за падчерицей приглядеть, дак она на саму ее втрое больше работы наворотила. Теперь Марьюшка еще и за мачеху, и за сестер сводных весь день по домашности убивается: корову напои-накорми, навоз убери, печку истопи, дров-воды натаскай, хлебы поставь, штей навари, накорми-напои бездельниц, бельишко перестирай-переполощи, золу из печки выгребь, избу вымети...

Придет отец с поля, глянет на Марьюшку — сердце заболит:

— Што ж это Марьюшка-то у нас — така чумаза да неприбранна?

— Дак така уж она у тебя — не к чему не приучена. Не умыться не заставишь, не косу заплести. На моих-то погляди — вон каки чистеньки! А эта уж так, видно, замарашкой и будет...

И по деревне то же понесла: замарашка да замарашка... Вскорости у Марьюшки и имечко крещено забылось. И стали ее все Замарашкой звать.

А, надо сказать, еще при матери завелся во дворе у их петушок. До того баской — глаз не отвести! И шея, и крылья, и хвост так на все цвета радуги и переливаются. Очень любила Марьюшка этого петушка. Ну, как же, — по матери поминочек! И петушок ее тоже любил. Во всем доме она одна иной раз раньше его вставала. И вечно она — в работе, а никогда не забудет петушку лишний раз крошки стряхнуть, крупки подбросить. Только Марьюшка во двор выйдет — петушок слетит с забора — и к ей! Так и ходит кругом, ровно кошка, так и ластится, так и кокочет, ровно што сказать хочет. А на мачехиных дочерей злым кочетом налетат, ноги-руки им клюет, только что глаза не выклевыват...

Жалуются оне матери, а та — к мужу чуть не с ножом к горлу пристаёт: «Заруби да заруби петуха! Совсем заклевал моих девок! И тебе на полевых-то работах — приварок будет...»

Словом, зауросила баба: спать не легу и домой не еду!

Марьюшка сроду со дня матерних похорон не ревывала, а тут услышала про тако дело — слезьми улилась:

«Не трогай, тятенька, петушка! Одна у меня радость, один поминочек по родимой мамоньке остался!» Противился-противился мужик новой жёнке, да куды ж ты против такой бабы выступишь. И жалеет красавца, а деваться некуда!

Побежала Марьюшка с петушком прощаться. Кажно перышко у его перебрала-переглядила, весь гребешок алый по зубчику исцеловала. А петушок ей и говорит вдруг человеческим голосом: «Не плачь, Марьюшка! Знать, у домашной птицы судьба така. Только ты выбери-кось у меня из хвоста само баско перышко и спрячь подале, штобы сестры не увидали. Улягутся оне с мачехой-то спать, а ты возьми мое Восиясно Красно Перышко, вставь его в светец заместо лучины и вышей такими же перьями нарядну рубашку на добра молодца. А как вышьешь, пойди на базар и продай ее. Да — не всякому, а только тому, которой к душе припадет. Только, когда тебе из дому выходить, штоб не признал никто, махни вокруг себя Восиясным Красным Перышком — и сама увидишь, што будет».

Погоревала Марьюшка по петушку, поплакала, да так и сделала, как он велел: выбрала само баско перышко и спрятала у себя за пазухой. И стала она по ночам у себя за печкой, как времё выберется, рубашку вышивать. И год шьет, и другой. А заместо лучины светит ей Восиясно Красно Перышко, в светец вставленое. Так сият, што никакова свету не надо.

А в те года в царевой семье на здешней земле сынок вырос. Жениться ему пора, только никак себе невесту не выберет. Он, вишь, хоть и царской сын, а парень умной да рукодельной вырос. Дядька царской, которому было поручено царенково воспитанье, парнишонка в строгости растил и всякому ремеслу выучил. Которы робята из его ровни по цельному дни бездельно по лавкам валяются, а этот с утра — в работе. То он столярничат — на дома-терема резны наличники мастерит, то для царской конюшни хомуты шьет, то для конюшенного мужика сапожки из доброй кожи на болванку натягиват, то валенки починиват...

Ну, все-таки дело молодое. Тоскливо ему как-то показалось во дворце. Говорит дядьке: «Пойду-кось я на базар, погляжу, каким там еще мастерством народ владеет?» Оделся попроще, взял с собой резны наличники на продажу да малую толику денег, кои сам заработил, — и отправился.

А на ту пору Марьюшка как раз рубашку вышила. Така баска рубашечка вышла — глаз не оторвать! Уловила она момент, когда мачеха со своими дочками ушла с соседками сплетничать, вышла на двор, махнула вокруг себя Восиясным Красным Перышком — и обернулась краса красой с русой косой. Пошла она на базар, встала с краю, рубашку на руках дёржит. Уж не только простой народ, а и купецкой сын к рубашке приценивался, на мастерицу заглядывался, только Марьюшка не отдает свое рукоделье. Говорит: «Тому отдам, кто за рубашку не чужой, а своей денежкой расплатится».

А тут вокурат царевич идет вдоль рядов. Глядит, эвон, како чудо красна девка в руках дёржит!

— Нешто, — спрашивают, — человеческим рукам така красота доступна?

— А ты попробуй, и узнашь! — шутит Марьюшка.

— Да эдак-ту и из всёй вашей сестры, наверно, только одна изгадат. А у меня други кружева из-под руки выходят — деревянны. ...

А Марьюшка-то и сама уж приглядываются к деревянным кружевным наличникам.

— А это, што ли ты сделал?

— Я.

— Ну, раз так, — говорит, — бери мое рукоделье. Носи на здоровье!

Пока парень обнову-то в руках вертел, да разглядывал... Поднял глаза, хотел денежку отдать, да еще разок на саму мастерицу посмотреть, а ее и следок простыл.

Тут и затосковал царевич. Как бы ему хоть еще разок, хоть в один глазок ту деушку увидеть! А царской дядька на то и поставлен, штобы приглядывать за царевичем. Ну, и видит, што у воспитанника-то кусок в горло не лезет, сон в глаза нейдет...

Нето-нето — добился, разузнал, в чем дело. Ну и говорит царевичу:

— Таки-то мастерицы не во дворцах живут, не по балам шляются. Где-то в простом доме деушка проживат, и увидеть ее можно разве што во святой церкви в воскресной день.

А у Марьюшки и у самой сердчишко щемит, зовет куда-то. Вот в воскресной день собираются сестры с отцом да с мачехой в город, в церкву. Попросилась, было, и она с имя. Не берут. И отцу не дали слова вымолвить:

— Куды такой Замарашке — во святу церкву! Только нас позорить!

— Дайте, мне хоть гребешок причесаться.

Оне бросили ей гребнем-то, да прямо в голову.

Ну дождалась она, когда все ушли, вышла во двор, взмахнула вкруг себя Восиясным Красным Перышком — и обернулась краса красой с русой косой, в серебряном платье. А уж рядом конь под серебряной дугой, в попоне серебряной по снегу копытом бьет. Колокольчики серебряны без ветру звенят. Кошева росписная сама ступенечку под ноги подставляют. Села Марьюшка в кошеву, поехала во святой храм. Подъезжат к воротам, коня не привязывают, людям не приказывают, сама заходит в церкву.

Стоит себе молится, а народ шеи изломил — на нее оглядываются: «Чья така? Откудова? Из какова городу?» — «А из такова городу — гребнем в голову». Што за город такой — некто не знат. Один царевич как увидел ее, сразу признал мастерицу с базара. Уж и не до молитвы ему. Не чает, как конца службы дожждаться.

Кончилась служба. Народ из церкви повалил. Марьюшка-то в самом конце стояла, первой и вышла. А царевич по должности своей в самом первом, почетном ряду стоял. Оттуда пока-а-то к дверям пробрался! Выходит — а любезной и след

простыл. Видали, говорят, как садилась, не видали, куда укатилась.

Дома у Марьюшки только и разговоров, што про красавицу, да про ее наряд.

Марьюшка и спрашивают:

— Уж не я ли там была, сестрицы?

А сестрицы на смех подымают:

— Куды тебе, Замарашке! Сиди уж на печи, чумазая, перегребай золу с угла на угол!

Один лишь отец маленько заподумывал о чем-то, на свою доченьку запоглядывал да головой започакивал.

На друго воскресенье опять просится Марьюшка в церкву. Опять ее не берут. Она попросила подать ей поварешку. Сестры-те бросили ей поварешку, да прямо в голову...

А царевич еле дождался воскресенья. Только там — тот же сказ. Всей и разницы, что одета была красавица на этот раз в золото платье, и конь у ей был в золотой попоне, с золотыма колокольцами да с золотой дугой. Среди крещеных снова только и разговору, дескать, подъезжат красна девка к воротам — коня не привязывают, людям не приказывают, сама заходит в церкву. Спрашивают ее, из какова она городу, а она только и молвит коротехонько: «А из такова городу — поварешкой в голову». После службы царевич опять к выходу не поспел. Все говорят: видали, мол, как садилась, не видали, куда укатилась.

Дома у Марьюшкиных сестер красавица в золотом платье с языка не сходит. Вот бы и им таки платья! Ца-

ревич-то, небось, тогда не на эту, незнаму, глазел бы, а их заметил, да, глядишь, и посватался. Возраст-то у его — самый што ни на есть жениховский.

А Марьюшка с печки опять тихонько спрашивает:

— Уж не я ли там была, сестрицы?

Те только руками замахали:

— Куды тебе! Сиди уж на печи, перегребай золу с угла на угол!

Только один отец сильней прежнего задумался. Платье-то — платьем, однако, ежели его Марьюшку умыть, да причесать, да нарядить так-ту, дак не выйдет ли, што личиком-то она с той девицей одно в одно будет? И с прозванием городов у ей мудрено, да не с намеком ли каким выходит: то — «гребнем в голову», то — «поварешкой в голову»...

На третье воскресенье отец Марьюшкин сказался занятым и не пошел в церковь, а в сараюшке спрятался. Тут и увидел он, как его дочушка, кровиночка родная, петушиным перышком себя обмахнула, как оказалось на ей тако платье, што надо бы нарядней, да некуды! Все будто из радуги соткано. И дуга, и попона на коне, и колокольцы — тоже ровно с небес после дожжичка сняты, всеми цветами переливаются. Села Марьюшка в кошеву и со двора выехала. А отец пошел в избу, пал на колени перед иконами и молится — ног от радости под собой не чувствует.

...Марьюшка у церковных ворот, привышным делом, коня не привязывает, людям не приказывает, сама заходит в церкву, и также, привышным делом, в последний ряд встает. Только слышит вдруг из уголочка сзади голос знакомый:

— Ежели ты и нонича уедешь из церкви, словечка мне не сказав, погублю я свою бессмертну душу — утоплюя в пролубе.

Оглянулась Марьюшка, а позади — тот паренек, которому она вышиту рубашку отдала. В той рубахе и стоит. И вышивка — цвет в цвет — с ее платьем сходится. Догадался царевич на этот раз тоже в последний ряд встать, а она догадалась, што не зря на их одеже одинаково Восиясно Красно Перышко сият. Встали оне рядышком и так до конца службы простояли вмestях. Вмestях и из церкви вышли. Взались обое за руки, стоят — расходиться неохота.

Царской дядька видит тако дело, домой скорейча побежал — рассказать царю с царицей, што царевич наконец-то свою сужену нашел. Те заахали, заохали, подхватились — да к церкви. А тут и Марьюшкин отец из дому прибежал, запыхался. Сговорились скоренько, да в тот же день и обвенчали царевича с Марьюшкой в той же церковке. Пожили молодые сперва в царском терему, пока царевич свой теремок не изладил. Весь кружевной, нарядной. А на самом верху петушок крутится. Такой баской — глаз не отвести. И шея, и крылышки, и хвост так на все цвета радуги и переливаются. Отца Марьюшкинова молоды-те к сибe взяли. А мачеха с дочками от стыда вовсе из тех мест ушли куды глаза глядят.

Так-то вот. Счастье-то — оно не с неба сваливается. Его заробить надо.

Стишок про бедного Ваню

Отцов в нашей деревне после войны поштучно считали, пылинки с них сдували. А матерей по зимнему времени то за сеном для колхозных коров пошлют на дровнях на дальние луга; то председателю для чего-нибудь срочно понадобится две-три лесины в лесу срубить да привезти; то самим край приходит — печь топить нечем, у коровушки сено кончается. С нами, малыми, да при колхозной-то работе много ли сена да дров напасешь! А и напасешь — так не всегда вовремя вывезешь. И стоит где-нибудь посреди лесной еланки заветный стожок, дожидается хозяйку. Козы лесные его подъедают потихоньку. Того и гляди, как бы вовсе не съели.

Вот и соберутся бабы своей бабьей ватажкой в дальнюю дорогу. А в дороге то буран прихватит — не видать ни зги, того и гляди заблудишься. То воз с сеном на бок завалится. И пока-то его развяжут, да снова наматают, да снова завяжут... То лесина на повороте вершиной в сугроб заедет — не выпятишься с конем. Приходится распрягать лошаденку, дровни вручную вытягивать, да потом снова запрягать. Случалось, и волчишки набегали. Их за войну расплодилось столько, что говорят, прямо из деревень собак уносили. И ладно, если в поле с нашими матерями — конь не уросливый, если, испугавшись, не вышагнет из оглобель, не запутается в постромках...

Правда, мама моя рассказывала, что однажды в феврале чуть не десять километров из Черемисской на Брод в сопровождении волков шла: «Воют кругом, а иду, да Богу молюсь, чтобы хоть ради робятёшек меня спас. «Живые помощи» читаю: «Под сенью Всевышнего, под кровом Всемогущего...». Сама не знаю, как дошла. А ведь от одной горемыки так-то потом только валенки нашли».

Словом, если кто из деревни в далекую дорогу отправлялся, то рассчитывал, что обыденкой-то можно и не управиться. Иной раз и в соседних деревнях доводилось нашим матерям заночевывать. И вот, на тот случай, если не успеют матери домой вернуться, и чтобы не реветь нам одним дома, дожидаясь родимых, мы сбивались на ночевку в той избе, где, как у нас, бабушка для пригляда имелась.

Как-то, многие годы спустя, встретила я односельчанина — ровесника моего Витьку Корелина, с которым то ли в каком-то дальнем родстве состояли, то ли так наши матери маленько дружились. Вспомнили мы с ним про наше детство, а Витька и говорит: «Я вашу Стару до сих пор помню. Какие она сказки рассказывала! Какие стихи! Вот лежим мы у вас на полатах. Стара загробным голосом читает про какого-то Ваню, который ночью на кладбище оказался. В трубе ветер воет. И уж, будто чьи-то шаги на чердаке мерещатся. Даже соринки сыплются с потолка сквозь щели. И так мне страшно — аж мурашки по коже!».

Ну-у! Ту страшилку я и сама по сей день помню. Читала ее Стара с выражением, так что не только у Витьки мурашки по коже бегали. Я тогда думала, что этот стишок она сама сочинила — про моего бра-

та Ваню и про кладбище каменское, которое было напротив нашей деревни Брод, на другой стороне Исети, недалеко от известного памятника природы — Трех пещер. В те пещеры, образовавшие в скале над рекой карстовый грот, и мы забирались ребятишками. Только девчонки-то дальше краешка грота, глядевшего на мир глазами каменного трехглазого чудовища, не решались зайти. Мальчишки же хорохорились — как-никак — мужики! — и уходили дальше в темноту, а потом клялись-божились, что там-де есть какой-то таинственный засыпанный ход. Некоторые хвастались, будто и на кладбище ночью бывали. Только мы-то были уверены, что без взрослых туда самого храброго парнишку не то, что ночью, а днем силком не затянешь.

Несколько лет назад мы с приехавшей в гости с Украины старшей сестрой Аннушкой чуть не весь день на том кладбище могилку Старого искали, но даже следов не нашли. Все могилки с землей сравнялись и могучим сосняком заросли. А тогда, в нашем детстве, кладбище еще было новым, и через него взрослые иногда ходили, чтобы дорогу сократить из Каменска до деревни. Мы же туда одни и сунуться боялись, так что бедному Ване сочувствовали изо всех сил.

*Трусават был Ваня бедный,
Раз он позднею порой
Весь в поту, от страха бледный,
Через кладбище шел домой.*

*Бедный Ваня еле дышит,
Спотыкаясь, чуть бредет,
На могиле, вдруг он слышит,
Кто-то кость, ворча, грызет.*

*Ваня встал, шагнуть, не может,
Боже, думает бедняк,
Это, верно, кости гложет
Красногубый вурдалак...*

*Боже правый, я не в силах,
Съест упырь меня совсем,
Если сам земли могильной
Я с молитвою не съем.*

Дальше я слова маленько подзабыла, а конец — прямо скажем, неожиданный — запомнился:

*...Но на месте вурдалака,
Вы представьте Вани злость, -
В темноте пред ним собака
На могиле гложет кость.*

Потом кто-то говорил, что стишок этот, вроде, чуть ли не самого Пушкина. Если это так, то выучить его Стара могла, когда девчонкой у шаблишского священника отца Александра с ребятишками нянчилась. По тем временам это был один из грамотнейших и умнейших людей. И толстые журналы выписывал, и книжки пачками из города получал. Так что Старе было чем дополнить свой природный ум и богатую от природы речь.

«...И спи-отдыхай»

Летом в деревне — не до сказок. Утром, часа в четыре, на сеновале, куда ребянтня перебиралась с первым теплом, — самый сладкий сон, а Стара уж стоит на лесенке и дергает тебя за ногу: пора Майку гнать «в пастушно». Не успеешь обратно прибежать, новый «урок» задает: налить воды в большую деревянную бочку у колодца, чтобы за день нагрелась для полива. А там надо успеть «до народу» вымыть полы в сельсовете, где Стара за копейки оформлена уборщицей. А там — проклятое полотно подоспело: «Травишиши-то ноне, травишиши-то!» — жалуются друг другу матери. Они с травой на колхозных полях борются, а дома, на огородах — старухи да мы, ребятишки. Только и радости, что отпустит Стара на часок-другой побразгаться в теплой Исети. А там снова — «то да потому»: сперва — долгое, едва не до комаров, полотно; после — рвать для Майки темно-зеленые, шершавые листья огромных, желтых подсолнухов; дальше — поливать огурцы на земляных и навозной грядках; потом — порадовать речной водичкой набирающую силы капустку на илистом берегу Исети. После полива торопишься к проулку, по которому возвращается с пастбища стадо, и со страхом ждешь Стариного приговора после дойки: «Опеть не наелась кормилица. Сходите-кось, девки, попасите ишшо». Это значит, что и в этот вечер не поиграть тебе с подружками в прятки, да в «штандер», да в «а мы просо сеяли», и горькая судьба твоя сегодня — дотемна ходить за Майкиным хвостом...

И жаловаться — смысла нет. Стара тут же твою жалобу в шутку переведет: «Да вы чо, девки! Да кака это работа! Вы рази ишшо не наотдыхались седни? Вот эдак-ту нанимал один богатей роботницу в дом. Платить-неохота, он и сбиват цену:

— Да кака и работа-то у меня! Ну, встанешь утричком, дровишек напилишь-наколешь — и спи-отдыхай! Ну, потом печку затопишь, воды наносишь, квашню поставишь — и спи-отдыхай! Ну, после коровушку накормишь, подоишь, шанег-куликов настряпашь — и спи-отдыхай! Ну, накормишь семью, посуду перемоешь — и спи-отдыхай!...»

Посмеешься вместе со Старой над таким «бездельем» — и бежишь выполнять порученное. Что подделаешь: лето! Только когда доберешься поздним вечером до родимого сеновала, — не до сказок. Сказки-побаски — это уж зимой, на печке. Вот наколим сена, запасем дров, посушим на солнышке лесной ягоды — малины, земляны да клубяны, выкопаем осенью картошку-моркошку, лучок-чесночок, спустим в яму бочки с капустой, помидорчиками, огурчиками да грибочками, тогда и придет время: рукам — отдыхать, языку — работать. Загудят ветры, заскрипят морозы, уснет подо льдом матушка Исеть, укроются пушистым снегом поля да огороды — тогда и донимай Стару сказками-побасками в свое удовольствие.

Побаска про Суседушка-Буканушка

Сегодня наши старшие пораньше с домашними делами управились. Мама уже сходила на ночь поп-

роведать Маечку. Новая Майкина дочка — Звездочка угомонилась за своей загородкой. И мама «безделицей» занялась: из белых, как снег за окном, простых ниток очередное покрывало вяжет. Мечта у ней: всем нам — троим девкам — по такой нарядной, кружевной, легкой пелене сделать в приданое. А Стара взялась из надранных загодя тряпок круглый коврик плести под ноги на холодный пол. Руки заняты, а язык-то свободен. И начинается...

— Сказывала моя баушка, што однажды ее сам Хозяин давил.

— Какой — Хозяин?

— Да Суседушко Буканушко...

— А какой он? Где живет?

— А такой. Ежели к ему — с добром, дак и он с добром. Убирашь со стола — дак оставь и Ему крошечку, а на праздник — и чуток кашки в чашке нечаянно забудь. В нову избу перебираешься, с собой позови, а то обидится. И будет изба без своего домового. И не дивись тогда хозяин, што дом в раззор пойдет. Которой Буканушко помоложе — за печкой живет, а который постарее — под печкой. Тот, что в твоей избе поселится, над всем домом, над всёю скотиной — Хозяин. Видеть Его нельзя, а вот услышать — можно. Он вить как человек. Ему тоже и весело бывает, и скушно. Как заскучат, зачнет шутки шутить. У меня вот всё спички норовит спрятать, и посмеивается, пока я их ищу. Скажешь Ему: «Ну, ладно уж! Поиграй да отдай!» Он и подсунет их куда-нето на видно место. А то возьмется вздыхать да постанывать — меня пугат. Только я Ему и скажу: «Што, Суседушко, вздыхашь? Али мыши одолели? Я их — счас, окаянных! Кышь! Кышь!» Он и развеселится.

— А как он баушку-то давил?

— А она тогда еще молода была. И вот спит это она. А домового на нее навалился и давит ей на грудь, и давит! У ей уж дыханья не хватат, а Он все давит. Она Его и спрашивает: «К добру пришел али к худу?! А Он как дунет ей в лицо, ажно волосья зашевелились. «К худу, — говорит, — к худу!». Ну, у ей на другой день робёночек и помер.

...Я так и замираю от ужаса, представляя, как кто-то невидимый давит бедной женщине на грудь, как глухо говорит ей это зловещее «к худу!», и как она плачет потом над мертвеньким ребеночком.

Побасёнка про Коси-Ногу

Лето, говорят, — Припасиха, а зима — Прибериха. А когда каждый день — бураны да бураны, а морозы такие стоят, что мама не решается яму открывать, чтобы не застудить зимние припасы, то мы и голой картошке радехоньки. А тут — на тебе! Оттеплено, наконец! И то сказать, март на дворе, а с крыши еще ни единая сосулька носом вниз не нацелилась. И все ж таки — отступили большие морозы, и наш Ваня слазил в яму не только за картошкой, а и капуста достал квашеной, и огурчиков соленьких из бочки.

И вот мы жадно выхватываем из-под Стариных рук эти самые огурчики, сложенные горкой в миске. Они — маленькие, пузатенькие, крепенькие. С одного боку к

огурчишке вишневыи листочек прилип, с другого — тоненькая, беленькая пластиночка чесночинки. А из миски мокрые, растопыренные зонтики укропа торчат и па-а-ахнут — на всю избу! Куснешь — и мастерски посоленный, крепкий огурчик так и хрустнет под зубами, так и брызнет тебе на язык холодной, солоновато-кисловатой, зеленовато-прозрачной аппетитной мякотью, сквозь которую просвечивают белые семечки, и потом долго держится во рту этот незабываемый вкус.

Как же они назывались — те огурчики?! Ах, да — Муромские и Неросимые. Других сортов и не знали в деревнях. И не помню, чтобы огуречные плети их когда-нибудь чем-нибудь болели. То ли вовсе тогда болезней огородных не водилось, то ли спасала от них крапива по краям гряд. Разве что под самую осень пожелтеют плети, и ты переворачиваешь их, заглядываешь, не прячется ли где еще какой-нибудь крутобокий малец, не прихваченный первым морозцем?

Ну земляным-то огурцам не грех и до морозов жить. Они-то своих первых детенышей не торопились выдавать! А в начале лета нас дразнил соблазном ранний урожай с навозной гряды. Остренькие, похожие на крохотные лодочки огуречные семечки, подогретые теплом уже перепревшего сверху, а внизу еще перегорающего навоза, скорехонько пускались в рост в своих глубоких земляных ямках. При похолоданиях мама бережно прикрывала эти ямки ветками, набрасывала поверх веток старые половики, и зеленые выскочки сидели там в тепле, как в гнездышках.

Но вот миновали ночные заморозки — и глядишь, уже поползли ко краям высоченной широкой гряды зеленые плети, и завились на них первые цепкие усики, и зажелтели яркие, нарядные, как само солнышко, сладкие цветочки. (Мы наперегонки искали мужские, без зародышей, цветы, обрывали их и ели — самое первое летнее огородное лакомство). А там уже и первые крохотные огурчечки повисли. Напиваются досыта летними дождичками да нагрешейся за день тепленькой водичкой, которую мы таскаем на грядку из бочки, наливаются соками под летним солнышком.

И тут уж у Стары — одна забота, как бы уберечь от внучиных и соседских ручюнок два самых-самых первых?! Потому что у ней на эти два огурчика — свои виды. Первый положено было торжественно разрезать повдоль на шесть равных долек: маме, Аннушке, Ване, Вале, Нине и самой Старе. И съесть свою дольку надо было столь же торжественно, с благодарностью огурцу за то, что поспел, солнышку — за то, что грело, дождичку — за то, что поливал, Господу — за то, что дал до такой радости дожить. Второй огурчик шел на первую летнюю окрошку. Для нее и квасок заранее готовился, и картоха загодя варилась.

А укараулить Старе эти огурчики помогал Коси-Нога.

— Стара, а кто он такой — этот Коси-Нога?

— Да сродственник он нашим Буканушке и Баннушке.

— А где он живет?

— Ну, летом-то — в огуречнике, у плетня в крапиве, а зимой на постой просится — то к Баннушке, то к

Буканушке. Ежели с Баннушком сговорится, дак у его под полком зазимует, а ежели с Буканушкой — дак под печкой. Ну, живут, живут, а зима-то у нас — эвон кака длинна. Ну и надоедят друг другу до смерти. Ругаться да драться примутся. Слыхали, поди, как нонче ночью на крыше орали?

— Стара, дак это коты орали! Наш Барсик да Васька парамоновский. Они все эту черну бродячу кошку, котора к нашему огороду прибилась, поделить не могут.

— Разве? Ну, может, и коты. Только ежели Буканушка с Коси-Ногой счинятся драться, дак орут точно также. Оне ведь еще и потому ссорятся, что Буканушко-то над всем домом, и над двором, и над скотиной — хозяином поставлен... И над огородом норовит покомандовать. А Коси-Нога-то не соглашатся к ему в подчиненьё идти. Мол, ты там хозяйнуй, а огород — мое дело. И некоторой некоторому уступить не хочут.

— А зачем этот Коси-Нога в огуречнике живет? Да еще в крапиве? Его, што ли, крапива-то не жалит?

— Дак он ведь мохнатой, чо ему крапива-то?

— А пошто его так зовут — Коси-Нога?

— А у его, вишь ли, коса есь, штобы огород блюсти от воров. Вот, ежели заберется воришко за огурчиком, морковкой либо подсолнушком, он косу-то в ход и пустит. Как вжикнет — так ты и без ноги. Видала, поди, возле сельсовета мужика одноногова. Вот ево в детстве Коси-Нога и чиркнул по ноге-то.

— Ну, Стара, ну, чо ты врешь! Тот мужик-от с войны без ноги пришел.

— А-а, дак я про другова вове, а не про этова, про которова ты говоришь.

— А пошто этот Коси-Нога тебя не трогат?

— Дак ведь не дурак он — на хозяйку-то махаться. Он свой порядок знат...

— А я, например, тоже хозяйка?

— Э-э, милая, ты сперва с мое поживи, да поробь. Может, тогда хозяйкой станешь. А пока он тебя за свою не признает. Ну разве што со мной живешь, дак он, может, сперва не косой, а крапивой понужнет, если зайдешь в огуречник без спросу. А шибко осердится, дак и за косу может взяться. Так што, гляди...

...Гляжу, Стара! Гляжу...

Черемуховый шум

Садов в те годы в уральских деревнях не было. Ми-чуринские яблони до наших мест тогда еще не дошли, да и времена были такие, что даже за простенький куст смородины или крыжовника налоги полагалось платить. Так что в деревенских огородах эдакое баловство и не водилось. За смородиной, вишней, малиной в лес ходили. Вот и у нас разве что вокруг старой ямы, вырытой когда-то для хранения картошки-моркошки, на оставшейся горке вынутой глины росла дикая, самосево-м нарощая, желтая, сладкая, будто медовая, малина, да вплотную к глухой стене дома примыкал черемуховый садок.

Стояли в том садочке две черемушки. На той, что была пониже и росла ближе к дому, сваливаясь тяжелыми ветками через забор, на улицу, ягода напевала

иссиня-черная, крупная, но маленько с кислинкой. На другой — высокой, которая где-то посередине ствола раздваивалась и самой нижней веткой свешивалась над соседским огуречником, ягода была чуть мельче, зато слаще. И было ее больше, хотя до богатых ягодами веток надо было еще долезть по мощному серому стволу. При этом умудриться ужом проскользнуть между двумя идущими к дому электрическими проводами, которые были протянуты как раз через развилку.

Ну, я-то проскальзывала, конечно. Особенно когда чуток постарше стала и надо было укрыться где-нибудь от вездесущих Стариных глаз, пока она не отправила в очередной раз бороться с надоевшими до боли в пальцах сорняками.

Нижняя ветка этой любимой моей черемушки выросла в виде большого, удобного кресла. Здесь, в укромном местечке, где листва переплеталась так, что вплотную подойди — никого не разглядишь, я и пряталась с книжкой. Читаешь, читаешь — пить захочется. Да я-то не расстраиваюсь и слезать за водичкой не стану. У меня все продумано на такой случай. Стоит как следует раскатать ветку и на нырке вниз сумеешь дотянуться до высокой навозной гряды соседей. А там уж любой, выхваченный (иной раз вместе со всей плетью!) огурчик спасет от жажды. Поближе к вечеру проберешься до самых богатых веток, накидаешь ягоды в предусмотрительно прихваченный с собой алюминиевый бидончик и предстанешь перед грозными Старинными глазами с прекрасным оправданием:

— Дак ты сама же говорила, что надо бы черемухи засушить на зиму, на пироги, вот я и насобирила тебе...

По весне наши черемухи цвели так буйно, что нельзя было пройти мимо, не остановившись. После дождя от них над всей улицей настаивался такой запах, что редко кто удерживался от соблазна сорвать ветку-другую. А ежели хозяев рядом не наблюдалось, то иной деревенский ухажер и целую охапку мокрой красоты напластает и несет ее потом своей зазнобушке, зарывшись всем лицом в сгибающиеся от тяжести длинные белые гроздьи.

Как я любила этот последождевой черемуховый запах и шум черемух во время самого дождя! Перед непогодой мне почему-то всегда хотелось спать. И я забиралась в темный чулан, примыкавший к сеним, ложилась на топчан, на старую («еще из деушек») Старину овчинную шубу, накрывалась другой шубой, которую когда-то носил Старый и слушала, как раскачивает налетевший ветер мои черемушки, как испуганно всплескивают они своими гибкими ветками, стучатся в тонкую стенку чулана, как гремит над самой крышей гром...

Сладко засыпала я под немолчный шум садочка и под постукивание начинающегося ливня по гулкой железной крыше. А проснувшись, прикинула к щелке от сучка, выпавшего из дощатой стенки чулана и тянула носом, нюхала, впитывала в себя послегрозовую черемуховую свежесть.

Потом у меня внезапно просыпался «батьюшко Аппетит», и я начинала шарить в темноте над топчаном, где должна была висеть связка сухих карасиков.

Вообще-то я ела, прямо скажем, плоховастенько, и Стара, глядя на мои мучения над чашкой, принималась рассказывать, как в их деревне богатый крестьянин в страдную пору девок на работу принимал:

«Сперва он всех девок за стол посадит и глядит, как кто ест. Потом подходит к одной деушке и говорит: «На вот тебе рупь, и иди-кось ты, девша, домой. Плохо, девша, ешша, плохо и робишша!»

Гляди, Нинка, так будешь ись, некто тебя и на роботу не возьмет...».

Но сушеных, соленых карасиков я любила. За этими карасиками мама ходила за несколько километров к рыбакам на озера. Карасики были небольшие, чуть больше моей ладошки, но толстенькие. Они прибывали к нам, покачиваясь в ведрах, на коромысле, золотые и серебряные, переложенные зеленой кусачей крапивой. Когда Стара потрошила их, они еще трепыхались и разевали рты, будто что-то хотели сказать на прощанье.

Участью одних был большой рыбный пирог, для которого уже и тесто подошло, и печка поспела, а у нас и слюнка загодя бежит. Других Стара чуток присаливала и спускала в яму для завтрашней ухи, а остальных солила и подвешивала сушиться на чердаке. Потом связка перекочевывала в чулан на хранение, на грядущую долгую зиму. Косточки последних и похрустывали у меня на зубёчках в то время, как я пыталась отогнать от себя мысль: что же будет зимой, когда моя бабушка однажды скажет мечтательно:

— А штой-то, робятешки, я, знать-то, по ущице ссучилась из сухих карасишек...

Н-да-а! Будет тогда в доме разговору! И про «рыбака», который «ловит рыбку на сухом берегу», и про то, что у кого-то нынче «краденое пороса в ушах визжит». И будет горькое руками всплескивание, дескать, «охти мне, товаришши в тюрьме»...

Что и говорит! Настыдить, в краску вогнать, так что на всю жизнь твоя провинка тебе запомнится, Стара умела. Язык у ней подвешен был, дай Бог каждому! В очерке «Шабаявско поле» в июльском номере журнала «Урал» за 2001 год я уже пересказывала несколько Старинных побасёнок. Однако литературно-художественные журналы нынче выходят таким мизерным тиражом, что, думаю, мало кто из читателей видел тот очерк. А коротенькие те, к слову припасавшиеся побасёнки, много чего говорят и про характер моей бабушки, и про ее воспитательные хитрости. Так что рискну самую малость повториться.

«У Шабаяв (Шабая, Шабаята — деревенское прозвище, данное за бойкий, никому не дававший спуску характер казачьей семейки, из которой наша Стара вышла) такой «самовитый» характер был, что даже дочерей не по мужьям, а по родимой семеюшке звали. Одну из дочерей (Марию, что в Черемисску замуж вышла и после бабушкой моей стала, так и навеличили Марией Шабаявной, а к старости заглазно — и вовсе Шабаяхой. Соседки ее побаивались: языкастая

больно! Гляди-кось, над своей же породой и то смешки строит:

«Вышла будто одна молодка шабаявска взамуж в другу деревню и вскорости после свадьбы отправилась на речку белишко полоскать. Приходит с речки-то и жалуется роденьке новоявленной — мамоньке мужевой да золовушкам: «Ну и бабы тут у вас! Чисто собаки! Налетели нонче на меня разом семеро. Еле отлаялась!»

Другая побаска шла в ход, когда я, ссылаясь на жару, пыталась отбояриться от полотья длиннющих луковых гряд: «Вот тоже лежали однава Лень да Отек под березой. А день, как и нонешной, жаркой был. Вот Лень-та и молвит: «Эх, кабы капнуло с березы, да мне в роточек!». А Отек-от толстущий лежит, весь отёк от безделья и что ись не пошевелится: «Эх, ты Лень, ты Лень, как тебе говорить-то не лень!»

...Ну кто же из ребятишек любит мыть шею холодной колодезной водой. А у Стары и не хочешь да залюбишь. «А то вон тоже была одна деушка. Мать ей говорит: «Поди-кось, хоть шею вымой, а то, неровён час, гости приедут!» — «Н-на, говорит, а вдруг не приедут! Я и буду, как дура, с вымытой шеей сидеть». А то Стара еще и песенку обидную сплет: «Нина — неумойка, банна рукомойка. За ей Валя ходит, ковшик воды носит. Ниночка, умойся, Ивановна, утрися...».

Очень Стара не любила, как она говаривала, нас «на поводке водить»: «Доброй хозяйин не ждёт, когда ему на роботу укажут, а сам себе всегда дело найдёт. Да сперва ишшо разузнат, как лучше-то сделать. Вот послушайте-ко, как один помешшик себе управляющего выбирал. Пришли к нему двое наниматься. Вышел он с имя за ворота и говорит первому: «Погляди-кось, эвон куды-то мужик на телеге едет. Узнай, куды?». Тот пошёл, поговорил о чем-то с мужиком, пришёл обратно: «На базар едет мужик». Помешшик другога посылат к тому же мужику. Другой приходит и говорит: «Это такой-то хресьянин из такой-то деревни. А едет он на базар в таку-то деревню. Везет продавать овес. Нонче у нас два зерновых-то базара стоят. Ишшо и в такой-то деревне тоже торгуют. Только там овес-от дешевле, а вот пшеничка, наоборот, дороже...» И как вы думайте, ково тот помешшик на работу взял?!»

«Куркураус-мурмураус»

Стара была человеком верующим, и нас воспитывала по заповедям Божьим. А одна из них, как известно, — уважение к старшим. Но ведь одно дело — просто так про то уважение ребенку толмить, а другое — делать это так, как наша Стара умела. Мимоходом. То шуткой-прибауткой, то очередной побасенкой.

«Были у одного парня родители. Состарились уж. А не зря ведь говорится: что старый, что малый. У иного ума-то к старости не прибавляются, а убавляются. Робёнок робёнком человек делается. Вот глядит сын, а мать с отцом кожилятся, корову на баню затаскивают.

— Што это вы, тятенька да мамонька, делаете?

— Дак, вишь ли, сынок, на бане-то така славна травушка выросла — в самой раз корову подкормить!

— А не лучше ли взять косу, да скосить траву-то и не кожилиться с коровушкой?

— Ох, ох! А мы вить с тобой, мать, и не догадались!

Глядит сынок на родителей и думат: «И каки жо мне глупы родители достались! И на што мне — таки-то?! Пойду-кось я по свету да других, поумней сыщу!

Сказано — сделано. Бросил стареньких отца с матерью и пошел. Долго ли коротко ли шел, а день был жаркой. И пить охота, и поись бы неплохо. Проходит мимо одной избы, а там старушка по хозяйству управляютя. Примерно однех лет с его родителями.

— А не напоишь ли меня, баушка?

— Пошто не напоить доброва человека? На-кось, пей. Ну, зачерпнул ковшичком из бадейки в углу, напился.

— А нет ли у тебя, баушка, и перекусить чего?

— Есь. Только ты погоди маленечко. Щас мои робяты с поля придут, дак уж с имя разом и поешь...

А тут, глядит, и верно, семеро парней с поля идут. Вот сели все за стол, а баушка и давай бегать: из-за стола — да в яму, из ямы — да за стол. И каждой раз из ямы-те по ложке простакиши несет. Одному ложку скормит — за другой бежит. Другу скормит — за третьей бежит...

Смотрел он, смотрел. Жалко ему старушку стало. Он и говорит:

— Баушка, дак эдак-ту ты ведь их до вечера кормить будешь. И сама устанешь, и робятам толком не наистись.

— А чо жо, родимой, делать? Робяты — за столом, а простакиша-те — в яме...

— А нельзя ли из ямы-то сразу всю кринку с простакишей достать? Робяты ложки возьмут да сами и нахлебаются...

— Ох, ох, — захохла старуха. — И до чо жо ты, паренек, умной! И я ведь смолоду-то не глупа была, а таперича головушка-те болит, вот ума-розума-то и не стало.

Слушат ее парень, и родителей своих вспоминает:

— А ведь и мои тятенька да мамонька ране-то не глупы были. Видно, и их тоже такими старость сделала. И я, значит, тоже могу к их годам таким же стать. И меня мой сын тоже бросит... Нет уж, не зря говорится, што родителей не выбирают! Каки есь, таки и есь. И кто имя, кроме меня, поможет теперь?!

Подумал так-ту и пошел обратно в свою деревню. То-то отцу с матерью радости было!

Стара была у нас женщина, как сказали бы сейчас, крутая. Перечить ей не то что мама, а и сам Старый даже не пытался. Только мы, с увеличением порядкового номера класса на школьных дневниках, иной раз по неразумению нашему делали попытки намекнуть: дескать, у тебя, Стара — всего-то четыре класса ЦПШ (церковно-приходской школы), а у нас...

Но, выслушав доказательства нашего превосходства — и то мы читали, и это мы знаем — Стара сперва нарочито прибеднялась: «Где уж нам уж выйти взамуж! Мы уж так уж проживем! Как-небудь, как-небудь — лишь бы не в девках!» И тут же будто вовсе мимоходом вспоминала про «одного умного сыночка из знакомой семьи». Уехал-де этот сынок в большой город учиться.

«Почуился како-то время, и домой на каникулы приехал. И до того уж умной стал, слова по-русски не скажет. Куры у него — «куркураус», кошка у него — «мурмураус», грабли у него — «грабляус». Только сказал он это само последне слово, да как наступит на грабли-те — оне к стайке коровьей были приставлены. Его другим концом струмента и шабаркнуло по умной-то голове. Тут ученый сынок разом родной язык вспомнил: «Штой-то ты, тятенька, грабли на место не тем концом ставишь?»

***

...Добраться до бездонного кладезя Стариных сказок да побасок и записать их я решила, когда однажды, слушая полуграмотную, до сухарного состояния иссушенную, уже почти что не русскую, а полуанглийскую речь теле- и радиоведущих, больших начальников и политиков, поняла вдруг, что донельзя истосковалась по другой, исконно русской, искуснейшей, богатейшей, которой моя Стара говорила. Нет, я не предлагаю, чтобы все обзавелись ее словарным запасом! Понимаю, что это невозможно, да, наверное, всем-то и не нужно. Но хотя бы просто грамотно говорить на родном языке — можно научиться? Можно же подсказать членам родного областного правительства, депутатам нашим, хотя бы названия городов своей области правильно склонять! Ведь у каждого из них за спиной — не четыре класса церковно-приходской школы, а самое что ни на есть высшее образование, а то и не одно! И если название города, например, как у нашего Каменска-Уральского, состоит из двух слов, то неужели столь трудно запомнить, что склоняются оба эти слова? И оба — не как попало, а в правильном падеже должны стоять. А то ведь так и говорят с высоких трибун: «Побывал я недавно в Каменск-Уральске...».

Хоть бы кто научил представителей нашей доблестной милиции, где ставить ударение в слове «возбуждено». А то, не смущаясь, чешут с телеэкранов мужички с крупными звездочками на погонах: «Возбуждено дело...». Хоть бы глянули разок уважаемые телеведущие в специально изданные для них словари, где расписано, как правильно изменяется длинный ряд порядковых числительных!

И, в конце концов, не обязательно же всякое иностранное лыко в свою российскую строку тащить, если есть наши, родные, вполне нормальные слова!

Нет, я не призываю сегодня полностью возвращаться к языку наших предков. Язык — он живой, и ему положено изменяться, обогащаться, в том числе — и за счет чужой речи. Вот только стоит ли при этом настолько-то отказываться от той, родной, на которой выросла и покорила мир великая русская литература? От той речи, которая щедро, едва ли не к каждому слову, может предложить по три-четыре, а то и до десятка синонимов. А стоит только изменить приставку или суффикс — такая вдруг вкусная другая словинка образуется! Так почему же мы, как герой побасёнки моей бабушки, на полу-иностранном норовим изъясняться: «Куркураус, мурмураус, грабляус...»?

Горный марафон по местам писателя Д.Н. Мамина-Сибиряка

Прошедшим летом учащиеся образовательных учреждений Горноуральского городского округа успешно провели экологический горный марафон по местам пребывания уральского писателя Д.Н. Мамина-Сибиряка. Более сотни учащихся вместе с вожатыми и педагогами прошли по горным вершинам Веселых гор, которые находятся в 30 километрах к юго-западу от Нижнего Тагила. Веселые горы названы так за привлекательный, радующий глаз внешний вид.

В течение десяти дней школьники жили в палаточном лагере – настоящие полевые условия – и за это время поднялись на вершины гор Белая, Опахнина, Широкая, Билимбаи и Старик-Камень, которая является самой высокой горой в нашем Горноуральском округе.

Все эти горы Мамин-Сибиряк упоминает в своих произведениях: «От Урала до Москвы», «Зеленые горы», в воспоминаниях – «Из далекого прошлого». И сам писатель в свое время неоднократно бывал на вершинах этих гор, окружающая природа которых благотворно повлияла и на его дальнейшую судьбу.

Про окрестности Д.Н. Мамин-Сибиряк писал: «Вообще окрестности Тагила принадлежат к самым живописным во всем Среднем Урале, а виды с Белой горы и Медведь Камня замечательны по своей красоте... С левой стороны от дороги тяжелыми силуэтами громоздились все знакомые горы: Белая,

Острый Камень, Старик, Шайтан, «Веселые горы».

Маршрут горного марафона

Идея проведения горного марафона принадлежит специалистам по физической культуре, спорту и молодежной политике Горноуральского городского округа. Маршруты по территории Веселых гор разрабатывал методист районного Дома детского творчества Станислав Луткин, совместно с преподавателями Светланой Петровой, Ольгой Мехоношиной и студентами НТГСПА. В том числе с молодежной общественной организацией МОО «РОСТОК» и студенческим педагогическим пропагандистским отрядом «АИГОС». Студенты из НТГСПА участвуют в марафоне в качестве вожатых, для студентов это также и полезная практика по воспитанию подростков.

Наметили места эколого-туристических стоянок, вдоль бывшей лесовозной дороги первая, под названием «Историческая», — на реке Егорова Каменка у подножья Белой Горы. Следующая — на реке Максимова Каменка у подножья

горы Опахнина, далее — стоянка «Культура» у подножья горы Широкая. На реке Дикая — «Шайтанка», потом — «Спорт и туризм» у подножья горы Билимбаи и последняя стоянка — «Финальная» — на реке Шайтанка у подножья горы Старик-Камень.

«Erde» в переводе — земля

В горном марафоне приняли участие команда «Хранители природы» из Башкарки и Кайгородки, команда из Петрокаменска «Экодзор», команды из Краснополя Первомайского, Покровки, Висимо-Уткинска, Черноисточинска и Мурзинки. Так сменяя друг друга, команды побывали на всех стоянках, в тоже время были хозяевами и гостями туристических станций.

Совместная команда из Черноисточинска и Мурзинки под руководством педагогов Бориса Долматова, Ирины Несторенко, Александра Вызова, с вожатыми Юлией Зудовой, Тимуром Солиным, Дмитрием Исаевым, Евгением Ивановым и учащимися общеобразовательных учреждений, среди которых Леонид Устинов, Гриша Булгак, Илья Бобошко, Толя

Булыгин, Рома Краснов, Саша Лошкарев, Катя Быкова, Юлия Кондюрина, побывали на восточном склоне горы Белой, где из недр земли выступают каменные останцы, называемые шиханами. Это единственная группа «Erde», в переводе с немецкого «земля», покорившая все запланированные вершины.

В свое время Мамин-Сибиряк писал об этих шиханах: «С вершины шихана открывалась широкая горная панорама, уходящая в сине-фиолетовую даль волнистой линией; в двух местах горы скручивались в горные узлы, от которых беспорядочно разбегались горки по всем направлениям. Зеленые валы без конца тянулись к северу, стягивались, загоразивали дорогу друг другу, и в сероатой дымке горизонта трудно было различить, где кончаются горы, и начиналось небо. Лес, бесконечный лес выстилал горы, точно они были покрыты дорогим мохнатым темно-зеленым ковром, который ложился темными складками и блестел на вершинах светло-зелеными и желтоватыми тонами, делаясь на горизонте темно-синим».

«Надеемся снова попасть в экодесант»

С горных вершин просматриваются необозримые дали Уральских гор. Рассматривая из бинокля окружающую местность с горы Белой, кто-то крикнул, — видно Невьянскую падающую башню.

Вот что нам поведали о горном марафоне учащиеся петрокаменской школы Панышина Юля и Кизилова Ирина: «16 июля наш отряд «Экодозор» прибыл на экологический десант покорять Уральские горы. На второй день поднялись на вершину Белой горы, подъем оказался не таким сложным, как мы ожидали. Самое большое впечатление на нас произвел вид с самой высокой точки горы Белой. Нам и ребятам нашего отряда понравился захватывающий и красивый вид на окружающую местность. Подъем и спуск занял около двух часов. На стоянке «Экологическая», на которой мы проживали в течение шести дней, мы оборудовали место для купания, построили в лесу стол и скамейки, сушили палки вокруг костра. Надеемся попасть на экодесант, где бы он ни проходил, в следующем году».

На стоянках учащиеся занимались обустройством эколого-туристического лагеря: устанавливали палатки, разжигали костры, варили обед на открытом огне, проводили мероприятия, торжественное посвящение в экодесантники, совершали радиальные походы в горы, проводили беседы на экологические, историко-краеведческие темы, занимались социальным проектированием, в том числе разрабатывали программы культурной жизни села, спортивные мероприятия, подводили итоги дня. А после свертывания лагеря приводили всю территорию в порядок.

Именины у горы Билимбай

На протяжении экодесанта, вдали от дома, ребята очень многому научились, например, самообслуживанию. Здесь, на природе, все приходится делать самим. Во время походов дети лучше узнают свой родной край, его природные особенности.

Большим бедствием были проливные дожди. Так, у команд Краснополя Первомайского и Черноисточинска у подножья Широкой потоком воды залило палатки, вымочило коврики, спальные мешки. Пришлось переносить палатки на другое место, копать канавы для отвода дождевой воды. Препятствий у экодесантников было предостаточно: это и физические нагрузки, перепады температуры воздуха в горах, сложности в поиске сухих дров.

26 июня участнику экодесанта Илье Бобошко исполнилось четырнадцать лет, на стоянке у горы Билимбай в честь него был испечен торт, а в лесу это сделать непросто, все участники поздравили именинника.

На подведении итогов выяснилось, что детям очень нравится подниматься в горы, прыгать по нагромождениям сползающих камней, называемых курумниками. В дальнейшем при организации такого горного марафона можно проложить путь и к Острой горе, выделяющейся среди всех гор остроконечным пиком, и на гору Дикую, где имеется скальная пещера, и на гору Голую, в прошлом называвшуюся Шайтан за свою экзотическую форму. Такой по сложности марафон в горы проводится впервые в округе, он успешно стартовал, и надеемся, что продолжится и на следующий год.

Юний ГОРБУНОВ**ПИСАТЕЛЬНИЦЫ РОССИИ**(Материалы
для библиографического словаря)**В****ВОЛЫНСКАЯ В. И., авт. воспоминаний; сестра милосердия, член Минского отдела Лиги борьбы с туберкулезом.**

Воспоминания о хирурге О. С. Федоровиче. — В «Минских врачебных известиях», 1912, № 11, с. 270-285.

ИДРДВ, т. 3. ч. 3, № 5318.

ВОЛЫНЦЕВА Ан.

Авт. кн. стихотв. «В часы досуга». Пг., 1915. Участв. в сб. «Современная война в русской поэзии». Вып. 1. На помощь Польше. Пг., 1915.

Розанов.

ВОЛЫНЦОВА Пелагея В., переводчица с франц. 1780-х гг.

Венгеров, Источ.

ВОЛЬКЕНШТЕЙН Варвара Абрамовна (1861 —), врач.

Венгеров, Источ.

ВОЛЬКЕНШТЕЙН Людмила Александровна (урожд. Александрова; 1857 — 1906), участница рев. движения.

Авт. ст. «Японские рабочие на рыбных промыслах» — «Рус. Бог-во», 1901, № 8 — Л. В.

ВОЛЬКЕНШТЕЙН Ольга Акимовна (псевд. Викторова, О. И. ; Ольгович), журналистка; дочь военного врача.

Родилась в Кишиневе. Авт. кн. : «Для чего нужна свобода слова и собраний-сходок», Ростов-на-Дону, 1906; «Кому и зачем нужно всеобщее избирательное право». Изд. «Верный путь». Сotr. в «Речи» (1914, № 88) — В.; «Школа и Жизнь» (1907), «Речь» (1910-13, 1915), «Утро России» (1911), «Совр. илл.» (1913), «Совр. Слово» (1913), «День» (1914), «Современник» (1916) — В-н, О.; «Волны» (1910), «Утро России» (1910) — В-ъ, О.; «Кн. Летопись» (1916) — Викторова, О. И.; «Наша Газета» (1909), «Наша Жизнь» (1909), «Природа и Люди» (1909), «Изв. Красноарм. Деп.» «Речь» (1912-16), «Киев. Мысль» (1913), «Труд. Россия», «Солнце России» (1912), «Неделя» (1914), «Совр. Слово» (1914) — О. В.; «Кого и как выбирать во Вторую Государственную Думу», М., 1906; «Что сказала деревня Первой Государственной Думе (27 апреля — 2 июля 1906 г.)» Спб., 1906; «Не царь, а закон» Пг., 1917; «Всеобщее избирательное право. Выборы в Учредительное собрание». Пг, 1917 и 1920; То же, Тверь, 1917; «Неприкосновенность личности и жилища». Одесса, 1917 — Ольгович; статьи в Словаре юридич. и гос. наук, 1900-901 — W-п, О.

Масанов; Венгеров. Источ.

ВОЛЬНАЯ Кира

Авт. романов: «Власть плоти». Рига, изд. автора, 1933; «Седьмая заповедь». Рига, «Мир», 1935.

Алексеев А. Д.

Начало в №1, 2005. Продолжение на стр. 35

ныне там за лесами младшему таксатору Котовичу;

3. Движимое имущество, годное для заводского употребления перевести на заводы, все же остальное ненужное имущество, в том числе суда и судовые принадлежности, обратить в продажу с публичных торгов».

Министр согласился с докладной запиской Горного департамента и приказом от 31 декабря 1881 года Уткинскую казенную пристань закрыл.

Нужно было определить, какое движимое и недвижимое имущество пригодно для использования на казенных заводах, какое выставить на продажу, какое по негодности должно пойти на списание.

Таким образом, расходы по Уткинской пристани продолжались. К сентябрю 1882 года таксатор Шмитц заменил Котовича, который представил финансовый отчет за текущий год.

Екатеринбургским заводам был открыт кредит на сумму (821 рубль), израсходованную на охранение имущества и прочие дела, согласно представленному отчету.

С пристани в Нижне-Исетский завод увезли древоколку и дроворезку; купеческому сыну Яринскому продан чугунный ворот, с помощью которого производилось перемещение грузов с берега на барки.

Известно, что в 1883 году числялась зарплата Шмитцу и сначала трем, а затем двум сторожам (с жалованьем по семи рублей в месяц) — для охраны имущества бывшей Уткинской пристани.

В дальнейшем по Чусовой сплавлялись караваны с железной продукцией только тех заводов, которые находились на самой реке. После строительства железнодорожной магистрали Пермь-Кунгур-Екатеринбург и эти заводы отказались от водного пути. Последние десять барок с Уткинского завода (сейчас пос. Староуткинск) отправились в 1918 году.

Так закончилась более чем двухвековая история сплава железных караванов по реке Чусовой.

Владимир ТРУСОВ,
фото автора

Последний караван

Первый караван из 40 дощаников по Чусовой с Уткинской пристани ушел 27 апреля 1703 года. В пути случилась авария: один струг разбило, но крестьяне починили его. В полном составе 28 июля караван прибыл в Москву и доставил 350 пушек и мортир разных калибров, 1058 пудов прутков кованого железа, 39 пудов железа, оставшегося от оковки дощаников, уклада 50 пуд., стали 8 пуд. 5 фунт.

Сплав барок по Чусовой с продукцией уральских заводов имел два больших недостатка. Во-первых, суда могли затонуть или разбиться в пути о скалы. Во-вторых, продукция отправлялась в основном весной, а остальное время хранилась на складах, и поэтому оборотные средства заводов были «заморожены», что сказывалось на экономических показателях предприятий.

В 1878 году была построена и введена в эксплуатацию Горнозаводская железная дорога Пермь-Кушва-Нижний Тагил-Екатеринбург. Несмотря на высокие тарифы, недостатки водного пути устранялись.

Директор Горного департамента Грасгоф 19 декабря 1881 года отправил в Министерство государственных имуществ письмо следующего содержания: «Находящаяся в Пермской губернии в Екатеринбургском горном округе, по берегу речки Чусовой, Уткинская казенная пристань, служившая для сплава изделий Екатеринбургских заводов и для постройки с этой целью барок, утратила ныне свое значение, так как с проведением Уральской железной дороги, все изделия означенного округа отправляются по железной дороге.

Между тем содержание этой пристани, кроме должности смотрителя, не замещаемой с 1881 года, обходится казне более 1500 рублей в год.

Поэтому Горный департамент, согласно заключению главного на-

чальника Уральских горных заводов, полагал бы:

1. Уткинскую казенную пристань закрыть;
2. Заведывание лесами и землями, приграничными к той пристани поучить наблюдающему

ЗЕРКАЛО ЗЕРКАЛО

Радий ТИХОНОВ,
фото Дениса ПОРУБОВА

В 50-е годы прошлого XX столетия эта часть горы представлялась совершенно дикой. Зимой 1954 года на вершине Волчихи еще были остатки избы, неведомо кем поставленной. Спуск по высоковольтке от предвершинных скал был крут и изобилдовал выбоинами и ямами, оставленными отчаянными свердловскими лыжниками, часто навещавшими интересную горную вершину Среднего Урала. Весной на этой трассе можно было собрать не одну пару лыж: носки отдельно, пятки отдельно и, зачастую, отдельно грузовые площадки; а колец от лыжных палок на трассе всегда было больше, чем грибов летом на окрестных полянках.

Кстати, о грибах – это в большинстве красногловики и синявки. Глубокой осенью с восточной стороны горы в глухой долинке вырастает множество рядовок. В августе – сентябре попадают и опенки.

О «Зеркале»....

Эта скала всегда привлекала внимание альпинистов. Обычно туда подходили со станций «Флюс» и «Спортивная». Лагерем становились на небольшой поляне метрах в 100 от «Зеркала». Лесок плотный: ива, осина, ольха, редко попадает сосна, пихта и ельник. Около самого зеркала громадные, упавшие со склонов, валуны и крупная осыпь.

Так мы привыкли называть один из скальных выходов на юго-западном склоне Волчихи.

Записки очевидца

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Подножье заросло крапивой и иван-чаем, перепутанными кустами шиповника, зарослями желтого багульника и отдельными кустиками волчьего лыка с сизо-черными ягодами. Воды вокруг горы практически нет. Ее либо приносили со станции, либо разыскивали маленькую речку, вытекающую из болота на южном склоне Волчихи и там набирали воду на чай и другое варево. Обычно за водой ходили в темноте, плутая по дорожкам и тропам, голосом разыскивая своих. Нередки были случаи, когда попадали в чужой лагерь и оттуда выходили к своим. Во второй половине дня готовились к штурму «Зеркала»: вбивали скальные крючья и навешивали веревки.

Штурм вершины

Утром следующего дня, часов с десяти, начинался штурм. Ночь, как всегда, проходила у костра с песнями под гитару, с гостями от соседних костров; наутро штурмовые группы, обычно не выспавшиеся, сквозь крапивные заросли пробивались к «Зеркалу». Грибные охотники успевали к обеду «наловить» грибов; коренные спортсмены — наловить ушибов и синяков в борьбе с «Зеркалом», но все удовлетворенные сходились к обеденному костру.

Бывали стычки с лесниками, они обычно забирали топоры ле-

жавшие около костров, нарушители откупались спиртным и топоры к обоюдному удовлетворению возвращались владельцам. К концу дня и спортсмены, и болельщики, утомленные командами инструкторов: «проверь обвязку!», «застегни карабин!», «зацеп правее!», «ставь ногу на полку!», быстро собирались, перекапывали костры и почти бегом шли на «Спортивную» или на «Флюс».

Однажды я попробовал свои силы и, поднявшись по косо́й трещине, прошел все зеркало без страховки. Откровенно скажу, что на некоторых участках подъема по «Зеркалу» чувствовал себя весьма неуютно, вспоминая, что иду я без страховки. Но зато, какое удовлетворение было, когда поднялся на скалы над «Зеркалом». Все кругом видно: железную дорогу, Волчихин-

ское водохранилище и множество дорог и троп, подбирающихся к вершине.

***

Теперь вся романтика пропала. Волчиха всюду окружена садами, создается впечатление, что гора подвинулась в город. Ревда и Первоуральск совсем рядом. Через северное плечо Волчихи прорезался Московский тракт с его неумолкающим шумом.

На склонах обосновались неизвестно чьи владения. Вырублены три широкие горнолыжные трассы с подъемниками. Летом по лесу шляется какая-то стража, спрашивая лицензии на сбор грибов и ягод.

Если это частное владение — напиши вывески и поставь границы, а не занимайся наведением мути! Не одни местные посещают Волчиху; к кому обращаться за разрешением — неизвестно.

Большое путешествие маленького господина

Считается, что первым представителем царской династии, посетившим горнозаводской Урал в 1824 году был император Александр I. Это было бы истинной правдой, если бы не одно событие, случившееся еще в екатерининскую эпоху.

Поздним вечером на исходе лета 1782 года со стороны Красноуфимска к Билимбаевскому заводу подъехало несколько обычных, на первый взгляд, дорожных экипажей. Однако повозки свернули не к дорожному тракту и не к новой ямской станции, а напрямик направились к господскому дому, где их уже ждало местное начальство. Путешественники – молодые люди, опекаемые гвардейским полковником Бушуевым и университетским профессором Озерецковским, выглядели для местного населения довольно непривычно. Впрочем, и местные достопримечательности были для путников не менее экзотичны. Особенно впечатлила увиденная накануне Чусовая. «Сея река достойна замечания, – записал в своем дневнике Озерецковский, – понеже на ней нагружают суда всем тем, что из Сибири вывозят и доставляют с помощью непрерывного сообщения воды в разные части Российского государства. На берегу оной делают множество судов, называемых стругами, которые поднимают великую тяжесть, понеже делаются они плоскодонными».

Главным в небольшой кампании был не профессор, и даже не пол-

Ф.С. Рокотов. А.Г. Бобринский в детстве

ковник, а таинственный «маленький господин» по фамилии Бобринский, которого все уважительно величали не иначе как Алексей Григорьевич. По поводу его личности ходило тогда много чудных слухов. Говорили, что семь лет назад, в

1775 году, в доме петербургского вельможи И.И. Бецкого неожиданно появился мальчик, привезенный из немецкого пансиона. Мальчику шел тринадцатый год, но у него, словно у беспризорного котенка, не было ни имени, ни фамилии, а

Нина Валентиновна Акифьева — кандидат исторических наук, доцент УГТУ-УПИ. Живет в Первоуральске. Она — активный автор нашего журнала.

Ф.С. Рокотов. Портрет графа Г.Г. Орлова

французским и немецким языками, началами арифметики и очень малыми сведениями из географии. Зато в его судьбе самое живейшее участие приняла сама императрица Екатерина II.

Надо сказать, что в монаршем окружении причина столь необычного внимания императрицы к худенькому, боязливому, замкнутому и совершенно оробевшему в роскошных апартаментах подростку ни для кого не являлась секретом. Ведь этот мальчик, родившийся в апреле 1762 года, был родным сыном императрицы и Григория Орлова. Поскольку в то время Петр III, законный супруг Екатерины, воспылав страстью к Елизавете Воронцовой, с женой виделся редко, лишь на придворных церемониях, Екатерине удалось скрыть свою тайну. А очередной петербургский пожар, на который император умчался вместе

со своей свитой, отвлек его внимание от рождения незаконного дитя. По слухам, гардеробмейстер императрицы Василий Шукурин нарочно поджег в тот день свой дом, зная, что Петр III всегда лично занимался тушением пожаров. Шукурин же и забрал малыша, выдав за собственного сына.

Все это являлось строжайшей государственной тайной, однако, провинциалы, как ни странно, относительно личности Алексея оказались неплохо осведомлены. Его встречали с таким редкостным вниманием и почетом, будто путешественник был наследником престола, а не обычным поручиком, только что выпущенным из корпуса. Что в столице считалось тайной, в провинции было известно во всех подробностях.

Осмотрев на следующий день Билимбаевский завод, принадле-

жащий тогда Александру Сергеевичу Строганову, Бобринский отметил в дневнике, что рабочие здесь получают 7 копеек в день, а в заводе работают и день, и ночь. Однако хозяин завода, по мнению Алексея, слыл человеком гуманным, так как позволял своим работникам иметь огороды, на которых они выращивали репу, морковь, капусту и другие овощи. Хлеб же, за неимением пашни, приходилось покупать.

2 сентября путешественники «к крайнему их удовольствию» прибыли к конечной цели своего долгого пути – в Екатеринбург. «Сей день, – замечал Озерецковский, – погода нам благоприятствовала, ибо с самого нашего отъезда из Казани почти непрерывно шли дожди, а иногда и сильно по ночам морозило». В Екатеринбурге путники остановились в доме Алексея Турчанинова, «где приказчик его старался доставить гостям всевозможное спокойствие».

В городе внимание таинственной компании привлек монетный двор и «разные производящиеся тут работы, как-то: плавление меди, делание стали, пиление, шлифование, гранение разных камней и прочая. После обеда ездили в лабораторию, где плавят из песка золото». Однако областной Екатеринбург (этот статус в составе Пермского наместничества город получил буквально год назад) не заинтересовал путешественников. И уже через день кавалькада экипажей со странными гостями покинула его, направившись в Сысертский завод Турчанинова. «У него в сем заводе, – сообщал с дороги Озерецковский, – заведена преизрядная оранжерея, в которой множество разных плодовых деревьев, которые весь год снабжают его плодами. У него тут же есть зверинец, где находится множество маралов, род больших лосей. Одним словом, он до всего охотник и у него нет тут ни в чем недостатка. После обеда, поблагодарив за все оказанные учтивства, отправились мы на его же Полевской медеплавильный завод, отстоящий от Сысертского в 45 верстах, куда и прибыли к ночи».

Кроме этих двух заводов компания посетила еще Кособродскую

и Горнощитскую «мраморолонни» (там велась тогда работа над заказом для строившегося в Питере каменного Зимнего дворца), Березовский золотопромывальный завод и находящиеся около него золотые рудники. После спуска в шахту профессор не скрывал своего восторга: «Невозможно надивиться природе. И в недрах земных она столь же многообразна и великолепна, как и на поверхности оной. Я с удовольствием рассматривал расположение богатых жил, заключающих в себе сей прекрасный, сколь полезный, столь и пагубный для человеческого рода металл. Кажется, что естество нарочно скрывает его и делает добывание его трудным, но нужда, а лучше сказать корысть, все препятствия, презирая опасности, преодолевает и гонится за ним даже в преисподнюю. И кажется, что в сей стороне Творец восхотел заменить неплодородие поверхности земли разными в недрах ее содержащимися сокровищами, ибо не токмо заключает она в себе многие металлы, но и находят в иных местах довольно число разноцветных камней, которые, однако ж, стали теперь гораздо реже».

12 сентября вся компания окончательно оставила Екатеринбург и поехала обратно той же дорогой, которой и прибыла в город. «Погода была весьма хорошая, но уже деревья от прежде бывших морозов и дождей все пожелтели, да и дорога от оных сделалась весьма дурна, так что мы не более 6-ти верст в час проезжали».

На обратном пути из Екатеринбурга путешественники почти на неделю задержались в Билимбае. Озерецковский писал: «За болезнью Але[ксея] Григо[рьевича] принуждены мы были 13, 14, 15, 16, 17 числа провести на Билимбаевском заводе у приказчика, к которому мы и в первый раз пристали. За бездельем ходил я поутру на железные рудники, которые находятся на близстоящей горе. На оных большею частью добывают руду женщины, которым платят на день по 2 алтына. Кажется, что прибыточнее было заводу, если бы платили им по числу пуд руды, ими добываемой».

Д. Левицкий Екатерина II законодательница

Увиденная воочию жизнь простого народа сильно удивила не только университетского профессора, но и молодого аристократа. После билимбаевского «сидения» Бобринский записал в дневнике: «Говорил мне господин Колтовский, что ежели нрав русских хочешь увидеть, то не надо их смотреть в столичном городе, но смотреть надо их в провинциях, и это правда». Особенно поразило Алексея то, что простолюдины дают друг другу деньги взаймы без свидетелей и письменных обязательств и не слышно случаев, чтобы должник потом отказался от уплаты. Ни о чем подобном он, вращаясь в столич-

ных аристократических кругах, и не слышал.

Читатель заметил наверное, что поездка эта была не совсем обычная и даже в некотором роде довольно странная для молодых аристократов, хотя путешествия тогда в России были довольно модны. Если бы не одно «но». В те годы «благородные» люди ездили исключительно на Запад. Тогда как план путешествия Алексея Бобринского предполагал сначала поездку по России, а только потом в Европу. И уже по одному этому признаку можно предположить, что путешествие по провинции молодых людей, воспитанных иностранными гувернерами, плохо

владевших, а то и просто не знавших родного языка, было нетипично для России XVIII века. И добро бы на месяц-другой, а то на целый год!

Какова же тогда цель этой поездки и кто ее затейник? Откуда вообще возникла сама идея такого путешествия? Обычно авторство приписывают И.И. Бецкому или Екатерине II. Хотя на самом деле идея, конечно же, принадлежала не ему и даже не Екатерине, а самому Дени Дидро, считает ведущий научный сотрудник Государственной Третьяковской галереи, кандидат искусствоведения Марина Петрова. Во время своего пребывания в Петербурге осенью 1773 года французский философ в очередной беседе с императрицей как-то затронул вопрос о подготовке к предстоящему царствованию великого князя Павла Петровича. Тогда-то он и высказал мысль о необходимости отправить Павла Петровича в путешествие. При этом целью путешествия должно стать не развлечение, а практическое изучение им своего Отечества и своего народа. И только после этого, настаивал Дидро, можно приобщаться к великой европейской культуре и новейшим достижениям в области экономики и политики.

Тогда императрица, сдерживая непонятное для Дидро раздражение, поблагодарила его за столь дельные советы, но пускать их в ход не спешила. Почему? Да потому что программа Дидро, в первую очередь, была направлена на основательное знакомство с политической и экономической жизнью страны, ее культурой, историей, обычаями и нравами (к тому же увиденными изнутри) и, подкрепленная затем знаниями аналогичных областей в жизнедеятельности европейских стран, предполагала введение Великого князя в систему государственного управления. Екатерина же, как известно, посвящать своего законного сына Павла в нюансы внешней и внутренней политики не собиралась, поскольку вообще не рассматривала его как своего преемника.

Однако через девять лет после той памятной встречи с философом плану Дидро все же суждено было сбыться, только вот поехал в путешествие не Павел, а Алексей. Но если незаконнорожденному сыну Алексею государева участь не грозила, то откуда эта государственная направленность его поездки? В чем интрига? Ведь ни Павел, ни сам Алексей так никогда и не узнали о цели той миссии. Зачем Екатерине было нужно это грандиозное путешествие своего незаконнорожденного сына? «Ведь хорошо известно, — пишет Марина Петрова, — что императрица, прежде чем осуществить какое-либо действие, рассматривала его основательно со всех сторон и только потом принимала соответствующее решение, которое потом уже не меняла. В данном случае Екатерина загадала историкам нелегкую загадку».

ВОЛЬПИН Надежда Давидовна (1900 — 1998), поэтесса, переводчица.

Переводила с белорусского, идиш, литовского и туркменского и с европейских языков. Ее стихотв. напеч. в антологии «Поэты наших дней». М., 1924. Как переводчица участв. в «Антологии белорусской поэзии». М., 1952. Пер. также с еврейского, литовского, туркменского. Пер. ром. «История приключений Джозефа Эндрыуса и его друга мистера Абраама Адамса». М., 1949. Пер. ром. В. Скотта «Роб Рой». М., 1952. Пер. стихи Эдгара По, напрым. стихотв. «Призрачный замок». В 1924 г. родила сына Александра от Сергея Есенина. Оставила воспоминания о Есенине, написанные спустя много лет после смерти поэта и отличающиеся от «привычного канона» — психологичные, непосредственные и поэтичные (См. «Сергей Есенин глазами современников». СПб., 2006 — портр). О ней в восп. М. Н. Жемчужникова — «Минувшее», вып. 6. М., 1992, с. 13.

Основные произведения...; Розанов.

ВОЛЬПЯН-СМОЛЕНСКАЯ Г.

Авт. работы «Еврейская женщина, ее роль и положение в истории еврейского народа» (Вильна, 1900).

Венгеров. Источ.

ВОЛЬСКАЯ

(См. Миклашевская В.)

ВОЛЬСКАЯ Н. Б.

Сотр. «Женского Вестника» (1867)? Сотр. в парижском журн. «Иллюстрированная Россия» (1930-е гг) иа газ. «Возрождение»? Уч. в лит. кружке «Четверг» и «Литературном содружестве» в Ницце? О ней: Яконовский Е. М. Знакомые дороги: Пассажиры «Титаника» \ \ Русская мысль. 1957. 18 июля, 8 авг, 11 авг. — о работе с В. В газ «Возрождение», ее творчестве, лит. привязанностях, болезни и смерти.

Венгеров. Источ.; Периодика...; РРЭВД. 3. № 5069.

ВОЛЬСКАЯ Р.

Пер. с польск. рас. Андрея Струга «Последние письма». — «Рус. Бог.», 1911, № 12.

ВОЛЬТМАН Варвара Васильевна

Авт. «Первой книги стихов» М., 1929 (портр).

Розанов.

(Продолжение на стр. 57)

ВОЛЬФ Ревекка Абрамовна (1887 —), библиограф.

«Вісти Прилуцького Ісполкома та Парткома КПБ(У)» (1920-1921) — Р. В.

Масанов.

ВОЛЬФ-ИЗРАЭЛЬ Евгения Михайловна (1897 — 1975), авт. автобиографии.

Актриса Александринского театра. Напис. Автобиографию в кн. «Актёры и режиссеры: Театральная Россия». М., 1928. У Амфитеатрова — год рожд. 1895 (ук. им.)

ИДРДВ. Т. 4. Ч. 4. № 7895.

ВОЛЬШТЕЙН Лиза Иосифовна (1886 —), авт. воспоминаний; работница, член РСДРП, участница рев. движ в Одессе и социалистич. — в США.

Авт. «Записок фабричной работницы». — «Пролет. революция», 1922, № 9, с. 160-181.

ИДРДВ. Т. 4. Ч. 2. № 2305.

ВОЛЬШТЕЙН-РОЖАНСКАЯ Фанни Иосифовна (1889 — 1929), авт. воспоминаний; работница, член РСДРП, большевичка.

Авт. кн. «На баррикадах первой революции». М. -Л., 1925.

ИДРДВ. Т. 4. Ч. 2. № 3700.

ВОРБУД Ани.

(См. Дубровина Е. О.)

ВОРЕЦКАЯ Э.

Авт. кн. «Проблема объективной познания». Ростов-на Дону, 1904.

ВОРОБЬЕВА А. П., издательница начала XX века.

Владела издательством «Новое товарищество».

«Книга». Сб. 24, с. 121.

ВОРОБЬЕВА И.

Ее стихи печатались в журн. «Знамя» (1919. № 2).

ЛЖР.

ВОРОБЬЕВА Ксения

«Стихотворения. 1902-1905». СПб., 1905.

ВОРОБЬЕВА Мария Вячеславовна (1899-?), писательница.

О ней: Писатели Советского Дона. Вып. 2. Ростов н\Д, 1966.

Мацуев.

ВОРОБЬЕВА Ольга Александровна (? — 1965), авт. воспоминаний.

Дочь капитана 2-го ранга А. А. Воробьева. С 1920 г. — в эмиграции. «Вилла «Анна»: Из воспоминаний» \ \ Возрождение. 1926. 25 авг. (1920-е гг. Эвакуация из Крыма, эмиграция, скитания. Вилла на берегу залива Бока Которская (Далмация). Ожидание автором визы в Болгарию).

РРЭВД. 3.

Пересечь границу

— Девушка, повторяю вам еще раз — у вас нет паспорта гражданина Российской Федерации. Без него я ничем не могу вам помочь.

Офицер регионального консульства — плотный мужчина лет сорока с редеющей шевелюрой и седеющей щетиной — говорил равнодушно и смотрел утомленно. За последние месяцы таких, как эта девчонка, он перевидал немало, и несчастные лица измученных, испуганных людей его уже не трогали.

Как только начались внутренние чистки в стране, у стен консульства образовалась огромная очередь. Она разрасталась и медленно свивалась во все новые и новые кольца вокруг здания. Люди не расходились ни днем, ни ночью. Стояли неделями.

— Послушайте, но как же так? — чуть не плача, повторяла Алекс. — Я же русская. Вот, видите, мне и бумагу прислали — я больше не американская гражданка. И мама у меня была русская...

Офицер безразлично смотрел на нее и монотонно бубнил:

— Доказательством гражданства Российской Федерации является наличие паспорта гражданина Российской Федерации. У вас его нет и не было. Но поскольку ваша мать, как вы утверждаете, гражданка России, вы имеете право подать заявление на признание гражданства. Необходимые формы можно заполнить непосредственно на сайте российского посольства. Процедура рассмотрения занимает около года.

— Я не могу ждать год. Никак не могу.

— В таком случае, вы можете обратиться на гостевую визу — ее выдают за два-три месяца. Все, что необходимо — это вызов от гражданина России.

— У меня никого нет в России. Совсем.

— Значит, я ничем не могу вам помочь, — ровно закончил офицер.

Алекс подавленно молчала. И что ей делать теперь?

Расколовшаяся Америка лишила гражданства всех тех, чья национальность казалась им подозрительной. Разумеется, русские туда попали сразу же.

Но Алекс-то ведь родилась и всю жизнь прожила в Штатах! Да, у нее была русская мама, студенткой приехавшая в Америку на заработки и, как это делали многие в то время, решившаяся остаться. После рождения Алекс ее депортировали из страны. Зато отец был американец — и неважно, что она никогда в жизни его не видела.

Да, Алекс росла в русской общине и прекрасно владела русским языком. Но ведь она закончила школу, отучилась два года в местном колледже, платила налоги и даже один раз голосовала! И никогда не задумывалась над своим происхождением — пока внезапно не разразилась вторая гражданская война между Севером и Югом.

Ну разве мог кто-то предположить, что дебаты в парламенте и на общественных форумах по поводу признания однополых браков перерастут в уличные бои? Что перейдут в настоящую войну? Что она так затянется?

Давно признавшие однополые браки Канада и Скандинавия поддержали Север; Югу помогли религиозные страны Азии и Европы. Помогали — но не просто так. Слишком часто США вмешивались во внутренние дела других стран, слишком многое приходилось терпеть от Штатов, чтобы сейчас не воспользоваться возможностью и не внести свою лепту в распад великой державы. Потому, поддерживая и Север, и Юг, «союзники» внимательно следили за балансом сил — чем дольше идет война, тем меньше остается от Америки. От этого выигрывают все.

Все — кроме тех, кто не являлся американцем хотя бы в третьем поколении. Кто, проснувшись однажды утром, обнаружил, что стал представлять угрозу для

Марина Ясинская родилась в семье военнослужащего, поэтому родиной считает весь СССР. По российскому образованию — юрист и лингвист. В декабре 2007 получила степень магистра права в Канаде. Работала юрисконсультантом в России и менеджером в США, пробовала себя в журналистике и академической сфере. На данный момент литература — это увлечение. Но увлечение серьезное.

внутренней безопасности государства. Такие как Алекс, которую на двадцатом году жизни признали русской и дали три месяца на выезд из страны, пригрозив, что в случае отказа ее ждут изоляционные лагеря.

И вот она в российском консульстве — куда же еще податься девушке с именем Александра Вареева, которой сообщили, что теперь она русская?

Да только здесь ей, кажется, помогать не собираются.

— Но вот же, мне прислали бумажку, — снова попыталась убедить офицера Алекс.

— Эх, девочка, — усмехнулся он, — это ты для американцев стала русской. А для нас ты — американка.

— Послушайте, — в полном отчаянии Алекс крепко схватила его за руку ледяными ладонями, — Если я не уеду через два месяца, меня отправят в изоляционный лагерь. Вы же знаете, что там творится! Да я... я... куда угодно, только не в лагерь!

Слухи о лагерях ходили самые разные, один другого невероятнее. Но даже если люди и преувеличивали, дыма без огня не бывает. Да и призрак Абу-Грейб до сих пор жив, хотя прошло уже без малого полвека. Лагерь для тех, кто представляет опасность для государства, в любом случае не покажется курортом.

Алекс покосилась на визитки, аккуратной стопкой лежащие на краю стола — прищурилась, стараясь прочитать имя офицера. Потом снова взглянула на него — в ее глазах ярко горели мольба и надежда:

— Владислав Николаевич, помогите мне! Ну, пожалуйста! Я очень вас прошу!

Офицер смотрел на нее, и его глаза довольно долго оставались равнодушными и безразличными. Потом он внезапно высвободил руку и грузно поднялся из-за стола. Подошел к двери, приоткрыл. Измученные люди жались в душном коридоре — терпеливо ждали.

— Технический перерыв, — буркнул офицер.

Плотно закрыл дверь, повернул ключ в замке. Медленно обернулся — и Алекс увидела его глаза. Они больше не были равнодушными и безразличными — нет. Но Алекс подумала — пусть бы они оставались холодными и бесчувственными. Пусть. Всё лучше, чем новый взгляд. От него закачался, будто лодка на волнах, пол под ногами. Поплыл вверх потолок, закрутились стены узкого кабинета.

Алекс вскочила со стула. Ударилась об угол стола и не заметила. Сделала шаг назад. Еще один. И еще. Спина встретилась с холодной стеной.

Офицер по-прежнему стоял у дверей — он не сделал ни шагу. Только смотрел на нее — с усмешкой. И молчал. Молчал, но Алекс словно слышала, как он говорит:

— За стеной, в которую ты так старательно вжимаешься — изоляционный лагерь. Не будь душой — думаешь, там тебя не тронут? По крайней мере, здесь я всего один, а там — кто знает! А за дверью, у которой стою я — дорога в Россию. Сама догадаешься, как через нее пройти, или мне подсказать?

Какой может быть выбор, когда на тебя наваливается беспомощность, и когда бессилие прижимает тебя к стене? И когда они смотрят — смотрят тебе прямо в лицо. Глазами офицера из консульства.

Не может быть — этого просто не может происходить на самом деле.

Не должно.

Не здесь.

Не в самый первый раз.

Не так.

Не с ней.

Алекс крепко зажмурилась.

Отчаянно пытаюсь унять бьющую ее дрожь, она желала только одного — ничего не запомнить.

* * *

Алекс никогда не любила Норфолк. Он уродовал белесое песчаное побережье океанского пляжа Вирджинии своими неказистыми небоскребами, загазованными трассами и грязными, дымящими трубами заводов. А теперь, когда она уже полтора месяца дневала и ночевала в порту, она возненавидела его еще больше.

Здесь не редела толпа людей. Не могли разогнать ее ни военные, ни грохот взрывов, ни оглушающая стрельба спешно пригнанных после падения Ричмонда установок ПВО. Потому что корабли оставались самой последней надеждой для тех, кто не мог иначе выбраться из страны. Таких, как Алекс.

За полчаса унижения в консульстве она получила наспех закатанную в пластик карточку, подтверждавшую статус беженки. Оставалось только пересечь российскую границу, но как раз это оказалось практически невыполнимым.

Цены на авиабилеты взлетели до небес; купить себе место на самолет Алекс не могла. Зато ходили слухи, что заходящие в порт корабли иногда соглашались взять на борт пассажиров. За куда более умеренную плату, а, если повезет, то и бесплатно.

Так и оказалась Алекс в порту. Все это время она отчаянно боялась даже на минутку отойти от причала. Страх, прочно засевший в груди и постоянно сжимающий сердце — страх пропустить спасительное судно преследовал ее днем и ночью.

За полтора месяца в порту побывало много кораблей. Но мало кто из них принимал пассажиров. Если какое-то судно и соглашалось, люди штурмовали его с отчаянностью обреченных, насмерть давя друг друга в толпе. Ни на одно из них, разумеется, Алекс не попала.

Надежда на то, что международные организации озаботятся судьбой беженцев и примутся их вывозить, давно умерла. Алекс перестала ходить в здание порта, чтобы посмотреть новости. Самое главное она уже уяснила.

НАТО развалилось, растеряла свои позиции ООН. На опустевшую международную арену ринулись но-

вые игроки — делить освободившуюся территорию, и сейчас им было не до помощи нуждающимся.

У Алекс в запасе оставалось две недели. Изю дня в день предъявляя документы военному патрулю, она с ужасом думала о том, что в конечном итоге так и окажется в лагере. И тогда то, что пришлось вытерпеть в консульстве, покажется ей сущей ерундой.

* * *

А за неделю до рокового срока появилось российское судно.

На погрузившемся в сумерки причале собралась толпа: она дрожала, нервничала и сталкивала стоявших слишком близко к краю в воду. Тяжелой волной ударила в высокий борт пришвартовывающегося судна. Мощным потоком рванула на спустившийся трап. Потом замерла, дрогнула и стала медленно отходить назад. Команда корабля оказалась хорошо подготовлена к тому, что ее ждет — по ступеням плотным строем с оружием в руках спускался экипаж.

На причал сошел капитан — подтянутый темноволосяный мужчина лет сорока пяти с седыми висками и удивительно ясными глазами. Сообщил, что примет на борт только двадцать пять человек. В первую очередь — граждан России.

Люди и не подумали расходиться, и сдвинулись с места только после того, как моряки, оцепившие корабль, приподняли дула автоматов.

Ждать чуда бессмысленно. Но Алекс все равно не ушла. Да, у нее нет российского паспорта, а в очереди — куда больше двадцати пяти человек. Но у нее осталось всего шесть дней, и если есть хоть малейшая возможность попасть на борт, она ею воспользуется.

Прошло около часа, когда над причалом разнеслись слова:

— Больше мест нет. Повторяю, больше мест нет.

Раздались крики и плач. Кто-то с причитаниями ринулся вслед за поднимавшимся по трапу командиром, кто-то отчаянно цеплялся за жесткие рукава черной формы моряков, просил, умолял.

Алекс не сдвинулась с места и не сводила взгляда с корабля. Вот оно — ее спасение, совсем рядом. Протяни руку — и дотронешься.

Моряков оцепления почти не было видно — их черная форма растворялась в черноте ночи; слабый лунный свет выхватывал из темноты только белые фуражки.

Остальные члены экипажа сновали между кораблем и зданием порта, деловито бегали вдоль причала. Перекидывались между собой короткими фразами. Потом стали не спеша бродить между не сводящими отчаянных глаз с корабля людьми. Перед некоторыми останавливались, что-то говорили.

Вот одна белая фуражка повела за собой кого-то. Из оцепления раздались редкие смешки и неразборчивые реплики. Белая фуражка остановилась на нижних ступенях трапа, и до Алекс донеслись слова:

— Какая, к чертовой матери, дисциплина? Когда мы отчалим, будет уже поздно. Не за борт же ее вы-

кинут. Да если и за борт — она согласна на риск. Она вообще на все согласна. Так ведь? — обратился он к почти неразличимой фигуре, не отходящей от него ни на шаг.

Мгновенно ожившие люди бросились к оцеплению. Алекс, не раздумывая, рванулась вслед за ними.

Мимо нее проходили черные фигуры в белых фуражках. Некоторые останавливались, брали за подбородок, поднимали голову, заглядывали в глаза, что-то спрашивали. Она молчала, крепко стискивая зубы.

Лишь бы уехать. Лишь бы уехать. Лишь бы уехать.

Когда чья-то рука сжала ее ладонь и настойчиво потянула к кораблю, Алекс, не колеблясь, пошла вслед, низко опустив голову. Лучше не смотреть. Да и какая разница?

Она споткнулась на ступенях трапа и почти упала, но ее резко дернули вверх. Хрустнули суставы, заняло плечо.

Винтовые лестницы, люки и снова лестницы. Тяжелая дверь, крошечная полутемная каюта.

Ее подвели к узкой койке — она неуклюже села. Голову так и не подняла. Чья-то ладонь настойчиво надавила на ноющее плечо, и Алекс послушно легла.

— Спи, — услышала она тихий голос.

* * *

Моряк, забравший ее с причала, оказался худощавым и молчаливым, со светло-кариими глазами и коротко стриженными волосами. Ему было двадцать пять лет, он был помощником командира БЧ-1, что бы это ни означало, и звали его Герман.

В первый день он заглянул в каюту ближе к обеду, кинул на стол термопакет с едой и поманил Алекс за собой. Проводил по короткому коридору к ничем не отличающейся от прочих двери и коротко пояснил:

— Галюн.

Алекс молча смотрела на него. Видимо, недоумение отразилось в ее взгляде, потому что он спросил:

— Ты русская?

— Наверное, — неуверенно ответила Алекс.

Он хмыкнул и пояснил:

— Туалет. И старайся никому не попадаться на глаза.

Вечером снова принес еду. Почти ничего не говорил. А Алекс ничего и не спрашивала.

На второй день Алекс немного пришла в себя и поняла, что не может оттягивать неизбежное. Оно висело над ней дамокловым мечом и не давало покоя.

— Герман, — первой заговорила она, когда тот принес термопакет, — Герман, спасибо.

Долго молчала. Наконец выдавила из себя — через силу:

— Я не знаю, как тебя отблагодарить.

Отвернулась. Ну вот и все.

Герман не отвечал.

Тишина уже звенела от напряжения, когда Алекс не смогла больше выносить затянувшуюся паузу и обернулась.

Герман встретил ее взгляд и усмехнулся — криво и недоверчиво. Вышел, ничего не сказав.

А Алекс, словно обожженная его холодным колючим взглядом, сжалась в комочек и забилась в угол жесткой койки. В отчаянии глядела на закрывшуюся за Германом дверь, прекрасно понимая, что ничего не сможет ему объяснить. Не поверит он — не после того, как она с готовностью пошла вслед за ним с причала.

Герман появился уже под вечер, с тощим матрасом в руках. Алекс все-таки не выдержала:

— Герман, — начала она. Помолчала, пытаюсь подобрать слова. — Послушай... Понимаешь, я...

Слова не шли.

Герман долго стоял, пристально глядя на нее сверху вниз — словно старался что-то разглядеть. Потом неожиданно кивнул.

— Понимаю, — и опять ушел.

Вернулся поздно ночью. Тихо, стараясь не шуметь, закрыл дверь. Раздевался, не включая свет. Только Алекс все равно не спала. Да и не могла она, зная, что предстоит. Дождалась, когда он уляжется на тощий матрас на полу, а потом спустилась к нему с жесткой койки.

* * *

Замкнутое пространство полностью изменяет течение времени. То, на что в обычной жизни требуется несколько месяцев, в крохотной каюте происходит за какую-то неделю.

Вот и Алекс перестала вздрагивать при звуке открывающейся двери, а Герман перестал смотреть словно бы мимо нее и отмалчиваться.

Они коротали долгие часы за разговорами. Алекс рассказывала Герману про маленькую Россию — несколько кварталов на окраине индустриального города Вирджинии, в которых она росла. Про маму, которую она никогда не видела, про далекий грохот взрывов, к которому привыкаешь. Про порт, про бессонные ночи, про ожидание корабля. И гораздо позже — про консульство.

Герман всегда внимательно слушал. Много рассказывал сам.

Про семью — про то, как четырнадцать лет назад его младшего брата вместе со всеми семилетними детьми забрали в ВУЗы, воспитательные центры закрытого типа, где и растили до полного совершеннолетия — в изоляции от пагубного влияния окружающей среды, подальше от наркотиков и преступности. Говорил, что за прошедшие годы связь с братом как-то потерялась, что он ничего не слышал от него больше двух лет. Вспоминал, что первого сентября не увидишь больше на улицах взволнованных нарядных первоклашек с ранцами за спиной и гладиолусами в руках — ведь теперь ВУЗы забирают детей каждый год и растят вдали от семей, воспитывая в них ответственность, порядочность, сознательность, патриотизм и прочие бесценные качества.

Рассказывал про службу. Про то, как их крейсер патрулировал пролив Крузенштерна, когда разразил-

ся третий конфликт с Японией из-за Курильских островов. Про то, как в составе миротворческих сил они курсировали вдоль берегов Коста-Рики, Панамы и Колумбии во время карибских нарковойн. Про эвакуацию российских дипломатов из Нигерии в разгар вооруженного передела африканского нефтяного рынка после развала мультинациональных корпораций. Про сопровождение кораблей Красного Креста в погибающую от СПИДа Замбию, у которой не хватило денег купить у фармацевтических компаний лицензию на производство лекарств от ВИЧ-инфекции.

...Прошло две недели, и Герман из равнодушного, чужого и безразличного человека превратился в теплого, понимающего и почти близкого. Его незаметная забота и сдержанное внимание располагали к себе. В какой-то момент по ночам Алекс, наконец, перестал мерещиться на его месте сидящий офицер российского консульства. Только вот что стояло за этим — благодарность, привычка или что-то еще, она не могла понять. Да и не хотела.

А Герман дал ей новое имя, и оно навсегда заменило «Алекс». Сашенька. Саша.

* * *

Когда жизнь дарит тебе что-то хорошее, никогда не следует расслабляться, потому что за ее щедрость непременно придется расплачиваться.

Герман вернулся с дежурства на взводе, бросил термопаек, с размаху плюхнулся на койку и сцепил руки за головой.

— Черт! — с чувством выдохнул он.

Страх холодными пальцами вцепился в сердце и резко дернул вниз.

— Что случилось?

— Пришел приказ сменить курс. А мы всего в пяти днях от Питера!

— А что с нами?

Герман покачал головой. Потом ответил:

— Завтра утром к нам подойдет сторожевой крейсер и заберет тех, кого мы приняли... Тех, кого приняли официально.

— А нельзя?.. - начала было Саша, но он ее перебил:

— Нет. Никак. Иначе кавторанг потеряет должность.

— Кавторанг?

— Командир Устинов, — пояснил Герман. Встретил ее непонимающий взгляд и слабо улыбнулся: — Кавторанг. Капитан второго ранга.

Потом помрачнел:

— Устинов — хороший мужик. Он с самого начала знал, что у нас нелегалы на борту. И решил, что в порту мы вас как-нибудь незаметно высадим, а там — кому какое дело, на чем вы приехали... Не с собой же вас брать, в самом деле! Зато теперь, понимаешь, если он сдаст вас сторожевому крейсеру, то в штабе об этом непременно узнают. А за такое нарушение его как минимум снимут с должности.

Саша не понимала.

— Неужели нельзя объяснить?.. Неужели не поймут?

Герман криво усмехнулся:

— Эх, мало ты о нашем флоте знаешь!

Саша подавленно молчала. Ну почему — почему от нее ровным счетом ничего не зависит?

Герман опустился рядом, укутал Сашу покрывалом, обнял. Он больше ничего не мог поделать — он и так уже сделал больше, чем мог.

* * *

Саша проснулась оттого, что Герман осторожно, но настойчиво тряс ее за плечо. В иллюминатор был виден краешек мутно-серого неба. Раннее утро? Или поздняя ночь?

— Вставай. Быстрее!

— Что, что такое? — бешеный стук сердца громом отдавался в ушах.

— Мы заходим в ближайший порт. Официально — на дозаправку. Кавторанг придумал. Это — единственный ваш шанс сойти.

Саша бестолково заметалась по каюте. Она не совсем проснулась, да тут еще этот оглушающий стук в ушах!

Надо столько всего спросить!

Да, что-то надо спросить — непременно. Что-то очень важное...

Что?

Герман, кажется, понял ее состояние — стал говорить простыми короткими фразами.

— Это — не Россия. Это — латышский порт Лиепая. Тебе надо добраться до Риги. До Риги. Запомнила? Отсюда до Риги идет поезд. В Риге садись на любой монорельс в Россию. Поняла? Показываешь карточку беженки, говоришь, что у тебя — право транзита.

Герман сунул ей в руки небольшую, плотно набитую чем-то сумку. Потом помахал перед лицом тонкой папкой.

— Здесь все твои документы. Смотри, вот я кладу их во внутренний карман. Здесь, — он показал бумажник, — здесь — деньги. Наличные. Все, что смог собрать. Положи себе. Не потеряй. Саша, ты все поняла?

Она кивнула в ответ, отчаянно стараясь не разреветься. Опять земля уходит из-под ног, снова она стремительно падает, падает в никуда...

— Сашенька, слушай меня, — Герман крепко взял ее за плечи, — Саша, все будет хорошо. Главное — пересечь границу с Россией. Пойдем — у нас очень мало времени.

Воздух серых сумерек оказался холодным и неожиданно тяжелым. Трап уже спустили, и в густом тумане по нему тихо скользили вниз призрачные фигуры.

— Постарайтесь держаться вместе, — напутствовал Герман, — так безопаснее. Ты все запомнила? Тебе надо в Ригу, а оттуда — на любой монорельс в Россию.

Саша кивала, с трудом заставляя себя делать каждый шаг. Воздух резко пах йодом. Плеск волн растворялся в густом тумане. Сырость пробралась за

воротник, холодными струйками потекла по спине. Дрожали руки.

Вот и трап. У поручней — несколько размытых фигур. Да и вообще — все вокруг расплывается дрожащими кляксами. Наверное, из-за тумана.

Лицо Германа совсем близко. Оно не расплывается — оно очень четкое. Кажется, оно никогда еще не было таким четким.

Надо — надо что-то сказать на прощанье. Ох, сколько всего надо сказать — а времени нет. Почему же она ничего не говорила — ведь у них было столько долгих дней? А оставшихся мгновений едва ли хватит на самое главное. Да и что оно — самое главное?

— Герман, мне надо тебе сказать...

Слова не шли. Так уже было.

Герман помнил. Кивнул.

— Я знаю.

Теперь надо заставить себя отпустить рукав его жесткого кителя и шагнуть на первую ступеньку.

Надо.

Надо!

Шаг вниз. Как в бездну.

Спустившись на причал, Саша обернулась. Ей показалось, что там, наверху, все еще стоит Герман. Но наверняка она сказать не могла — палуба растворялась в колеблющемся тумане сырых сумерек.

* * *

До Москвы Саша не доехала.

Ее ссадили на границе, не обратив внимания на карточку беженки, и оставили в буферной зоне. Вместе с теми, кто ждал своей очереди попасть в Россию.

Здесь были беженцы и вынужденные переселенцы, мигранты и сезонные работники, нарушители иммиграционного режима и нелегалы. Все они ждали. Ждали собеседования, суда, выдачи или продления визы, амнистии. Были здесь и граждане России — те, кто отказывался платить налог на бездетность или не желал лечиться от наркомании и алкоголизма.

В буферных зонах находились все те, кто не был достаточно хорош для того, чтобы жить в новой России, активно занявшейся своим возрождением после едва не уничтожившего ее полвека назад демографического кризиса.

Теснившиеся по несколько семей в крохотных квартирах, стоящие часами в очереди у единственного продуктового магазина или у банкомата в день выдачи соцпособий, днюющие у биржи труда в надежде, что вдруг появится хоть какая-то вакансия — а какие могут быть здесь вакансии? — постоянно боящиеся не успеть убраться с улиц до наступления комендантского часа, люди мечтали о том дне, когда их наконец выпустят из буферной зоны в Россию. А там — там одобренным переселенцам помогают с жильем, там есть работа, там получаешь хороший социальный пакет. Там не патрулируют улицы вооруженные отряды социального надзора. Там порядок, спокойствие и свобода, такие редкие в бурлящем от перемен мире. Там — совсем другая жизнь.

Надо только дождаться этого дня.

И Саша ждала. Ждала всего второй месяц, но уже изнемогала от жизни в буферной зоне. От беспорядков, от очередей, от грязи и шума, от постоянного напряжения, от состояния подвешенности между небом и землей. От того, что в который раз от нее ничего не зависит. Но больше всего — от страха, что ожидание может затянуться на несколько лет, а такое случалось сплошь и рядом.

Вообще-то, предполагалось, что дела беженцев попадают в приоритетные списки и, соответственно, рассматриваются быстрее. Но здесь все упиралось в крохотный пробел закона и в принципиальность того человека, от которого зависела ее дальнейшая судьба — в участкового соцнадзора северо-западной буферной зоны Андрея Степанова.

Серьезный, ответственный, вежливый, выдержанный, умный — он был из самого первого выпуска ВУЗ-Тов. Человек нового поколения.

— В инструкции четко сказано: «беженцы, имеющие гражданство другой страны». А у вас, Саша, вообще нет гражданства. Значит, придется ждать в общей очереди, — раз за разом повторял ей участковый.

Говорил ровно и терпеливо. Саше поначалу казалось, что вот уж он-то, такой вежливый, такой предупредительный, войдет в ситуацию, вот ему-то можно объяснить, вот он-то поймет.

Как сильно она ошибалась!

За его участливым тоном и понимающей улыбкой не было ни участия, ни понимания.

— Робот, — шептала она про себя, с ненавистью глядя на сероглазого юношу, — Машина — холодная и бездушная

Отчаяние требовало действий. Любых. Каких угодно. Ведь выбралась же она из Штатов — без денег, без документов.

В памяти сразу всплывали липкие глаза и рдеющая шевелюра офицера консульства. Неужели опять? Неужели все на этом свете решается только таким образом?

Каждый раз, когда появлялся Степанов, она смотрела в его серьезные серые глаза, и ей казалось, что его ничем не проймешь.

Но и тут она ошиблась.

Да, участковый не проявлял инициативу и не делал намеков. Но, хоть и воспитанный ВУЗ-Тами, он оставался здоровым молодым мужчиной и не вовсе не думал отказываться, когда смертельно бледная Саша сама сделала первый шаг.

Впрочем, очень скоро она о том сильно пожалела. Пленум Верховного Суда в очередном постановлении устранил крохотный пробел законодательства, и Сашины документы буквально через неделю перевели в приоритетную очередь.

Несмотря на это, одним разом встречи с Андреем, к большому сожалению Саши, не ограничились.

И снова воскрес и постоянно присутствовал рядом с ней четкий — до самых мелких деталей — образ сидящего офицера российского консульства.

* * *

— Думаю, через два месяца вам назначат собеседование. Тем временем предлагаю уладить последние формальности.

Несмотря на все, что между ними было, участковый продолжал вести себя как прежде, даже когда находился с Сашей наедине — вежливо и корректно,

отстраненно и непременно на «вы». Это безмерно ее раздражало.

— А разве еще не все? — удивилась она.

Саша уже заполнила бесчисленное количество форм. Сдала отпечатки пальцев, сетчатки и ДНК. Прошла медосмотр. Пришли положительные результаты исследования слепка ее психологического состояния.

— Нет, не все. Мне необходимо знать, что вы будете делать — стерилизацию или генетическую коррекцию?

— Извини, я не понимаю.

— Новая демографическая политика России не приветствует увеличение числа темнокожих граждан. А вы — носительница гена темной кожи, и он непременно проявится в одном из последующих поколений.

Носительница гена темной кожи? Как это?

Саша недоуменно наморщила лоб. Потом в памяти всплыли те немногие фотографии отца, которые сохранились от матери. Ах вот, значит, почему он такой смуглый! Только ей никогда и не приходило в голову, что он — цветной; у нее — то кожа светлая.

Андрей, кажется, понял, что не дожидается ответа, и продолжил:

— После стерилизации вы не сможете иметь детей и, соответственно, не передадите этот ген по наследству. Генетическая коррекция сохранит вашу репродуктивную способность, направленно уничтожив только этот ген. Разумеется, если вас не устраивает ни один из вариантов, вы можете остаться жить в буферной зоне.

— Нет уж, спасибо, — ответила Саша, поёжившись. — Я за генетическую коррекцию.

— Очень хорошо, — кивнул Степанов. — Но есть одна проблема. Стерилизацию вам сделают за счет государства. А вот генетическая коррекция — процедура новая и дорогостоящая, и проводится она исключительно на личные средства.

— И сколько стоит эта процедура? — спросила Саша, заранее зная, что таких денег у нее не будет.

— Четыреста пятнадцать тысяч.

Саша помолчала, а потом тихо спросила:

— Андрей, скажи мне — а зачем вообще давать на выбор два варианта, если заранее известно, что один из них — невозможен?

На лице участкового появилась понимающая улыбка — та самая, за которой — Саша точно знала! — нет понимания:

— По закону я обязан уведомить вас обо всех вариантах, чтобы вы могли свободно сделать выбор.

«Робот! Самый настоящий робот!»

— Так что вы будете делать?

Свободный выбор, ничего не скажешь! всю жизнь — в буферной зоне? Нет уж! Вот только цена...

— Стерилизацию, — выдала из себя Саша.

— Хорошо, — кивнул Степанов, — Будете сейчас делать или подождете до рождения ребенка? Учтите, ребенку тоже придется делать или стерилизацию, или коррекцию. Причем не ранее, чем по достижении им двухлетнего возраста.

Так в детстве она падала вниз на американских горках...

— Какого ребенка?

Голос участкового доносился откуда-то издалека и казался несколько удивленным.

— Вы не знали? Вы ждете ребенка. Девятая неделя.

* * *

— А нельзя разрешить мне переселиться в Россию, а я, как только накоплю денег, сделаю генетическую коррекцию?

— Нет.

— А нельзя ее сделать в кредит?

— Нет.

А нельзя?... А нельзя?... А нельзя?..

Нет. Нет. Нет.

Тупик.

— Андрей?

Участковый сидел напротив и ждал. Да как он может быть так спокоен, когда вся ее жизнь, того и гляди, разобьется на мелкие осколки?

— Андрей, ну подскажи мне что-нибудь! Хотя что-нибудь!

Степанов смотрел на нее участливым и понимающим взглядом, за которым нет ни участия, ни понимания.

— Саша, в вашем случае единственный вариант — стерилизация. Если не хотите делать аборт, рожайте ребенка и отказывайтесь от него. Оставьте в соцприемнике в буферной зоне.

«Робот! Самый настоящий робот!»

— Да как же я могу отказаться от своего ребенка?

— Значит, рожайте, делайте стерилизацию, переселяйтесь в Россию. А как накопите денег, сделаете ребенку коррекцию и заберете его отсюда. Если, конечно, его не усыновят до вас.

«Ненавижу!» — подумала она, глядя в серые серьезные глаза.

— Андрей, ну не могу я так! Ну должен же быть хоть какой-то выход! Неужели ты совсем ничем не можешь мне помочь? После всего...

Саша замолчала, не договорив — словно споткнувшись о хорошо знакомый участливый взгляд.

— Нет, — покачал головой он. — Или стерилизация, или же вы найдете деньги, чтобы заплатить за генетическую коррекцию.

— Интересно, где же это я их найду? — горько вздохнула Саша и закрыла лицо руками.

Степанов поднялся, пошел к выходу. В дверях остановился. Обернулся. Ровно и бесстрастно сказал:

— У меня дежурство заканчивается в семь. Подходите ко мне домой полвосьмого — как обычно.

* * *

Саша поджидала Степанова у подъезда его дома, хотя тем утром решила, что больше ни за что на свете к нему не придет.

А привела ее сюда последняя, отчаянная надежда. Вдруг ей сможет помочь Герман? Вдруг она все-таки не была ему уж совсем безразлична? Ну а если и так, может, его не оставит равнодушным судьба собственного ребенка?

Хотя не проходило и дня, чтобы Саша не вспоминала Германа, и хотя она сильно по нему скучала, ей не хотелось быть навязчивой и самой искать встречи с ним. Особенно при таких обстоятельствах.

Но других вариантов у нее не было.

— Андрей, — начала она, едва они переступили порог его квартиры, — мне нужна твоя помощь.

— Конечно, — любезно ответил он.

Саша скривилась — ах, как она ненавидела его фальшивое участие!

— Мне нужно разыскать отца моего ребенка. Думаю, он может мне помочь.

Участковый покачал головой и открыл было рот, но Саша перебила его:

— Слушай, ну имей совесть! Это ведь не противоречит твоим драгоценным инструкциям! Хотя в этом-то ты можешь мне помочь. За все, что я соглашаюсь тер... делать.

Кажется, впервые ей удалось задеть его за живое. Одним-единственным словом. Тем самым, которое она не договорила.

* * *

Андрей разрешил ей воспользоваться компьютером и даже ввел свой пароль доступа в программу поиска.

Саша выяснила, что судно, на котором служит Герман, находится на стоянке в Калининградском порту. Отыскала его электронный адрес. Долго — очень долго мучилась над письмом. Еще дольше не решалась отправить.

Отправив, металась из угла в угол, мучаясь ожиданием.

В ответ пришла короткая записка: «Не имею права покидать территорию порта. Попробуй приехать сюда сама».

Рванула к Андрею.

— К сожалению, по правилам покидать территорию буферной зоны запрещено, — ответил он. Как обычно — сочувственно. Как обычно — с отказом.

На этот раз его слова Сашу не остановили. Она направилась на прием к начальнику соцнадзора. Терпеливо стояла в очереди под дверью. Готовая на все.

И не могла отделаться от ощущения, будто она снова в консульстве.

Впрочем, за двери приемной Саша не попала. Степанов вытащил ее из толпы и сообщил:

— Начальник соцнадзора получил ходатайство от командира корабля, на котором проходит службу отец вашего ребенка, и дал разрешение на кратковременный выезд с сопровождением. Завтра мы с вами едем в Калининград.

Саша почувствовала, как больно ударило о ребра сердце и вдруг стала медленно сползать по стене вниз.

Степанов подхватил ее, довел до своего кабинета, дал воды. Молча смотрел, как прыгает пластиковый стаканчик в ее дрожащих руках, как выплескивается вода через край. Потом неожиданно спросил:

— Вы его любите?

Саша долго молчала, глядя в серые серьезные глаза. Потом опустила голову и глухо ответила:

— Не знаю.

* * *

В порту монорельс делал только одну остановку — у Вольной гавани.

Выйдя из вагона под мелкую серую морось, Андрей сразу предупредил, что идти придется далеко, и уверенно повел Сашу сквозь грузовые терминалы, мимо огромных цилиндров-резервуаров и длинных причалов, у которых размытыми призраками высились громады кораблей.

Саша с бьющимся сердцем вглядывалась в каждое судно.

Шли и правда долго. Сердце устало биться от ожидания, ботинки промокли, ноги замерзли, а сырость, забравшись под одежду, ледяными пальцами водила по спине.

Наконец участковый остановился у очередного причала, ничем не отличающегося от всех тех, мимо которых они уже прошли.

— Кажется, здесь, — сказал он, кивком указывая на корабль. Отстегнул от предплечья мобильный компьютер: — Сейчас уточню.

Саша пристально смотрела на высокий трап и дрожала — от промозглой сырости, от волнения, от нервного напряжения.

Размытая фигура появилась на верхних ступенях и стала торопливо спускаться вниз.

Когда Андрей оторвался от экрана, чтобы сообщить Саше о том, что они на месте, к ним уже подходил человек в черной морской форме.

Саша отчаянно хотела броситься ему навстречу, и удержалась лишь невероятным усилием воли.

Моряк приближался. Саша отметила, что на нее он даже не смотрел.

Грудь болезненно сдавило. А она-то, дура, размечталась!.. Ну что ж, тогда, может, хоть ребенку поможет?

Искоса взглянула на участкового и с удивлением заметила, как побледнел Андрей. Даже не побледнел, а буквально побелел. Не поворачивая головы, спросил:

— Это он — отец вашего ребенка?

— Да, — ответила Саша, и сердце вдруг сжалось от непонятого предчувствия беды. — Ты его знаешь?

— Да, — голос участкового прозвучал сдавленно и глухо. — Это мой старший брат.

* * *

Герман подходил все ближе, и выражение неуверенности на его лице сменялось широкой улыбкой.

— Андрюха! — воскликнул он и обнял участкового. Потом взял его за плечи, отстранился немного и, радостно его разглядывая, продолжил: — Вот это да! Слушай, сто лет тебя не видел и столько же ничего от тебя не слышал! Ты, значит, у нас в соцнадзоре теперь! Саш, вот это повезло так повезло!

Саша нервно всхлипнула.

Герман отпустил Андрея, обнял Сашу за плечи одной рукой, другой провел по мокрым волосам.

На ее глаза навернулись слезы. Боже мой, как же мало, оказывается, надо для счастья! Всего один короткий жест — даже без слов.

— Ну вот и все — считай, проблема решена. Правильно, Андрей?

Участковый, все такой же бледный, спрятал дрожащие руки за спину и молча переводил взгляд с Саши на брата.

— Ты ведь сможешь решить нашу проблему? — спросил Герман. Радостная интонация в его голосе сменилась беспокойством. Он пристально смотрел на Андрея — тот отвел глаза. Перевел взгляд на Сашу — та опустила голову.

— Та-ак, — протянул Герман и отпустил Сашины плечи. Отступил на шаг.

— Я, — начал было Андрей, но слова застряли в горле. Натужно кашлянул и, не поднимая глаз на брата, ответил: — В этой ситуации я ничем не могу помочь.

Герман заметил, как глянула на него Саша, как шевельнулись ее губы. Слов, правда, не разобрал.

— Саша? — обратился он к ней, не сводя взгляда с брата.

— Герман, я...

Слова не шли. Так уже было.

Герман помнил. Кивнул.

— Андрей?

Участковый тяжело сглотнул. Он по-прежнему не смотрел брату в глаза — не мог выдержать его взгляда.

— Герман, в инструкции все прописано предельно четко, и я не могу выходить за ее рамки. Я не имею права одобрить Сашины документы на въезд в Россию, пока не разрешится проблема с ней и с ее... с вашим ребенком.

— С моей зарплатой я накоплю на одну генетическую коррекцию в лучшем случае за два года. Значит, пусть мой ребенок живет в буферной зоне? Так?

— Герман, я не имею права, — тихо, но твердо ответил Андрей.

— Хорошо же в ВУЗтах над вами поработали, — поморщился моряк.

Андрей отчетливо услышал иронию в его голосе, но не понял причины.

Герман повернулся к Саше. Взял за подбородок, приподнял голову. Долго глядялся в глаза. Словно что-то искал.

Нашел. Взял за руку — и в тот же миг Саша поняла, что больше не падает, и что мир вокруг нее наконец-то прекратил свою безумную качку.

— Пойдем, — сказал моряк и развернулся к трапу.

— Герман, она должна вернуться на участок!

Герман не оборачивался.

— Ты слышал меня? Герман? Она должна вернуться в буферную зону. Ты не можешь ее так просто взять и забрать. К тому же, нельзя приводить гражданских лиц на военный крейсер. Герман? Герман, ты слышишь меня?

Герман продолжал идти, крепко держа Сашу за руку.

— Герман, я буду вынужден поставить в известность командира корабля!

— Не трудитесь, молодой человек, я уже в курсе, — раздался голос откуда-то сверху.

Герман вытянулся и отдал честь. Андрей поднял голову и увидел, что на причал спускается подтянутый темноволосый мужчина с седыми висками и удивительно ясными глазами.

— Можете не беспокоиться — ситуация под контролем, — сказал он, встав напротив участкового.

Андрей быстро глянул на две звезды на погонах.

— Но ведь и вы не имеете права санкционировать нахождение гражданских лиц на вашем крейсере. Я... — он запнулся, потом продолжил: — Я вынужден буду доложить об этом инциденте в соцнадзор, а те доведут это до сведения генштаба ВМФ.

— Сколько вам лет? — спокойно спросил командир, не обратив внимания на его речь.

— Двадцать один... А что?

— Ничего, — вздохнул Устинов. — Первый выпуск ВУЗТов, да?

Покачал головой.

— Что ж, теперь я знаю, что сделают из моего младшего сына...

Отвернулся.

— Герман, можешь идти. Мы на стоянке еще две недели. Думаю, я успею оформить тебе кредит. Если понадобится, то выделю тебе внеочередной отпуск.

— Спасибо, товарищ командир, — отсалютовал Герман и быстро направился к трапу, по-прежнему крепко держа Сашу за руку. Она вцепилась в жесткий рукав его кителя второй рукой и не отставала от него ни на шаг.

— Это же прямое нарушение, — начал было Андрей, но смешался под взглядом командира. Тот молча смотрел на участкового — как показалось Андрею, смотрел недоуменно и разочарованно.

— Я вынужден буду доложить... — попытался продолжить он, но командир опять перебил его.

— Так вот оно какое — наше новое поколение, — обратился он непонятно к кому, потом развернулся и не спеша направился к кораблю.

...А с сырого причала серьезными серыми глазами участкового Андрея Степанова вслед кавторангу Устинову еще долго смотрело будущее.

Секреты политической тюрьмы

Верхнеуральская тюрьма — одна из самых известных российских политических тюрем. За стенами ее казематов содержались многие известные личности или их родственники. Были даже родственники Адольфа Гитлера. Отсиживали срок бывшие герои Гражданской войны, например, организатор Красной конницы на Южном фронте Познанский (он был и секретарем Троцкого), секретарь Георгия Плеханова Дневницкий, наркомзем Крымской республики Сурнов и Тимофей Сапронов, бывший при Ленине секретарем ЦИК... А начиналось так.

Верхнеяицкая крепость была основана в 1734 году на реке Яик. После Крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачева река была переименована в Урал, и крепость стали называть Верхнеуральской. С 1781 года Верхнеуральск — уездный город Оренбургской губернии. Сейчас — районный центр Челябинской области.

Первая гауптвахта в Верхнеяицкой казачьей станице открылась еще в XVIII веке. В XIX-м понадобилось более крупное и надежное строение. Тогда на берегу Урала были построены бараки для пересыльной тюрьмы, через которые ежегодно проходили тысячи и тысячи каторжан.

С историей Верхнеуральска связаны имена многих известных в России людей: декабристы П. Бестужев, А. Веденяпин, И. Черноголазов отбывали здесь ссылку; посещали город императоры Александр II и Николай II, поэт В. А. Жуковский.

Со временем понадобилась и тюрьма. Любопытно, что получивший подряд на ее строительство в 1902 году меценат и купец П. Сафронов сам при советской власти

оказался за решеткой — за контрреволюционную агитацию.

Первый камень в фундамент будущей тюрьмы был заложен в 1905 году, в двух верстах от города, на месте слияния рек Урляндки и Сухой. За три года до открытия челябинской. Новая тюрьма была просторная, капитальная и очень надежная. Введена в строй 27 августа 1914 года. Но шла Первая

мировая война, и практически всех осужденных отправляли на фронт. Около трех лет в тюремном здании было мало обитателей. После революции жизнь тюрьмы оживилась: сюда потекли потоки арестантов. Но к началу нэпа вновь схлынули. Однако пустовала тюрьма недолго, превратившись в годы репрессий в политизолятор ГУГБ НКВД.

Верхнеуральская тюрьма

Верхнеуральская тюрьма

1925-й стал годом расцвета политических изоляторов в системе ОГПУ. В них направлялись политические противники режима, в основном это были активные деятели различных партий. Политизоляторы числились по штату Центрального аппарата ОГПУ.

Приказом ОГПУ № 125/60 от 14 мая Особый лагерь при тюремном отделе был переименован в Суздальский политизолятор ОГПУ. Этим же приказом все политизоляторы: Суздальский, Ярославский, Верхнеуральский, Челябинский и Тобольский, — были переведены под единое руководство и подчинены тюремному отделу. Тогда же коменданты всех этих политизоляторов стали именоваться их начальниками.

Приказом АОУ (административно-организационное управление) № 131 от 12 июня 1925 года были объявлены вводимые в действие с 5 июня штаты Тобольского и Верхнеуральского политизоляторов ОГПУ (сами политизоляторы начали создаваться с 1923 года). Их начальниками были соответственно Т.У. Грачев и Ж.Г. Дуппор.

Это особая страница в биографии легендарной тюрьмы. Создателем первого на территории Челябинской области политизолятора в 1920-е годы стал латышский стре-

лок Жан Иван Георгиевич Дуппор. В дальнейшем он возглавлял политизолятор в Суздале; в 1937 году стал начальником Владимирской тюрьмы, а через год — её узником. Обвинялся по статье 58 — за «преступления по должности». Приговорен к 3 годам тюремного заключения. Реабилитирован в октябре 1959 года Военным трибуналом Московского военного округа. «Я был арестован, избивался в бериевских кабинетах, но еще хуже для меня было, что оказался в камере с теми сионистами и эсерами, ко-

торые раньше сидели у меня в Челябинске», — писал он в 1960-е годы председателю КГБ СССР А.Н. Шелепину.

Развитию Верхнеуральского политотдела послужил массовый расстрел на Соловках (в Савватееве) 19 декабря 1923 года. Этот расстрел получил широкую огласку даже в СССР. Известие об этом событии всколыхнуло весь мир, и совдепия начала прятать политических подальше — вглубь страны. Было создано пять политизоляторов — в Суздале, Ярославле, Челябинске, Тобольске (только для мужчин) и Верхнеуральске (Тюрьма министерства государственной безопасности N 4). То есть только в Челябинской области было организовано два политизолятора.

Вывозка политзаключенных на материк началась в конце июня 1925 года. Среди эсеров Савватеевского скита был Юрий Подбельский (родной брат советского наркома почт и телеграфа Вадима Подбельского). Он собрал медицинские документы о соловецком расстреле — для опубликования. Но через год при обыске на Свердловской пересылке у него обнаружили в чемодане двойное дно и выгребли тайник. Этапы в Верхнеуральск формировались в Троицкой (г. Троицк Челябинской области) этапной тюрьме. Известно, что

Подземелья Верхнеуральской тюрьмы

1-й командир ОМСДОНа П.Г. Кобелев

она существовала ещё в 1867 году. Также известно, что во время Гражданской войны на Дальний Восток были временно переведены тюрьмы из Тобольска, Омска, Челябинска, Троицка и других городов Урала и Сибири. На начало 1940 года количество заключенных в Челябинской области (границы ее тогда отличались от сегодняшних) было таково: в Челябинске – 3877, Златоусте – 3199, Магнитогорске – 1331, Кургане – 1429, Троицке – 356, Шадринске – 1000. Всего в 6 тюрьмах области отбывали наказание 11 192 человека.

Первый политический этап в Верхнеуральск прибыл из Соловков в 1925 году. А первые экикоммунисты (большевики) прибыли в ВПИ в 1926 году, это были троцкисты.

Интересно и то особое внимание, которое уделялось охране ВПИ.

Камера Верхнеуральской тюрьмы сегодня

Верхнеуральская тюрьма

Для выполнения специальных и оперативных заданий при президиуме ВЧК в апреле 1922 года организуется отряд особого назначения (ОСНАЗ). В конце октября в его состав вливается автобронедивизион имени Свердлова, а в декабре 1923 года – и Первый отдельный полк ОГПУ, который вырос из отрядов «самокатчиков», созданных в Петрограде еще в 1917 году. Большое внимание развитию дивизии уделяли и руководители Красной Армии М.В. Фрунзе, К.Е. Ворошилов и С.М. Буденный. Семен Михайлович Буденный с 1922 года – почетный красноармеец одного из полков соединения.

В этот период воины соединения охраняли особо важные государственные объекты и учреждения, вели борьбу с бандитизмом в различных районах страны, обеспечивали общественный порядок в столице при проведении

массово-политических мероприятий – во время работы съездов партии и Советов, конгрессов Коминтерна...

В июне 1925 года в дивизию был включен дивизион, сформированный для охраны Верхнеуральского политизолятора. Надо отметить, что почти до наших дней в охрану не принимали местное население.

В 1926 году дивизию переформировали, в ее состав вливается особый соловецкий полк ОГПУ Ленинградского округа с переименованием его в 4-й полк дивизии, 1-й тульский, 4-й воронежский, 5-й нижегородский, 8-й ярославский и 15-й вятский дивизионы войск ОГПУ. Численность соединения достигла 4436 человек. Оно получило наименование «Отдельная дивизия особого назначения (ОДОН) имени Ф.Э. Дзержинского». Кавалерийский эскадрон использовался на чекистско-оперативной работе по заданию комиссии ГПУ. Кавалеристы полка несли службу, в том числе и в районах коллективизации – в Челябинске и Элисте, Саратове и Центрально-Черноземной области.

14 мая 1925 г. «в целях проведения объединения всех политизоляторов под единым руководством ОГПУ» Верхнеуральский, Суздальский, Тобольский, Челябинский и Ярославский политизоляторы были подчинены Тюремному отделу ОГПУ. При этом начальник Тюремного отдела, оставаясь в общем подчинении Административного отдела, «в части секретно-оперативной» был подчинен Секретному отделу ОГПУ.

Памяти Набокова

Нам жить не стыдно и не больно,
Нам время —
не остановить,
Пока горит
закат свекольный,
Мгновенья
учишься ценить.
Улыбок медленные рыбки
Плывут и светятся,
когда
От лепета и взгляда зыбко
Восходит
крупная звезда.
И темноту заговорив, мы
О жизни судим с выси лет
Со слов,
слетающих на рифмы,
Как будто
бабочки на свет.
И нам не стыдно и
не больно
На миг менять привычку жить,
И слова одного
довольно,
Чтоб все
земное объяснить...

* * *

Только неба пустая холстина
да полей холостые холсты,
только ниткой суровой и длинной —
горизонта заштопанный стык.

Ни единой подробности важной,
ни на чем не задержится взгляд,
лишь грунтует подробно пейзажи,
как заправский маляр, снегопад.

Словно бешеный стих Пастернака,
задыхаясь, бормочет зима,
по дымам — восклицательным знакам —
вдалеке различая дома.

* * *

Венедикту Ерофееву

Едва переставляя ноги,
На каждой словно целый пуд,
По лужам пьяницы, как боги,
Как будто посуху идут.

Вон тот — с опущенным затылком,
Вминая в лужи облака,
Свой крест — початую бутылку —
Несет в кармане пиджака.

И мимоходом скажет некто,
Усмешкой чуть сломав уста,
На галилейском диалекте:
«Гляди — явление Христа!»

Осень в Крыму

На ладан дышит листопад,
увы, на ладан,
И запустением мой сад —
почти Эллада.
В тунике листьев лес стоит
и ждет пощады,
Но ветер не простит, он мстит,
да и не надо.
Листву осеннего литья,
о, нет, загара,
В охапки собираю я
почти задаром.
А кто-то все же никнет ниц...
Нет, не весталки,
То птицы, оперенье птиц,
их перепалки.
А в небе, молний скаля зев,
пируют боги,
Спустился громовежнец Зевс
в тяжелой тоге.
Как дирижер, читал с листа
раскатов фуги
И листья бешено хлестал
дождем упругим.
Опять сорвал проклятий ком
с небес скалистых,
И ночь слизала языком
и птиц, и листья.

Сергей Симонов — известный поэт и бард. Руководитель и автор песен ансамбля «Синтаксис», лауреата многих и многих фестивалей авторской песни. Лауреат Рождественского поэтического конкурса.

Живет в селе Новоисетское Каменского района.

Стихи публиковались в коллективных сборниках, в журналах «Урал», «Каменский завод».

Белый раджа Саравака

(Рассказы филателиста)

Маленькое большое окно в мир

В этот вечер Олег Павлович решил привести в порядок часть своей коллекции марок. Глядя со стороны, можно было подумать, что он раскладывает своеобразный марочный пасьянс. Одинаковые на первый взгляд марки он сначала аккуратно раскладывал ровными рядами на листе чистой белой бумаги. Затем начинал переключать их с места на место, часто при этом перевертывая рисунком вниз, отдельные экземпляры внимательно просматривал на свет, измерял зубцовку... Наконец, отбирал одну марку, помещал ее в классер, а остальные ссыпал в конверт и откладывал в сторону.

— Между прочим, вот с этой самой марки и началась моя коллекция.

Я ожидал увидеть нечто необычайное, но меня ждало разочарование. Олег Павлович показал пинцетом на зеленый знак почтовой оплаты с портретом какого-то седовласого благообразного старца в военном мундире. Его украшали ухоженные бакенбарды и пышные усы старого вояки. Надпись, окружающую портрет, я перевел без труда: «Императорская и королевская австрийская почта». Ниже был указан номинал — 5 геллеров. Другая надпись сообщала: «1908 Францискус Иосифиус 1». Что-то в этом имени показалось мне знакомым. Уж не Франц ли это Иосиф 1, предпоследний император Австро-Венгрии?

— Он самый, — подтвердил мою догадку Олег Павлович. — А на марке приведена официальная, латинизированная форма его имени. При чем здесь латынь? Да при том, что более тысячи лет почти во всех западноевропейских странах именно латынь была языком официального делопроизводства. И даже после того, как на смену латыни постепенно приходили национальные языки, имена и титулы монархов вплоть до XX столетия писались чаще всего на латинском языке. В некоторых странах эта традиция сохранилась и до сего дня.

А марка попала ко мне почти случайно. Мне было одиннадцать лет, когда я увидел ее на прилавке книжного магазина. Большим спросом в тяжелые послевоенные годы филателистическая продукция не пользо-

валась и никаких специальных магазинов или хотя бы отделов еще не было. Марки можно было в те годы купить только в центральном книжном магазине, да и то не всегда.

Конечно, и до этого случая мне не раз доводилось видеть марки. В основном — малоприметные, стандартные знаки почтовой оплаты СССР. Я даже не подозревал, что могут быть и другие. Портрет Франца Иосифа узнал сразу — он был мне знаком по иллюстрациям к произведениям Ярослава Гашека. Этот писатель пользовался огромным успехом у ребят моего поколения. Так что марку с портретом престарелого монарха я приобрел немедленно. Кстати, выпущена она была в честь шестидесятилетия пребывания Франца Иосифа на престоле Австро-Венгрии. Но об этом я узнал гораздо позже.

За первой маркой последовала вторая, третья... десятая...

На первых порах вся моя коллекция свободно размещалась в обычной школьной тетради, на смену которой вскоре пришел небольшой альбом для рисования — специальных альбомов мы тогда просто не

знали. Добавляя к коллекции новую марку, мы чувствовали себя колумбами и магелланами, открывающими новые страны. Случалось, на одной странице перемешивались разные материки и острова, республики и империи, туманные краски далекого севера и яркие, жгучие цвета еще более далекого юга. Чарующей музыкой звучали для наших ушей названия заморских стран и колоний: Гватемала, Бахавальпур, Гренада, Ньюфаунленд, Золотой Берег, Мадагаскар, Цейлон, Новый Южный Уэльс, Мальта, Питкэрн... Нас приводили в восторг изображенные на марках географические карты и пейзажи, средневековые каравеллы и современные лайнеры, негры и индейцы, носороги и муравьеды, египетские пирамиды и каменные гиганты острова Пасхи...

Постепенно собирание ярких «картинок» перестало быть для меня и некоторых сверстников самоцелью. Не теряя своей внешней привлекательности, марки все чаще и чаще стали служить для нас источником ценной информации в самых различных областях знаний. Мало-помалу наше увлечение стало делом более серьезным, чем могло показаться вначале.

А знаете ли вы, кто был самым первым филателистом? Нет? Я тоже не знаю. Хотя английские коллекционеры вполне определенно заявляют — первым собирать почтовые марки начал сотрудник Британского музея Джон Эдуард Грей. Доктор Грей, будучи ученым-натуралистом, более прославился как филателист. Знаменит он тем, что в 1862 году издал самый удачный, пожалуй, каталог почтовых марок, выпущенных к тому времени.

Французские филателисты убеждены — первым был житель города Лилля Виктор Бетцель. Их бельгийские коллеги готовы доказывать приоритет некоего Ж. Моэнса.

Но как бы там ни было, коллекционирование марок ведет свое начало с 40-х годов позапрошлого столетия. С тех пор и до наших дней филателия из прихоти отдельных чудаков превратилась в увлечение миллионов.

Считается, что само слово «филателия» ввел в обиход в 1864 году Жорж Эрпин — один из первых французских филателистов. Однако и в самой Франции, и в некоторых других франкоязычных странах до сих пор не вышли из обращения более ранние термины — «тембрология» и «тембромания». «Тембро» по-французски — почтовая марка, ну а что значит слово «мания» объяснять, надеюсь, не стоит.

Иногда собирание знаков почтовой оплаты принимает весьма своеобразные формы. Так, например, в начале XX века было модным составлять из марок самые разнообразные картины: пейзажи, натюрморты, портреты, жанровые сценки... Такие картины имелись в коллекции «всероссийского старосты» М.И. Калинина. Известны случаи, когда некоторые чудаки клеивали марками одежду, жилища, автомобили...

Как-то в печати промелькнуло сообщение, что на карнавале 1978 года, в котором участвовала молодежь стран Карибского бассейна, была избрана

«Мисс Филателия-78». Сообщалось даже имя избранницы – ею стала Марлен Гонсалвес, учительница с острова Ямайки, двадцати лет от роду. Судя по напечатанному там же портрету «Мисс Филателии», звание это ей присудили, скорее всего, не столько за успехи в области собирания марок, сколько за очаровательную внешность. Впрочем, последние примеры относятся скорее к области курьезов, чем к подлинному коллекционированию.

А вот пример другого рода, достаточно красноречиво свидетельствующий о популярности филателии. 1 октября 1972 года и 26 мая 1973 года в Австрии специальными гашениями отмечен выход в свет нового музыкального произведения под названием «Филателистический вальс». Его автор – знаменитый австрийский композитор Роберт Штольц, один из последних «королей вальса», тоже был филателистом. Несколько ранее, в 1970 году, австрийское почтовое ведомство

выпустило марку, посвященную самому Р. Штольцу. Вот она. Как видите, здесь изображена пара в вечерних туалетах, танцующая вальс. Может быть, даже тот самый, «Филателистический»...

Филателии уделяли внимание в своем творчестве не только композиторы. В 1968 году на Кубе в честь Дня почтовой марки вышли два знака почтовой оплаты с репродукциями картин известных мастеров живописи. Одна из них принадлежит кисти Григория Шелтьяна и называется «Филателист». Можете взглянуть на нее. Художник нарисовал немолодого, несколько неряшливого, уставшего от жизни человека, у которого осталась только одна привязанность, одна страсть, которой он отдался без остатка – марки. Что ж, встречаются среди нашего брата и такие...

Считаю излишним добавить, что автор картины, армянин по национальности, родился, вырос и начал рисовать в России, в Ростове-на-Дону. Родину Шелтьян покинул во время Гражданской войны, о чем не переставал сожалеть до конца дней своих.

В 20-х годах филателия начала пользоваться таким успехом, что ее стали пропагандировать по радио. В Германии, Австрии и Швейцарии филателисты, и не только филателисты, могли регулярно слушать передачу «Час коллекционера марок». Уже в то время филателию по праву считали проводником в массы населения географических, исторических, экономических и естественнонаучных знаний. Сегодня в некоторых странах передачи для коллекционеров транслируются по телевидению. А с конца XIX века скромной почтовой марке все чаще стали доверять роль политического агитатора. И с этой ролью знаки почтовой оплаты справлялись и справляются совсем неплохо.

Между прочим, Ватикан вполне официально утвердил для филателистов святым покровителем архангела Гавриила. Не удивляйтесь такому решению. Католическая церковь с давних пор старается идти в ногу со временем и широко использует выпуск марок для пропаганды «истинной веры», каковой, разумеется, в Ватикане считают только католическую.

Кстати, упомянув архангела Гавриила, я вспомнил довольно любопытную историю, которая произошла в 1965 году в США. История эта связана с выпуском в обращение традиционной рождественской марки с изображением упомянутого ангела. А вот и сама марка.

Я взглянул на небольшой кусочек бумаги с ярким рисунком летящего ангела. Ого! Сразу бросилось в глаза, что формы тела у Гавриила явно женские.

– Изображение это привело в недоумение не только вас, но и многих американцев, в том числе и весьма далеких от филателии. Почтовое ведомство засыпало письмами с однообразными вопросами: «На кого все-таки должен быть похож ангел?» Многие были уверены, что на свет появилась очередная марка с ошибкой в рисунке.

Однако отвечавшие за выпуск марки почтовые служащие оказались не льком шиты и сумели успешно опровергнуть обвинения в некомпетентнос-

ти. Официальный ответ почтового ведомства гласил: «Поскольку ангелы, как то следует из Библии, есть существа бесполое, то гравировавший марку художник никакой ошибки не совершил».

Безусловно, в наши дни собирание почтовых марок — самый популярный вид коллекционирования. Филателия не только обогащает наши сведения об окружающем мире, но и вполне реально содействует укреплению дружеских связей между гражданами различных стран. Даже ООН и ЮНЕСКО широко используют филателию в качестве средства пропаганды. И эта пропаганда часто достигает своих целей, так как коллекционирование знаков почтовой оплаты увлекает и объединяет многих людей, несмотря на их различия по полу и возрасту, по социальному положению, по политическим и религиозным убеждениям. Разумное коллекционирование не только заметно расширяет круг знаний, но также приучает к порядку и даже может привить некоторые навыки научно-исследовательской работы. Еще великий Гете называл

коллекционеров счастливыми людьми — ему можно верить, так как и сам он был коллекционером. Конечно, Гете имел в виду коллекционеров вообще — ведь почтовых марок в его время не существовало.

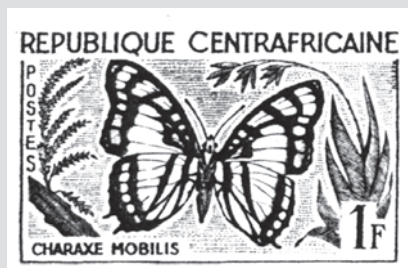
Мне доводилось встречать филателистов, которые в ответ на вопрос: «Почему они собирают марки?» — начинают приводить разного рода оправдания. Они изо всех сил стараются доказать, что, дескать, в их увлечении нет ничего предосудительного. Таких я не понимаю. Герой Советского Союза, известный полярник, первый председатель правления ВОФ Э.Т. Кренкель утверждал, что хорошая коллекция марок, по существу, является своеобразной энциклопедией. И был, безусловно, прав!

Например, для тех же самых школьников собирание марок может стать незаменимым подспорьем по изучению многих разделов учебной программы: географии, истории, биологии, астрономии...

— А каким образом в книжных магазинах в начале 50-х оказались марки Австро-Венгрии, Литвы, Польши, Италии, Эстонии, Бельгии?.. Ведь многие из этих стран к тому времени давно исчезли с карты мира, а с другими, благодаря «железному занавесу», официального филателистического обмена не было и быть не могло?

Олег Павлович слегка улыбнулся.

— Хороший вопрос! Но для мальчишек моего поколения такого вопроса просто-напросто не существовало. На улицах советских городов в те годы можно было встретить трофейные немецкие автомобили, мотоциклы, даже велосипеды. На заводах устанавливалось трофейное немецкое оборудование. В кинотеатрах демонстрировались трофейные, захваченные, впрочем, не только в Германии, но и в Польше, и в Прибалтике кинофильмы — в их числе и один из самых любимых мультфильмов ребят того времени — «Белоснежка и семь гномов». И зарубежные марки попали в нашу страну точно так же — в виде трофеев.

Сима-Серафима

Девочка была голенастая, нескладная, длинноносая. Её за это не очень-то любили — даже мама редко когда погладит. А девочка любила всех: ромашки и одуванчики, ворюгу-кота Ваську, жеребёнка Козлика, резных петухов на крыше, которых ещё дедушка Степан изладил, особенно левого, который весело подмигивал ей ярким лазоревым глазом, и даже соседского поросёнка Кузьку, вечно хрюкающего и грязного.

Имя Серафима, которое придумал для неё поп Никифор из соседней деревни, совсем не шло девочке. В нём были муть и страдание, совсем чуждые этой девочке.

Иногда кто-нибудь взглядывал на девочку повнимательнее — и тогда он видел, что в глазах у девочки течёт чистый синий ручеёк, такой чистый, что в нём отражалась Девочкина душа — бесхитростная и любящая.

Ещё девочка любила проходящие поезда — как свистел цветной и блестящий электровоз, как мерно постукивали вагоны, как поезд уносился в неизвестную даль. И люди, которых она иногда успевала разглядеть в тамбуре, казались ей странными и далёкими, почти как марсиане, о которых она читала в журнале «Наука и жизнь». Она и сама не знала, хотелось ли ей туда, куда уносились эти люди, или ей лучше оставаться здесь, у зарослей иван-чая, переходящих в поля ромашки и клевера.

— Эй ты, Сима-мимо, — дразнили её мальчишки. — Чё смотришь? Беги корову доить!

И Сима бежала. И ласково сжимала Зорькины соски, и, подоив, целовала корову в мокрые солончатые губы. Зорька пуще всех отзывалась на ласку. Другие старались отпрянуть. Почему им Симины нежности совсем не были нужны — Сима не понимала. Мальчишки со страстью гоняли мячик, девочки помогали матерям в их женских заботах, или прихорашивались совсем по-женски, или куда-то уединялись по двое и там о чём-то своём разговаривали. Сима никуда не попадала — даже самые маленькие, ещё сопливые, Катька с Манькой с деловитым видом исчезали за сарайкой.

Ещё когда вовсе девчонкой была, вечно её галить заставляли. И считалка почему-то вечно на ней закан-

чивалась. И стукнуть ладошкой по скамейке ей удалось последней, а даже когда и не последней, у всякого, кто позднее неё прибежал, своя отговорка — то нога не так подвернулась, то камешек острый между пальцев попал. А Симка и верит, а Симке и жалко.

Иногда Сима чувствовала маленький укол в сердце, но он скоро проходил, потому что Симины любовности не проходила — она грела её, как грелка, которую мать иногда подсовывала под неё, когда у неё ныла спина. — Тяжело тебе будет жить, Симка, — иногда вздыхала мать. — Им всё одно не угодишь. А ты вон какая — гордости в тебе никакой. Как замуж-то выходишь будешь! Ох, горюшко ты моё!

Сима о замуже не думала, хоть ей уж шестнадцать только что стукнуло. Да и ребята на неё не глядели ни почём. Один только раз мальчик Гоша с центральной улицы Ленина, глянув вниз, вдруг сказал: — Слышь, Симк, какие у тебя ноги-то длинные, как у девчонок в телевизоре. Сима смутилась совсем и ничего не сказала.

Гоша был красивый и умный. У него своя библиотека была — 155 книг. Он в город собирался — в институт учиться. Сима и дотронуться бы до него не на смелилась бы.

А тут, как назло, весной в село вернулся Григорий — взрослый, считай, парень, годов двадцать ему. Сидел он где-то в Пермской области, лес там рубил с такими же героями. А тут вышла ему амнистия какая-то — освободился он и назад к себе в село. На девок глядит — соскучился же! Ну и на Симку случайно посмотрел, в глаза ей заглянул. Что он там увидел — может, и правда, душу. И стал он с ней заигрывать, с Симкой-то. То к заборке прижмёт, то ласточкой назовёт. А у той сердце заходится. Один раз так сильно зажал — и давай её тычком — чем-то острым и сильным. Симка еле вернулась — и к себе побежала, сначала к Зорьке — ей на морду всю боль выплакала.

А Григорий в город её зовёт: « Давай, съездим, — говорит, — город большой, посмотрим. Может, я работу какую найду. Потом повенчаемся, жить вместе будем». Симке и охота с ним вдвоём быть — и страшно. Вспомнила Симка про поезд, про блестящий электровоз, про вишнёвые вагончики, про странных

Слава Мееровна Рабинович закончила институт иностранных языков. Много лет работала переводчицей с нескольких европейских языков патентов и технических статей. Работая на заводе, начала делать художественные поэтические переводы и писать стихи. За 15 последних лет издала 13 книг поэзии, прозы и переводов. Лауреат премии «Менора», имеет грамоту Министерства культуры Свердловской области к 70-летию Союза писателей. Член Союза российских писателей.

людей, иногда появлявшихся в тамбуре, — и решила — поеду!

Вагон внутри оказался не такой дивный, как снаружи, там было тесно — и пахло чем-то неприятным. Григорий пошептался о чем-то с явно что городским парнем, и, когда поезд отъехал километров на десять — не более, парень тот вышел, а Григорий навалился на неё так сильно, так страшно, что Сима стала отталкивать его изо всей силы, а потом закричала. Прибежала проводница — стала стыдить обоих. И Симку наругала, будто девку нечестную, так что Симка со стыда вся потом облилась. А Григорию хоть бы что,

дальше уговаривает — это, мол, я тебя проверял, какая ты есть. Теперь вижу — ты честная! Тут как раз станция. Поезд постоял минуту, паровоз свистнул — и поезд поехал дальше.

Симка выбежала из купе, вот и тамбур, под тамбуром проплывают поля иван-чая. Симка, не думая, туда и прыгнула, ногу подвернула на лодыжке, больно было, но запах родной всё равно ворвался в неё, обдул её всю с ног до головы. После иван-чая начиналась ромашка с клевером. И она шла, ковыляя, до родного дома, чтобы больше никогда оттуда не уезжать. А жить ей предстояло до девяноста годов.

Ноктюрн Шопена

В конце раннезастойного периода в городе С-ке в однокомнатной квартире пятиэтажной хрущёвки на четвертом этаже играла музыка Шопена. В квартире было душновато и кучновато, потому что было начало августа, и потому что хозяин квартиры — по ордеру Анатолий Галкин, а среди друзей просто Тольчик, — собрал у себя кучу друзей и знакомых. Ребята, все молодые и здоровущие литейщики, как сам хозяин квартиры, сидели на досках, положенных на стулья, и слушали музыку. Вернее сказать, кто слушал, а кто просто делал вид, что слушает, что было заметно по внезапному подергиванию плеч, повороту головы, иногда зевку.

Только один Тольчик, сидевший впереди справа, глядел в спину пианистки не отрываясь, и на его большом простецком лице с курносым носом, в его бледно-голубых, чуть прижмуренных глазах можно было прочесть напряжение, гордость — и боль.

В одном месте раздалась особенно громкие хлопки — пианистка вздрогнула и обернулась.

— Может, хватит, Жанна, а? — тихо проговорил Тольчик. И правда, Жанне явно не хватало воздуха, на лбу у неё выступили частые капельки пота, а на щеках, на шее, в неглубоком вырезе на груди появились тёмные пятна, почти сливавшиеся с платьем вишнёвого цвета, которое хорошо оттеняло её чёрные блестящие волосы, причёсанные под Миррей Матье; большие, тоже чёрные глаза, художавую смуглоту лица, и тонкий с еле видимой горбинкой нос.

— Нет, нет, ещё один, последний ноктюрн, самый любимый! Ладно, Толенька?

Гости растерянно посмотрели на обоих, потом на стены, откуда с разных портретов и художественных фото смотрело то же самое девичье лицо, только чуть круглее, и без этих частых капелек пота на лбу. Потом сдвинули стулья, расставили стол, выпили за здоровье Жанны, за её талант.

Имя Жанна придумал для неё папа-историк в честь любимой французской героини.

— Тебе бы в Московской филармонии играть, а не здесь! Давай лечись, не сачкуй, — говорил Фимка Зал-

манович, главный знаток музыки, окончивший когда-то по воле мамы с папой семь классов музыкальной школы.

Ребята скоро разошлись, немного приподнятые, немного растерянные. А Жанна через день уезжала назад, в крымский санаторий, где она уже третий год почти что безуспешно лечила чахотку (по-нынешнему туберкулёз), где она уже потеряла одно лёгкое, и где ей предстояло жить и жить дальше, может быть, до конца. В этот санаторий Тольчик ездил к Жанне два раза в год, в самое трудное для Жанны время — осенью и весной, располенивая свой отпуск и мучаясь оттого, что не может помочь ей, хоть она говорила, что помощь его бесценна, и что без него её бы давно уже не было на свете. И один раз в году, именно в первых числах августа, и только на одну неделю Жанна приезжала к нему в С-ск, и он осторожно водил её по городу, даже в Оперный театр, где она могла высидеть только одно действие.

— Вы понимаете, молодой человек, какую ответственность вы на себя берёте, — говорила её лечащий врач Ревекка Давыдовна. — Ей же ничего нельзя! Вы меня понимаете? Один половой (она говорила по-повой) акт может укоротить Жанночке жизнь, вы это понимаете?

Толя понимал — но когда его самый близкий друг Серёга однажды спросил: «Слушай, Тольчик, а с этим у вас как, совсем никак что ли?» Тольчик вспыхнул, ударив кулаком о подоконник: «Редко, но ещё как! Она без этого не может, понимаешь! Она так хочет!»

Если Вы хоть на миг подумали, читатель, что Тольчик был что-то вроде святой невинности — ни боже мой. Здоровый такой парень — всё при нём, что положено. У него до Жанны Люська такая была, пухленькая, говорливая. Так он её обжимал по всем углам почём зря и целовал взапас.

Ну, на Жанну-то он сразу запал — как увидел её в трамвае, так и запал. Она тогда покруглее была, красивая, ну и весёлая тогда была — не знала ещё, что у неё лёгкое гниёт. А вдруг возьмет — и запечалится, не-

ясно почему. В такой момент он на неё и запал — божественной она ему показалась, вроде как мадонна, хоть и без младенца.

Посылки ей слал на юг со свитерами, сапожками, шарфами, чулками, рейтузами, деньги слал на мясо, на фрукты. Деньги от себя отрывал — зарплата-то у начинающего инженера-литейщика — не разбежишься.

Но один раз было такое дело — оскоромился Тольчик. На 7-е ноября пригласил он друзей с жёнами да подружками. Ну, они ему тоже подружку привели, красивую такую девчонку Наташку. Как лучше хотели. А они возьми и выйди, выпивши, на балкон, а она возьми и сядь на загородку и притяни его к себе, а в нём всё мужское, накопленное за целые годы, и взыграло. Движение одно сделал неосторожное, мужское — она и слетела с четвёртого этажа в платье в декольте прямо на обледеневшую к ноябрю землю. Правда, кусты там небольшие стояли — тем и спаслась.

Тольчик за ней по балконам с четвёртого этажа на третий, с третьего — на второй, со второго на землю. Скорую сразу же вызвали, друзья-подруги прибежали сверху с одеялами, с бинтами. Два раза всего сходил к Наташке в больницу с передачами, а как узнал у врачей, что встанет она, как была, так и ходить перестал. Нас всё предупреждал: «Главное, чтобы Жанна там не узнала. Для неё это, сами понимаете, что...» А Наташка эта не зря на Тольчкину вечеринку расфуфырилась — она Тольчика, оказывается, давно любила.

Спрашиваем мы Тольчика, те, кто Ремарка прочитал, его «Три товарища»: «Слушай, Тольчик, ты Ремарка читал, ну, этот его роман «Три товарища»? — «Да нет, — говорит, — а кто это такой, Ремарк? Я про такого даже и не слышал!»

Выходит, он сам повторил тот ремарковский сюжет, жизнью своей повторил. Выходит, что жизнь — такая богатая и непредсказуемая штука, что в ней всё, что ни на есть, может повторяться.

Иду как-то раз по улице, по той самой, где Тольчик жил, Тольчик идёт навстречу — меня не замечает, сам белый, в руках письмо. Окликаю, спрашиваю, не случилось ли чего.

— Случилось, — отвечает Тольчик.

— С Жанной? — спрашиваю, а у самой сердце упало, потому что знаю, что может с Жанной случиться.

— Да, с Жанной, — как автомат, отвечает Тольчик.

— Ушла от меня Жанна к другому, Святославом зовут. Процедуры они там вместе принимают, гуляют, помогает он ей очень — одной ей не справиться. В общем, собираются пожениться. Больным это не

воспрещается. «А ты, Толенька, — Тольчик уткнул нос в письмо, — не переживай из-за меня, мы друг другу всё равно не пара, ты вон какой здоровяк — тебе жена нужна, дети, а я — сам знаешь какая... И свитера мне больше не шли, и сапожки, и деньги оставь себе — они тебе не лишние. А меня забудь, не вспоминай никогда. Что было — то сплыло. Жанна».

Я пригласила Тольчика к себе, мы с ним долго пили чай, вспоминали Жанну, будто прощались — и как она играла Шопена, и как нежно здоровалась и прощалась со всеми, легко касаясь ладошкой, и как странно звучали в её устах наши обычные имена, и как она махала из вагона рукой, с трудом высовываясь из вагона навстречу холодящему ветру. Тольчик плакал.

Через пару лет весной я опять увидела Тольчика на улице — уже на другой, потому что получил он на заводе новую двухкомнатную квартиру, и уже не одного — а с женой и с коляской. В коляске лежало существо — маленький слепок Тольчика — голубоглазое и курносое. Под руку его вела самая обыкновенная женщина, назвавшаяся Маргаритой. Тольчик пригласил меня к ним в гости — посмотреть новую квартиру — и я пошла. Я хотела увидеть, как он устроился теперь в этой новой жизни, без Жанны, с этой строгой и непонятной Маргаритой. Дома у Тольчика всё блестело, всё стояло на своих местах — видно, что Маргарита была прекрасная хозяйка. И ребёнок, оказавшийся мальчиком Кириллом шести месяцев от роду, был чистенький и ухоженный.

«В конце концов, может, и повезло теперь Тольчику. Живёт не хуже людей», — думала я, пока Тольчик вёл меня в маленький закуток большой комнаты, так называемый его кабинет, где стоял его кульман, лежали его чертежи, бумаги и где я, вздрогнув, увидела прикреплённую фотографию Жанны, ещё, наверное, здоровой, ещё весёлой, ещё его Жанны.

— Знаешь, она мне до сих пор снится, правда, теперь уже редко. Она обычно улыбается и гладит меня вот здесь, — он показал на живот. — И мне тогда делается хорошо-хорошо. А Маргарита ничего не знает — она думает — это актриса. Да и зачем ей знать?

Ничего не зная Маргарита уже звала нас к чаю.

В конце рассказа я привожу письмо, которое получил Тольчик спустя три месяца после той нашей встречи и которое принёс мне потрясённый. Письмо было от Жаннины подруги Кати. Катя писала:

«Дорогой Толя (извини, что называю тебя не полным именем — мы все тебя так называли). Жанна поручила мне написать тебе это письмо, когда её не станет — и вот я выполняю её просьбу. Жанна умерла на Пасху, 8 апреля, под утро, умирала она нетяжело. Мы все, чахоточные, уходим нетяжело — хоть в этом нам Бог не отказывает.

Жанна просила передать тебе, что никакого Святослава у неё не было никогда, что она его придумала, чтобы тебе легче было расстаться с ней и начать новую жизнь со здоровой женщиной, которая родит тебе детей. Что она любила тебя до последней минуты. И ещё она просила передать, что она была счастливой женщиной, любимой женщиной. Мы все считали её счастливой, потому что нас, чахоточных, не любят. А Жанна просто вытаскала счастливый билет.

PS. Если захотите, напишите, как Вы живёте теперь, особенно про мальчика или девочку, которые у Вас родились.

С приветом от всех Жаннинных подруг из палаты интенсивной терапии Катя».

ВОРОБЬЕВА Ульяна Александровна (— 1944), авт. воспоминаний.

Домработница в семье В. Д. Бонч-Бруевича. «Воспоминания о В. И. Ленине» (1917-1918) — РГБ. ОР. Ф. 369. 379. 23.

ВД. Указ. рук. (указ. имен).

ВОРОНЕЦ Анастасия Иосифовна

Сост. поваренной книги (1912).

Венгеров. Источ.

ВОРОНЕЦ-ПОПОВА Кира Дмитриевна (урожд. Воронец; 1892 —), авт. воспоминаний.

Художник-прикладник. «Билибин, каким я его помню». — В кн. «Иван Яковлевич Билибин». Л., 1970. С. 169-172.

ИДРДВ. Т. 4. Ч. 3. № 6659.

ВОРОНИНА В.

Сотр. «Отеч. зап.» — очерк «Попутчица» (1868. Т. 3. № 6).

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.

ВОРОНИНА Вера Захаровна (псевд. Головина, В. З.), писательница.

Сотр. журн. «Ист. Вестник» (1910); авт. восп. «Мое знакомство с А. Н. Островским». — В кн. «А. Н. Островский в воспоминаниях современников», М., 1966, с. 29-35.

Масанов. ИДРДВ. Т. 3. Ч. 4. № 7474.

ВОРОНКО Анна Феликсовна

О ней большая и интересная статья протоиерея Бориса Старка. См. По страницам синодика \ \ Русский архив У. М., 1994. С. 578-582. О ней упоминал Зильберштейн в своих статьях. Но писала ли она что-нибудь?

ВОРОНKOVA.

(См. Стратилатова Е. Н.) .

ВОРОНОВА Августа (наст. имя и фам. Анна Дмитриевна Ульянова, в замуж. Вернер; 1813 —), прозаик, авт. прозведений для детей.

Лит. работу начала участием в подготовке «Русско-немецкого и немецко-русского карманного словаря» (ч. 1-2, Спб., 1841-43), который издавался ее братом Н. Д. Ульяновым. Критика не жаловала ее первые рассказы и повести «Царское село», «Рассказ о прошлом» и даже самое удачное из ее произв. пов. «Берта Гогенбуш» — психол. точном рассказ о женской судьбе с описанием жизни и быта петербургских нем. семей нач. 40-х годов. Замечена была только первая кн. рассказов В. «Бабушка-рассказчица» (Спб., 1843). Назидательные пов. и рассказы для детей печ. в дет. журналах А. О. Ишимовой. О них отриц. отзывался Н. А. Добролюбов. В состав. также дет. «Русскую азбуку» (1845) и кн. «Первый шаг. Чтение для молодых девиц» (1858).

Русские писатели; Слов. рус. писательниц (Вернер А. Д.) ; Масанов.

ВОРОНОВА Александра Константиновна

(См. Прогульбицкая-Воронова А. К.)

ВОРОНОВА Е. А., авт. рассказов и биогр. очерков.

Сотр. «Народ. Образование» (1898). Авт. кн. : «Школа в Алуште. Из воспоминаний учительницы». Спб., 1897; «К тихой пристани. Сб. пов., размышлений и биогр. очерков». В 3-х ч. Изд. 2-е, доп. и илл. Спб., 1906; «Люди-братья. Очерки и рассказ. из жизни заключенных в тюрьмах» Пг., 1915. Изд. 3-е.

Венгеров, Источ.

ВОРОНОВА Евгения Николаевна (урожд. Веревкина; 1858 — 1913),

Жена редактора-издателя журн. «Русская старина» П. Н. Воронова. Письма Воронова к В. за весь период их совместной жизни — в ЦГВИА. В Росс. арх. напечатано письмо В. к Е. М. Семевской (вып. 5. С. 316-319).

Росс. арх. 5.

ВОРОНОВА Елена, писательница 1850-1870-х гг.

Венгеров, Источ.

(Продолжение на стр. 75)

Раскуиха

Деревенька эта недалеко от Екатеринбурга и уж совсем близко от города Полевского. Чудная деревня. Окружение ее — райское. Расположена она на крутой излучине реки Чусовой. Имя носит от протекающей речушки Раскуишки. Очень быстрой, чистой, холодной и прозрачной, как мытое зеркало. А вода — нектар, пьешь — не напьешься.

Стоит деревня на взгорке, как на сцене, видеть ее можно только с одной стороны, с другой — нетронутая тайга. Ягод и грибов — множина!

Зверье так прямо по деревне шатается. Белки этой, как воробьев, без всякого зазрения по крышам шастают. Лоси по утрам выходят из сосняка к самым огородам и стоят, смотрят на дымы, раздувая ноздри. Волки бывает, на рассвете прогуливаются по деревне; идет такой гривастый, сильный, с независимым видом по середине улицы. Собаки жмутся в подворотнях, и лай прекращается на время, пока лесной разбойник не исчезнет.

О зайцах и говорить нечего. У самой деревни и по деревне шмыгают, как пули. Словом, рай земной — не деревня.

В давние времена, говорят, сюда заходили китайцы и арабы с восточных стран.

Вогулы были здесь как дома. Охотились на белку, куницу и других обладателей ценного меха. Поставят шалаш на берегу в распадке речки Ключевой, набьют торбы шкурками и подадутся восвояси, оставят только черное кострище да залысины от шалаша. Пурга задует, занесет снегом — и след простыл.

Наступали смутные времена. Появлялись тут люди суровые, молчаливые, это двуперстники, что, не желая признавать новой веры, подавались в глухие места, в таежные дебри. Но и они долго не задерживались: побудут и исчезнут, видать, в более житные места.

Гуляет тут ветер, шумит вековая тайга, завывают волки в лунной ночи, шатаются медведи, не залегшие на зиму в берлогу, нарушая таежную тишь. Шумит тайга, несет свои воды Чусовая, идут годы, и новые люди тут появляются. Ставят балаганы, роют землянки, бьют зверя, птицу и живут по законам тайги. Не ведает тайга, что где-то за горами бушуют страсти, рвутся царские оковы, и бегут сюда люди от смертной кары и кандальной работы. Так вот возникла в этих таежных дебрях деревня, названная Раскуихой, вероятно, за то, что приходили сюда в кандалах, а тут их умельцы-кузнецы расковывали. Строили землянки, халупы, обживались, вращали и жили охотой, рыбной ловлей, некоторые и золотишко пробовали мыть. Чусовая издревле считалась золотоносной.

Опять проходили годы, сменились цари и правители, появлялись здесь новые люди: лохматые,

сильные, молчаливые, угрюмые, а километрах в трех, за горой Кроновой, громыхали телеги, храпели лошади под тяжелой кладью. Везли они топяи, болотами и урманамы руду на Исетский куд с Полевой, Красной Горки и Зюзелки. Надрывно кричали пропитыми голосами возчики, проклиная лес, дорогу, лошадей, руду и хозяина.

Вот наступила на Раскуиху настороженная предгрозовая тишина. А гроза прошумела немая, жестокая и кровавая, и слухи сюда катились вместе с проходившей тучей. Появлялись люди лютозлые, увечные, а то и совсем недвижные, растекались по таежным дебрям, таились по урманам и в сограх, а звались эти люди «пугачами».

После, как улеглось, люди приободрились, начали строить избы, землянки, всевозможные жилища. За горой Конторской пролегал волок в трех-четыре километрах, где протекает речка Раскуишка, рубился большой дом и кузня. Тут стали останавливаться на передышку обозы с рудой, и стучал день и ночь молот, шумел горн, ржали кони, слышались терпкие мужские ругательства, кипела бойкая жизнь. Всех коней, что останавливались, перековывали и ехали дальше. Может быть, и это

В. Дьячков. Гора Крон. Деревня Раскуиха. 1959 г.

послужило основанием для названия деревни Раскуиха. Дорога нелегкая, и кони за долгий путь сбивали копыта, а тут их подковывали. Древние старики помнят, что станок тут стоял и что журавль колодезный был, огромные кучи навоза. Теперь, правда, там нет никаких признаков.

Когда я туда попал, видел сараи с соломой от развалившихся снопов. Стоял со своим велосипедом на куче зернового крошева и остатков соломы. Сараи, видать, были давно рублены: столбы в два охвата смолевые, суковатые и гладкие-гладкие. Это говорит о древности. Стоял под этой крышей, что надежно укрывала меня от дождя, сильного и шумного. Под этот шум дождя и прошла передо мной вся история деревни Раскуихи.

Дождь кончился. Я взял велосипед и пошел по слабо накатанной дороге. Поднявшись на гору, любовался сказочным видом на Чусовую и деревню. А со стороны реки бежала девушка. Подняв-

шись на гору, остановилась, оглянулась на деревню, посмотрела на меня и сказала:

– Это деревня Раскуиха – самая красивая.

Такой Раскуиха и живет в моей памяти. И та девочка по имени

Аля. Она вошла в мою жизнь как день, залитый дождем сияющего солнца после серой ночи. Это все осталось со мной, как сон, как утренний туман. Жизнь моя пошла по новому руслу, на что требуется другой рассказ.

В. Дьячков. У старого моста. Деревня Раскуиха. 1956 г.

Сеть специализированных магазинов "GPS plus":
 Екатеринбург, ул. Малышева, 85а, тел.: (343) 216-11-78
 Екатеринбург, ул. Восточная, 230, тел.: (343) 356-50-39
 Пермь, ул. Соловьева, 12, тел.: (342) 215-51-46
 Тюмень, ул. Семакова, 20, тел.: (3452) 24-22-98
 Уфа, ул. Р.Зорге, 9/3, тел.: (347) 277-79-32
www.gpsplus.ru

представляет

Используя GPS-приемник, вы можете проложить маршрут до интересного места, которое мы вам рекомендуем посетить. Введите в память прибора координаты предлагаемых путевых точек и постройте маршрут поездки на

КАМЕНЬ МАМОНТ

Фото Виктора БАЙДУКОВА

Проекты «Уральского следопыта»

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

№	Точка маршрута	широта	долгота
1	г. Екатеринбург, УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ, редакция	N56°50'144"	E60°35'382"
2	Выезд из Екатеринбурга на Тюменский тракт	N56°48'196"	E60°47'451"
3	Поворот с тюменского тракта на Каменск-Уральский	N56°44'318"	E561°00'621"
4	Кольцевое движение, выезд на объездную дорогу	N56°27'687"	E61°43'096"
5	Съезд с трассы налево	N56°24'557"	E61°48'741"
6	Поворот на деревню Ключики	N56°24'771"	E61°49'394"
7	Каньон, камень Мамонт	N56°25'407"	E61°48'780"

Целью очередной экспедиции «Уральского следопыта» стал камень Мамонт – часть скального каньона в окрестностях Каменска-Уральского, внешне напоминающая голову мамонта.

Подъехать к каньону можно со стороны Каменска, либо по объездной дороге (своротка у деревни Ключики). До самого камня добраться не так-то просто. Лучше всего по реке. Есть и другой путь – пройти через карьер по добыче извести, находящийся в этом же каньоне.

Красивейший вид на скалу, из которой как будто вышагивает каменный предок слона, и великолепная панорама местности, открывающаяся с возвышенности, – отличный получился маршрут.

АЙ,

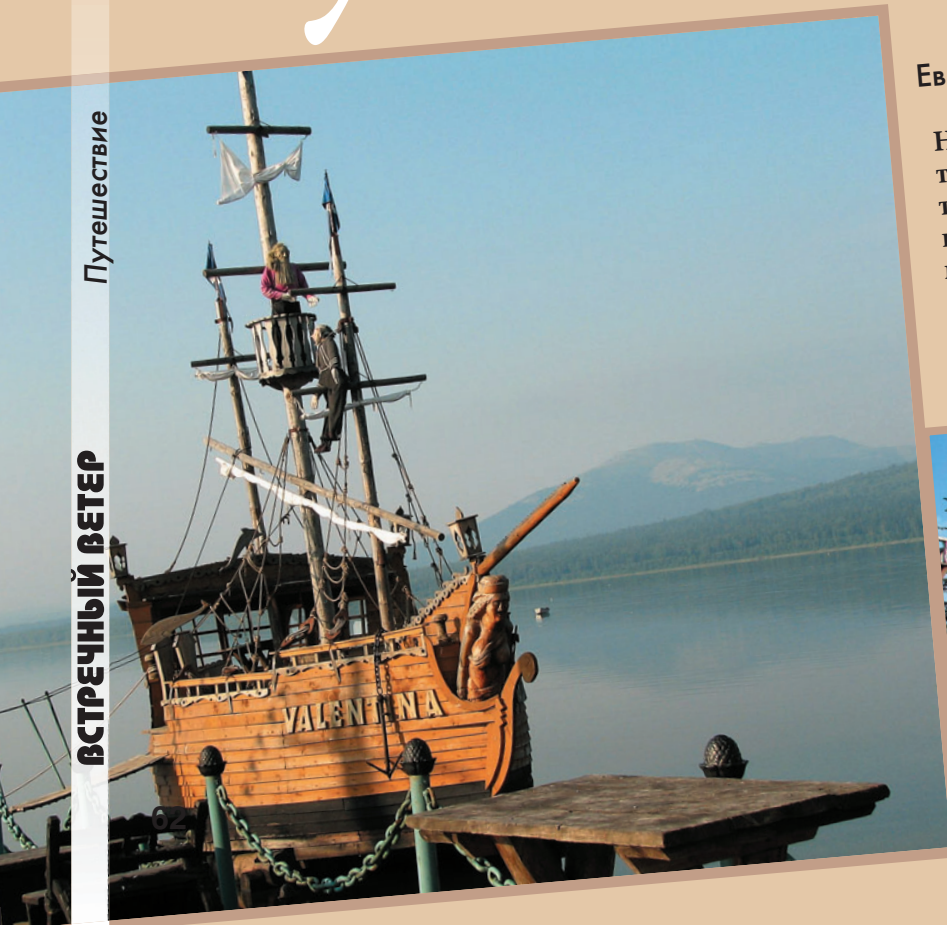
лунная река...

Евгений БАЗАРОВ

Не за горами начало летнего туристического сезона. Заядлые туристы и путешественники наверняка уже составили маршруты своих экспедиций на лето. Возможно, стоит включить в туристический график и сплав по реке Ай, о котором решил рассказать «Уральский следопыт».

Путешествие

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

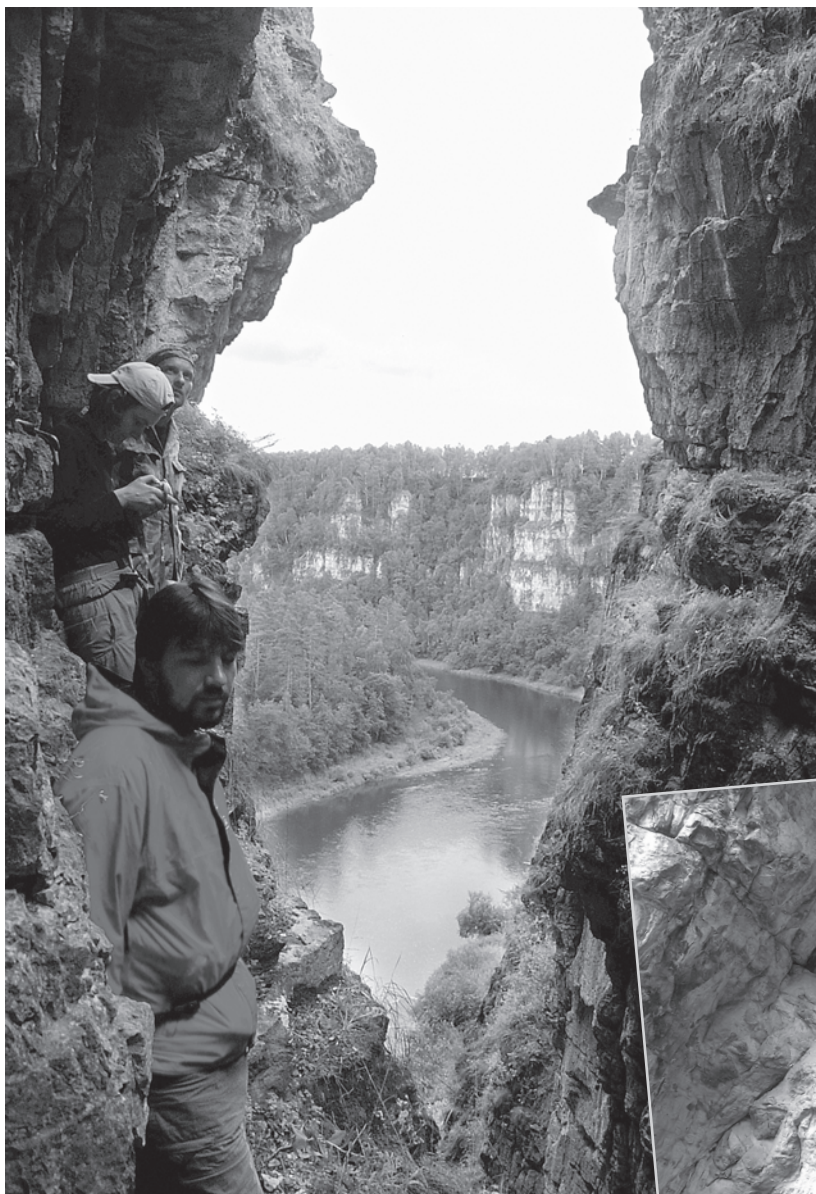
Уральский следопыт, апрель 2008

Ай 1 менее известен на Южном Урале, чем Белая или Юрюзань. Но, выбирая реку для летнего сплава, мы отдали предпочтение ей, а не знаменитой Белой, в силу отсутствия там конных попутчиков, по слухам, выманивающих деньги у «диких» водников. Саткинская турфирма снабдила нас информацией, согласовав маршрут, мы двинулись в путь...

Наша команда — это два «ката» — один «семейный» (папа, мама, дети), другой «сборная солянка» — студенты, «препод», парочка знакомых москвичей. Москвичи просили показать им самые красивые места на Южном Урале. Мы начали отсчет.

Первым на маршруте нас ждал Зюраткуль. На этом высокогорном

озере мы определили место сбора нашей команды перед сплавом. Состав первого ката прибыл туда днем на машине со всем снаряжением, «солянка» добралась за полночь автобусом Екатеринбург—Сатка со своим личным скарбом.

Ночь на Зюраткуле...

Луна появилась из-за кромки леса, высветив мачту шхуны с болтающимся телом на рее. Шхуна на фоне гор и башни крепости в тихой бухте — это творение местного мецената Китова, построившего и прекрасный дворцовый ансамбль в стиле классик-модерн в Сатке, поразивший воображение видавших виды «москалей». Рядом с озером возвышается и хребет Москаль, а за ним изгибается хребет Большая Сука...

Ночью чистое небо и метеоритный дождь. Утром сбор, купание в озере и «заброс» на Ай (около 60 километров на север до поселка Асылгушино).

Река Ай, что в переводе с башкирского — Лунная река, свое название оправдала. Мы собрали каты на берегу под заинтересованными взглядами местных пацанов и отчалили. Выбрали на стремнину, солнце припекает, вид замечательный. «Ты носи меня, река...» — хочется петь. А впереди нас ждал красавец Кургазак — пещера с огромным гротом и узким, длинным ледяным лазом внутри. Не думал, что Ай может быть сравним с северной Вишерой, но на второй день все сомнения отпали. Стена каменных Притесов, высотой около ста метров и длиной около километра, может впечатлить любого, «по-любому».

Сикияз-Тамак

Мы забрались наверх по узкой деревянной лестнице и наслаждались прекрасным панорамным видом. По пути мы обнаружили несколько небольших пещер. Но, самое большое впечатление оставил, пожалуй, Сикияз-Тамак² — целый комплекс пещер в скалах на излучине реки.

Словно старинная крепость смотрятся входы в двухъярусные пещеры. Арки, бойницы, обходные пути, все как в настоящей крепости. Узкий (выдолбленный?!) лаз выводит нас на другую сторону ска-

¹ Река Ай берет свое начало южнее Зюраткуля между хребтами Абаляк и Уреньга. Река Белая, кстати тоже начинает свой бег с Абаляка, только сворачивает на Юг. Ай бежит вдоль Уреньги на Северо-восток и в районе города Златоуста поворачивает на Северо-запад, огибая Зюраткуль за 40-60 км. севернее. Затем Ай впадает в Уфу. При длине 540 км. падение воды составляет 600 м. Наиболее живописные места находятся в ее верхнем течении до села Лаклы.

² Сикияз-Тамакский пещерный комплекс — это 6 огромных 75-метровых скал — отрогов хребта Туй-Тюбе, стоящих вдоль излучины Ая в 25 км. от города Сатка. Здесь на площади в 500 кв.м. расположено 50 пещер, гротов, навесов, карстовых мостов и арок. 14 пещер — уникальные исторические памятники, где найдены следы жизни людей семи исторических эпох, от палеолита до средневековья.

лы, где еще несколько пещер, со следами раскопок стоянки древнего человека. Как оно тут жилось ему, древнему?!

Один на один с гейзером

Утром на реке нас встречали луни и ястребы. Цапли, ондатры и кто-то из кунных явно не жаждали стать участниками нашей «фотосессии».

Страсти улеглись, душевные бури утихли уже на третий день пути. Но вот безмятежность и особенно снисхождение к нагловатому соседу по кату долго не приходили. И только перед последней стоянкой у деревни Лаклы, при виде гейзера чистой воды, бьющего вертикально вверх на несколько метров у самого берега, оно наступило...

Утро, один на один с гейзером, подсвеченным радугой крупных падающих капель, примирило меня с собой и уж тем более с нагловатым соседом. Господи, защити Ай и его красоту от нашей глупости и вандализма! Беги еще сотни и тысячи лет в сердце промышленного и постиндустриального Южного Урала, прорезая себе путь среди отвесных скал...

А впереди нас еще ждала русская баня у подножия Иремеля, «ночь барабанов» в юрте у местного Кости-шамана, а также подъем на Большой Иремель и круговая панорама южноуральских кряжей, раскинутых более чем на 300 километров вокруг (Нургуш, Уреньга, Зигальга, Уралтау), все не обойдешь...

Наблюдатель смерти

*Смерть — это зачернённая сторона зеркала,
без которой мы бы ничего не увидели.*
Сол Беллоу

Вечер выдался тёплым. Солнце давно уже скрылось за горизонтом, оставив темноте властвовать над городом. Ветра не было, лишь время от времени бумажки да опавшие листья, взлетающие с тротуаров, свидетельствовали о его незримом присутствии.

В этом дворике жизнь вообще, казалось, остановилась. Ни разъезжающих автомобилей, ни влюблённых целующихся парочек на лавочках. Лишь некая атмосфера напряжённости да лёгкая наэлектризованность воздуха, будто после грозы.

Невысокий парень двадцати шести лет от роду с тёмными глазами и такого же цвета коротко подстриженными волосами стоял у дверей подъезда высотного дома и задумчиво курил. Делал длительные затяжки, оглядываясь по сторонам, словно выискивая кого-то. Время от времени опускал взгляд на дорогие часы, прекрасно осознавая, что Она всегда приходит вовремя. А посему ждать ещё десять минут.

Парень сделал последнюю затяжку.

Курил он редко, но когда доводилось — растягивал удовольствие, смакуя дым, словно изысканное вино. С выдохом пропустил дым через ноздри. Окурок полетел на мостовую, и парень затушил его носком ботинка.

— Хороший сегодня день, — сказал он сам себе, снова погружаясь в раздумья.

На пятом этаже новой восемнадцатизатяжки в своей постели умирал генерал. Он лежал на спине, презрительно глядя в потолок и ничего не говоря родственникам, собравшимся у его изголовья. Всё было сказано им ранее, в завещании.

Мужчина не хотел видеть слёзы родных, не хотел слышать их рыдания и лживые заверения, что всё будет хорошо. Такое поведение окружающих не делает чести военному служащему, пусть даже и вышедшему давно на пенсию.

Генералу хотелось лишь одного — уйти из этого мира тихо и спокойно, стойко, по-военному приняв уготованную ему судьбу.

Он многое пережил за свои шестьдесят пять. Много повидал и многое постиг. Разочаровался в жизни и окончательно утратил веру в справедливость. Понял, что курение вредит здоровью. Что заводить любовницу, имея прелестную жену и обещая перед женитьбой разделить только с ней одной все радости и горести, — нехорошо. Осознал, что обворовывать народ и брать взятки — значит превратиться в жалкое безвольное существо, которому не достойно называться человеком.

Генерал о многом передумал. Попросил прощения у всех тех людей, с которыми ему довелось общаться, и сам простил каждого из них. Он не держал зла в своём сердце. Не обижался и не сокрушался о том, чего не успел совершить. Ему открылась совершенная истина этого мира.

Жизнь — самая грязная и гнусная игра, когда-либо затеянная ловким кукловодом. Потому что ни одному человеку не дано в ней победить.

Третий день генерал неподвижно лежал в постели, не принимая ничего, кроме воды. Последняя стадия рака желудка, медицина была бессильна.

Он жил в ожидании смерти. Он звал её, понимая, что лучше умереть во сне, а не в мучениях. Однако третий день жизнь не хотела его оставлять. Тело, сломленное болезнью, безвольно покоилось на белой простыне и ничего, кроме усталости, не испытывало.

Генерал закрыл глаза, гадая, как и когда всё закончится.

Высокая фигура, одетая в длинный чёрный плащ, не спеша приближалась к дому. Бесшумно ступали по тротуару туфли, неся свою обладательницу все дальше. В каждом движении девушки чувствовалось скрытое превосходство и сила.

Александр Шкудун родился 27 августа 1984 года в городе Киеве. Окончил с отличием Киевский Национальный университет имени Тараса Шевченко, получив звание магистра права. Победитель конкурса на лучшего чтеца стихотворений (200 лет со дня рождения А.С. Пушкина) (1999г.). Победитель конкурса среди авторов за лучший рассказ, опубликованный на сайте «Непризнанная фантастика» (2004 г.). В 2005 году увидел свет первый сборник стихотворений «Философия любви», вошедший в себя произведения любовной тематики. В том же году - первая публикация рассказа «Истина» в сигнальном номере журнала «Семаргл». Также публикуется в сетевых журналах: «Пролог» (рассказ «Лотерея»), «Самиздат» и пр.

У подъезда она слегка сбавила темп. Бегло оглядела паренька, стоящего прямо возле входа. Коротко кивнула ему в знак приветствия и зашагала дальше.

Парень украдкой посмотрел на часы, удовлетворённо хмыкнул и поспешил следом.

Пожилая консьержка, располагавшаяся за стеклянной перегородкой сразу при входе, продолжала читать женский роман, так никого и не заметив.

Они вошли в квартиру вместе. Высокая брюнетка в развевающемся при ходьбе плаще и темноволосый парень, едва-едва дотягивающий до уровня мужчины. Девушка пристально осмотрела просторную, обитую деревом прихожую и скривилась в неудовлетворённой гримасе. Хоть генерал и был военным, в квартире он убирался редко.

У стеного шкафа валялась различная обувь. Все-кие сувенирные безделушки, стоящие на специально приколоченной к стене полке, припали серой пылью и почернели. На потолке по углам кое-где начала образовываться паутина. Довершало картину кресло, стоящее в дальнем конце холла, со спешно разбросанной на нём одеждой.

Девушка посмотрела на парня и только покачала головой. Безошибочно сориентировавшись, она уверенно направилась в правую распахнутую дверь, ведущую в зал, где всё и происходило.

Генерал лежал с закрытыми глазами. Возле его кровати мрачнее тучи стояли двое мужчин. Женщина — видимо, жена — сидела рядом на табуретке, беззвучно прижимая платок к лицу и время от времени всхлипывая. Она уже не могла плакать. Слишком много слёз было пролито в эти дни. Мужчины держались стойко, всем своим видом демонстрируя обрушившееся на них горе и печаль.

Брюнетка подошла ближе. Глянула на лежащего на кровати мужчину.

— Пора, — прошептала она через мгновение и коснулась его лба рукой.

В комнате потемнело. Рука девушки налилась голубоватым сиянием, забирая из тела остатки жизни и помогая душе освободиться от оков биологического организма.

— Теперь ты свободен...

Словно услышав эти слова, от тела начала отделяться субстанция, смахивающая на призрачное светящееся облако. Несколько секунд оно парило над головами людей, собравшихся в комнате, а затем стало плавно подниматься, тая с каждой секундой. Через мгновение всё исчезло.

Конечно же, присутствующие в комнате люди ничего этого не видели. Может, почувствовали дискомфорт и лёгкую вибрацию пространства на подсознательном уровне. Однако внешне для них ничего не изменилось — разве что, черты лица генерала разгладились, потеряв былую суровость.

— Вот так всё и происходит, наблюдатель, — вывела парня из оцепенения девушка и улыбнулась. — Первый раз?

Юноша облизал пересохшие губы и неуверенно кивнул.

— В первый раз это всегда выглядит зрелищно. Потом привыкаешь...

Девушка не сказала больше ни слова, повернулась спиной к навсегда обездвиженному телу и неспешным шагом двинулась прочь из комнаты.

Ей сегодня предстояло ещё много работы.

Секундой позже разрыдалась жена генерала, заметившая, что супруг умер. Опустившись на колени, она взяла его за руку и прижалась к ней лбом. Мужчины стали успокаивать женщину, но та продолжала убиваться, потеряв самого дорогого ей человека.

Наблюдатель стоял позади всех, не в силах забыть только что произошедшее.

На глаза сами собой наворачивались слёзы.

Да, он знал, на что шёл. Знал, что ему предстояло увидеть. Проконтролировать приход смерти, чтобы позже отчитаться, что никто больше, кроме нужного человека, не умер. Два года его готовили для этой работы. Сколько раз ему рассказывали, что происходит, когда человек должен уйти из жизни. Сколько лекций читали о Великом Замысле и судьбе всех живущих.

Всё равно. На практике это выглядело несколько иначе. Человека лишили жизни. Просто в голове не укладывалось, как так можно — одним взмахом руки оборвать судьбоносную нить мужчины, пускай и отжившего своё. Даже если такова его судьба. Даже если...

Это равносильно убийству!

Парень в последний раз посмотрел на генерала. Хотелось курить. Хотелось бежать отсюда без оглядки. Неужели люди всего лишь марионетки судьбы? Неужели ничего нельзя изменить?

— Не верю, — прошептал юноша, сжав кулаки. — Не верю!

Одoleваемый сомнениями, он также тихо покинул квартиру. Спустился пешком на первый этаж и, минуя консьержку, вышел на свежий воздух.

Уже там наблюдатель дал волю своим эмоциям и переживаниям, позволив им вместе с завтраком выплеснуться наружу.

Артём покинул тело несколько лет назад. Несчастный случай. Поезд, следовавший в Кисловодск, сошёл с рельс, похоронив под собой более трёхсот человек. Всё произошло ночью, когда парень спал. Он лишь успел испугаться, не понимая, что происходит. Удариться о столик, слетев с верхней полки. И всё.

Увы, не было никакого тёмного тоннеля со светом в конце. Прелестных ангелов в белых одеяниях, описанных многими писателями. Неземной музыки или ворот рая. Ничего этого не было. Лишь острая боль. Нестерпимая. Непостижимая. Тело кричало от неё. Корчило, пытаясь сбросить неведомый пресс, давящий изнутри и пронзающий каждую клеточку организма невидимыми иглами.

А затем тихий голос спросил: «Ты хочешь жить?»

«Да!» — закричал Артём что есть силы.

«Да будет так. Ты выпал из замысла смерти. Отныне станешь одним из её наблюдателей!»

«Кто ты?»

Ответа не было. Лишь туман, застилающий глаза, и тьма, призрачной лавиной накатывающая на сознание.

Артём очнулся на операционном столе. Лежал, глядя на ослепительный свет от лампы ничего не выражающим взглядом, и старался понять смысл фразы незнакомого голоса.

«...Станешь одним из её наблюдателей».

— Черта с два... — попытался сказать он непослушным языком.

— Успокойтесь. Всё хорошо. Не нужно говорить. Вы ещё слишком слабы.

Над его лицом склонились трое мужчин в медицинских марлевых повязках.

— Вашей жизни ничего не угрожает. А теперь нужно немного поспать...

— Нет... стойте, — Артём дёрнулся было навстречу лицам, однако что-то холодное коснулось его руки, и через две секунды снотворное подействовало.

Всё произошло на следующий день в его больничной палате, когда парень находился под капельницей. Негромко постучавшись в дверь, скорее для проформы, нежели ради вежливости, в комнату вошли двое. Мужчина и женщина. На ней было облегающее чёрное платье, а представитель сильной половины человечества был одет в голубые джинсы и белый свитер.

Осторожно они присели на краешек кровати Артёма и приятельски ему улыбнулись.

— Кто вы?! — спросил парень окрепшим голосом, обводя незнакомцев пристальным взглядом.

— Мы такие же, как и ты, — сказала девушка.

— Наблюдатели смерти, — добавил мужчина.

Артём недоверчиво оглядел парочку. Но всё же сдержал крепкое словечко, готовое в любой момент сорваться с уст.

— Зачем вы пришли?

— Чтобы научить тебя, — ответила девушка, глядя прямо в его чёрные глаза.

— Научить чему?

— Жизни, — усмехнулся мужчина, будто воспитатель на глупый вопрос ребёнка. — Настоящей жизни, а не той, к которой ты привык.

— Я не понимаю, — Артём попытался приподняться, но незнакомка строго покачала головой, указав на капельницу.

— Вскоре ты всё поймёшь. Мы поможем. Но ещё не пришло время. Информацию нужно давать твоему мозгу по крупицам, а иначе он просто может не воспринять её и сойти с ума. Всё, что мы тебе расскажем, пойдёт вразрез с тем, чему тебя учили с детства. Так что набирайся сил — они тебе пригодятся, чтобы понять мир, в котором ты теперь обитаешь.

Девушка нежно взяла его за руку.

— Дело в том, что ты перешёл черту человеческой жизни. Нет, ты не прекратил своё существование. Твоя физическая оболочка по-прежнему с тобой. Но ты вышел на новый уровень восприятия действительности, недоступный обычным людям. Ты очутился в настоящем мире. Который является материнским по отношению к Вашему. Именно в нём начиналась жизнь. Адам и Ева. Каин и его брат. Ной и Всемирный потоп.

— Я... что? Погодите... мир, с которого всё началось? О чём вы говорите? Что всё это значит?

— Всему своё время. Потерпи немного и ты узнаешь. Мы придём завтра. Подумай над тем, что я сказала. А сейчас — спи.

«Да что же это такое? — восторженно воскликнул парень. — Всё время спи да спи!»

— Сон помогает раскладывать информацию по полочкам, — словно прочитав его мысли, сказал мужчина.

— До завтра, Артём!

Если бы парень услышал своё имя, он наверняка бы начал щипать себя за руку, пытаясь убедиться, что ему это не снится. Таращить на странную парочку глаза и задавать разные вопросы. Однако он ничего не слышал, погрузившись во внезапно пришедший, будто из ниоткуда, сон.

Ещё несколько дней его наставники, как выразились они сами, приходили побеседовать с ним, и Артём многое узнал, хотя порой информация его обескураживала.

Нельзя сказать, что он всему верил. Ну, например, скажите на милость, как можно верить в то, что люди не умирают, а всего лишь переходят в другое состояние жизни? И что смерти не существует вовсе — её посланники лишь помогают людям исполнить Великий Замысел всея сущего, открывая путь для их душ в настоящий мир?! Или что у каждого человека есть своя судьба, распisanная буквально по секундам?!

Как в такое можно верить? Ведь если это принять — значит расписаться в том, что люди — всего-навсего управляемые существа.

А вам приятно осознавать, что вы марионетка на ниточках?!

Артём переживал нервные срывы, не готовый принимать то, что ему открывалось. Забывался в обрывках сновидений на несколько часов, не переставая думать над всем услышанным. Ему снились обычные люди, не ведающие, что они творят. Идущие по узкому шатающемуся деревянному мосту, протянутому над двумя пропастями. Ему было жаль людей. Безумно жаль этих слепых котят, которые живут лишь тем, что они видят, и не способных заглянуть в книгу своих судеб.

После выписки из больницы, когда сопровождающие его мужчина и девушка провели парня под носом всего персонала, и ни один из работников их не заметил, и когда они за считанные секунды перенеслись в один из храмов Шанхая, Артём был готов верить во что угодно.

Его обучали два года. Ломали устоявшиеся стереотипы и принципы. Поведение и ложное мышление. Учили заново постигать основы бытия и пользоваться интуицией.

Отбросив все, что он узнал в детском саду, школе, а затем и в институте, Артём по-новому взглянул на энергоинформационное пространство, которым и являлся мир людей. Он научился управлять внутренней силой, сокрытой в человеке с самого рождения, черпая её из неиссякаемого потока мироздания. Волевым усилием мог преодолевать любые расстояния и влиять на материю.

Чем больше он узнавал, тем меньше парню хотелось оставаться в мире людей. Он казался ему несовершенным и скованным. Несправедливым и злым. Однако Вселенский Замысел требовал от Артёма исполнения обязанностей одного из наблюдателей смерти. Даже над его судьбой висел рок, даже он был марионеткой. Пусть даже не такой слепой и малозначительной, как люди.

Артём улыбнулся воспоминаниям. Как давно это было! Хотя, что такое два года для их мира? Песчинка в огромных Вселенских часах.

Парень стоял посреди пустыющей этим утром трассы и пытался предвидеть, что случится здесь всего через несколько минут. Трудно было поверить, что это тихое, с виду совсем не опасное место станет причиной аварии. Обычная асфальтированная и вылизанная автодорожниками трасса, в меру широкая и ровная, не сулящая ни опасных резких поворотов, ни гололёда, благо, зима осталась позади. Но именно здесь должна была появиться смерть.

Парень посмотрел на пачку сигарет, слегка выпирающих из кармана куртки. Вдохнул и перевёл взгляд на дорогу. Ещё чуть-чуть нужно было подождать.

Виталий Никифорович Смолин выехал за грузом с самого утра, планируя пораньше закончить все дела и уже к обеду вернуться домой. Его дочери сегодня исполнялось тринадцать. Он уже много лет водил старенькую «Газель», доставляя электронную технику с завода в один из местных супермаркетов.

Работа его ничем не обременяла и доставляла радость. Виталий любил дорогу, с детства мечтал стать водителем автобуса. Впрочем, давней мечте осуществиться удалось лишь отчасти.

Весь путь занимал ровно двести тридцать один километр и четыреста метров. Смолин несколько раз обнулял километраж при отправлении, прежде чем вывести эту цифру. Стараясь оптимизировать пройденное расстояние и свести его к минимуму, Виталий выискивал короткие пути. Внимательно изучал карту и печально качал головой, когда видел, что ничего не получится. Лишь раз маршрут удалось сократить почти на километр, во вред глушителю, который отвалился при подскоке с бровки. После этого случая Виталий оставил попытки сэкономить бензин для личных нужд, и аккуратно заполнял маршрутный лист на двести сорок пройденных километров.

Машин было немного, и Смолин ехал в своё удовольствие, насвистывая что-то себе под нос.

Через три минуты — точно по графику — он вырулил на трассу. Виталий не мог предвидеть, что навстречу ему за каких-то там несколько тысяч метров со скоростью двести двадцать километров в час несётся депутатский бронированный чёрный джип. И уж конечно он не подозревал, что через пять минут пьяный законодатель уснёт за рулём и вылетит на встречную полосу...

Звук торможения. Визг. Страшный лобовой удар. Артём стоял всего в двадцати шагах от аварии. Всё произошло так, как и было должно.

На этот раз посланница смерти появилась через несколько секунд после столкновения. Уже другая девушка. Белокурая, с очень красивыми чертами лица и голубыми глазами. Она кивнула Артёму и не спеша двинулась к перевернутому джипу. Видимо, водителям надлежало пожить ещё некоторое время.

Девушка немного постояла перед чёрной коробкой бесполезного металла, в который превратился джип, и шагнула дальше.

Артём побледнел. Не депутат должен был умереть в этой аварии, а водитель «Газели». На лице парня заиграли желваки. Он сглотнул комок, и едва не сорвался на крик.

«Где справедливость?! Неужели её нет и здесь?!»

Тем временем девушка опустилась на колени перед Виталием. Аккуратный водитель не пристегнул ремень безопасности и вылетел через ветровое стекло на дорогу. Он умирал. Глаза были открыты, а изо рта тонкой струйкой стекала кровь. Блондинка склонилась над ним, и на лице Смолина заиграла понимающая улыбка.

— Больно не будет, — прошептала посланница смерти, подарив ответную улыбку, и коснулась его лба рукой.

Артём неслышно подошёл сзади.

— Вот этого я никогда не смогу понять и принять, — сказал он смерти, глядя на мужчину, так нелепо ушедшего из этого мира.

— Тебя никто и не заставляет, — девушка обернулась и опустила взгляд.

Ему показалось, или же у неё и вправду глаза были наполнены глухой тоской и печалью?!

— Ответь мне на один вопрос, — Артём склонился к самому её лицу, — Зачем Вам наблюдатели? Зачем?

На какой-то миг смерть заколебалась. Парень отчётливо видел, что ей хочется об этом сказать. Хочется произнести вслух то, о чём нельзя было говорить.

— Ответь...

Справа послышался вой сирен. Приближалась скорая помощь. Через две минуты машина остановилась возле места аварии, и из неё выбежали трое людей в белых халатах. Осмотрели джип и извлекли горе-депутата, истекающего кровью.

— Срочно в машину его! — велел самый старший из них. — Вколите обезболивающее. И поторопитесь. Он может не дожить до отделения.

— Алексей Геннадиевич, тут ехать пять минут, — попыталась успокоить его некрасивая девица-санитарка, делая укол.

— Меньше разговоров! Живо!

Депутата погрузили в карету.

— Назаров! Что ты там застрял?

Человек, к которому обращались, стоял перед «Газелью» и смотрел на тело водителя.

— Олег, я его осмотрел. К сожалению, мёртв, — Алексей Геннадиевич стал рядом с коллегой и опустил глаза.

— Вот как оно случается... — философски изрёк Олег, — Давай хоть милицию вызовем...

Алексей кивнул. Достал мобильный и набрал номер.

— Да. Шоссе 53. Авария. Насколько я могу судить, лобовое столкновение. Водитель в тяжёлом состоянии, забираем в 15 отделение...

– Эта сволочь выживет... – Артём стоял возле них, слушая, как санитар беседует с работником милиции. – Эта сволочь...

Он не договорил. Мигом кинулся вслед за белокурой девушкой, запоздало сообразив, что смерть никого и никогда просто так не ждёт.

В карете скорой помощи, кроме депутата на носилках, лежала под аппаратом искусственного дыхания девушка. Молодая. Ей не было ещё и двадцати.

– Нет... – прошептал Артём, бледнея. – Только не она...

Посланница смерти виновато посмотрела на парня, пожалала плечами, и коснулась её лба рукой.

– Ты не можешь ничего изменить. Как бы больно и грустно ни было, это всё...

– Знаю-знаю... Великий Замысел, – отмахнулся Артём и поднёс пиалу с чаем ко рту, делая глоток. – Но Замысел несправедлив!

Они сидели в деревянной беседке почти у самого обрыва, с противоположной стороны которого вниз по склону величественно тёк водопад. Учитель и ученик, встретившиеся в это утро за церемонией чаепития.

– Идущий, что ты знаешь о справедливости? Ты можешь судить только по тому, что видишь. Однако многое для тебя остаётся невидимым. Многого тебе просто не понять.

– Мне достаточно того, что я вижу, – сказал Артем, делая глоток.

– Помыслы Высшего не могут сводиться лишь только к твоему представлению о Добре и Зле. О преступлениях и наказании.

– Вы не понимаете...

– Артемий, я разделяю твои сомнения. Я знаю, что творится у тебя в душе. Но подумай и о другом, идущий! Смерть этой молодой девушки даст возможность её парню в порыве печали создать великое музыкальное произведение, которое в дальнейшем сведёт вместе немало сердец, образуя новые

семьи! А жена Виталия Смолина повторно выйдет замуж и родит сына, который в будущем станет Президентом страны, готовым отдать душу во благо народа!

Артём вертел пиалу в руках и молчал.

– Ты слишком привязан к отдельному человеку, наблюдатель. Ты всё ещё находишься во власти людских догм и правил. Ты чересчур сентиментален.

Старец, одетый в белый балахон и сидящий прямо напротив парня, внимательно взгляделся ему в глаза.

– Великий Замысел учитывает всё. Он не разменивается по мелочам. Всё в жизни взаимосвязано. Все события переплетены и влияют на будущее.

– Спасибо за чай, учитель, – Артём поднялся с мягкого ковра, поставил чашку на хрустальный столик и вышел, оставляя старца наедине со своими мыслями.

В родильном отделении было душно. Очевидно, здесь очень пристально следили за температурой даже в тёплые поры года.

Артём шагал по коридору, ища нужную операционную.

В прошлой жизни ему так и не довелось обзавестись семьёй, а в нынешней он бы и сам не прочь, да слишком занят, чтобы это стало возможным.

«Может быть позже», – думал он, улыбаясь встречающимся по пути медсестричкам и тут же заставляя их забыть о своём существовании.

Проходя мимо массивной стеклянной перегородки, за которой в маленьких ванночках лежали едва родившиеся малышки, Артём улыбался. Приветливо обводил взглядом мам, кормящих грудью, и пытался предугадать, какая судьба выписана для каждого из этих детей.

Нужная ему дверь оказалась самой последней. Парень нажал на ручку и спешно вошёл внутрь.

На операционном столе лежала роженица. Её обступали трое мужчин и одна женщина. „Двое хирургов,

анестезиолог и медсестра», — про себя отметил Артём и стал рядом.

— Давление падает, придётся делать кесарево. Самой ей не родить! — звучал голос справа.

— Опасно. Пульс слабый. Сестра... укол! Нужно поддержать сердце, — хирург слева отвечал спокойно, но в тембре голоса чувствовалась дрожь.

— Ты прав. Пульс замедляется. Двадцать кубиков...

Артём не смотрел на операционный стол. Его внимание переключилось на две тени, что медленно материализовывались в комнате. Две девушки, так хорошо ему знакомые. Брюнетка и блондинка. Две вестницы смерти.

— Ничего не получается. Мы её теряем. Сердце перестаёт биться... нужно спасти ребёнка!

Блондинка не спеша подошла к столу и взглянула в лицо женщины. Карие глаза роженицы, казалось, увидели её. Они говорили слезами. Молили и надеялись на снисхождение. Не к себе. К ребёнку.

Артём покрылся испариной. Руки дрожали. А грудь разрывалась на части.

— Готовь электрошок... Разряд!!! — слышался напуганный голос хирурга. Раз, два... три! Ещё раз!

— Тёма, я не сказала тебе тогда... почему нам нужны наблюдатели, — блондинка смотрела в глаза женщины и ласково гладила её по голове. — Всё дело в том, что и у нас порою возникает соблазн отправить на тот свет не того, кого нужно! Но, знаешь, что нас останавливает?

— ...есть шанс. Пульс стабилизировался...

— О, нет, не вы — наблюдатели, способные устранить нас в случае чего... — девушка перевела взгляд на Артёма. — Нас останавливает Великий Замысел, не способный причинить вред человечеству и действующий лишь всем во благо!

С этими словами блондинка коснулась лба роженицы.

Монитор издал слабый писк. Ровная белая линия поползла по экрану.

— Мы её потеряли...

Артём закрыл глаза. Неописуемая дикая ярость клокотала в груди.

Брюнетка подалась вперёд.

— Ты не посмеешь... — голос парня налился угрозой. Он схватил смерть за руку. — Не посмеешь!

— ...давай. Режь! Нужно спасти ребёнка! Сестра! Скальпель!

— Ничего не изменить, Артём. Всё уже предрешено. Ребёнок должен умереть.

— Если сделаешь хоть шаг, я убью тебя!

Блондинка засмеялась.

— Наивный мальчик! Думаешь, почему мы пришли вдвоём? Когда ты безосновательно убьёшь одну из нас — ты навсегда исчезнешь из мироздания. Вторая же исполнит веление Замысла. Мы прочли твою книгу Судьбы, наблюдатель.

Девушка подошла к телу женщины.

— Ты не сделаешь этого! — закричал Артём, бросаясь вперёд.

Посланица смерти коснулась живота роженицы, а перед глазами парня всё поплыло. Он протянул вперёд руки и накрыл ими ладони брюнетки.

Голова будто взорвалась. Сердце перестало биться. Из носа потекла кровь. Артём не чувствовал ног и тела, всеми силами стараясь не оторвать своих рук от рук смерти, лежащих на животе умершей женщины.

Ребёнок должен выжить!

Мир вокруг трещал по швам. Лопался, как мыльный пузырь. Словно вулкан, в последнюю минуту своего извержения.

Что-то кричала блондинка. Попыталась вырвать свои руки из рук Артёма брюнетка.

Кисельно-молочная пелена застилала глаза. Дышать уже было невыносимо сложно. Каждый вдох давался с трудом, а выдох отдавался пульсирующей болью по всему телу.

Не отпускать руки! Только не отпускать руки!

Артём хотел совершить невысказанное. Невозможное.

Передавал свою энергию и свою жизнь маленькому комку плоти в утробе матери.

Ещё миг. Ещё чуть-чуть...

С удивлённым выражением лица и неуверенностью школьника в операционную заглянул светловолосый паренёк, одетый в белый костюм.

«Значит, он смог?! Ему удалось?!»

Артём медленно оседал на пол. Он едва-едва мог о чём-либо думать. Сердце не билось. Он умирал.

Две девушки бесследно исчезли. Всё правильно. Смерти здесь больше не было.

Сколько прошло? Год, триста лет, вечность?

Ослепительная вспышка света заставила зажмуриться. Возле операционного стола соткалась из воздуха призрачная фигура в белом одеянии. Прекрасная зеленоглазая девушка с красивыми распущенными волосами обрела очертания, явившись этому миру.

Длинный белый плащ скатывался с её плеч, а на шее висел медальон в форме голубка.

Артём улыбнулся.

Жизнь!

Незнакомка взмахнула рукой, и тело женщины окутало зеленоватое свечение. Ещё один взмах и до него донёсся плач только что родившегося мальчика.

Светловолосый паренёк — наблюдатель жизни, стоял в оцепенении, во все глаза таращась на девушку.

«Стало быть, в первый раз?!»

Артём снова улыбнулся.

«Сколько же тебе ещё предстоит всего узнать. О мироздании. О Великом Замысле. О жизни и о смерти...»

Мысль оборвалась. Парень увидел перед собой зелёные глаза незнакомки. Они светились, как два изумруда. Как две самые яркие звезды на ночном небе. Ещё через секунду сама Жизнь склонилась перед ним голую.

Артём умирал. И единственное предложение, которое он успел сказать перед смертью, ещё долго отдавалось в ушах Наблюдателя жизни.

— Судьбу можно изменить!

Ошибки и штампы в фантастике

[Выпуск 9]

Этот пункт нашей программы посвящен **микробиологии**, а если точнее, медицинской ее части.

Весьма популярной ошибкой является изобретение чудодейственной **вакцины**, впрыскивание которой немедленно вылечивает самые страшные болезни. Чушь. Вакцина не может никого и ни от чего вылечить. Это лишь средство для повышения иммунитета организма против конкретной болезни. Механизм ее действия следующий: иммунной системе предъявляются типичные антигены (белковые комплексы оболочки), характерные для возбудителя данной болезни. Иммунная система успешно настраивается на их уничтожение и создает нужные антитела (молекулярные комплексы, связывающиеся с антигенами), вследствие чего в будущем реакция на эти антигены оказывается моментальной. Организму, ни разу не сталкивавшемуся с данными антигенами, требуется значительное время на то, чтобы раскататься и начать вырабатывать антитела. В течение этого периода возбудитель безнаказанно размножается в организме. Реакция же иммунизированного организма оказывается почти мгновенной, в результате чего инфекция уничтожается на ранней стадии. Благодаря тому, что вакцина содержит значительно ослабленного или даже просто мертвого возбудителя, ее введение крайне редко вызывает настоящую болезнь, но необходимый эффект все равно достигается. Но вводить ее, когда организм уже заражен инфекционным агентом, бессмысленно — искомые антигены уже присутствуют в организме, причем в гораздо более агрессивном варианте.

При этом в общем случае вакцинировать организм против неинфекционных заболеваний невозможно — иммунная система с ними бороться не умеет. Поэтому вакцинировать организм, например, против рака (невирусной природы, во всяком случае) нельзя. В скобках замечу, что вирусное происхождение некото-

рых форм рака до сих пор находится под вопросом и относится к неподтвержденным теориям.

Судя по всему, когда речь идет о лечении вакциной, имеется в виду совсем другое понятие — **сыворотка**, изготовленная из крови. Суть метода сводится к тому, что у заранее иммунизированного животного (например лошади) изымаются порции крови. Из нее на центрифуге выделяется сыворотка с антителами к болезни, которая впоследствии переливается заразившемуся пациенту. Благодаря тому, что внешние антитела подавляют или замедляют развитие болезни, у иммунной системы организма появляется время на изучение инфекционного агента и мобилизацию. Тот же метод может ограниченно применяться против некоторых ядов (скажем, змеиных). Однако здесь таится опасность: при недостаточно тщательной очистке сыворотки есть риск занести в организм сторонние элементы — вплоть до возбудителей иных инфекций.

Еще одна капитальная путаница — между вызывающими заболевание **бактериями** и **вирусами**. А еще есть и **простейшие** организмы, существование которых в фантастике обычно игнорируется (кстати, ответ на домашнее задание предыдущего выпуска — это одноклеточные организмы, бактерии, риккетсии и вирусы). Бактерия является самостоятельным живым организмом, представляя собой полноценную автономную живую клетку, хотя и отличающуюся от одноклеточных простейших отсутствием оформленного ядра (научный термин — «прокариот», организм с оформленным клеточным ядром — «эукариот»). Вирус же самостоятельным организмом не является, представляя собой покрытую белковой оболочкой ДНК или РНК. Для размножения ему необходимо внедрить Д(Р)НК в клетку хозяина, после чего та, подчиняясь новой программе, начинает реплицировать вирус с помощью своих встроенных механизмов. При этом размножение вируса может быть как фатальным для зараженной клетки, так и вполне мирным (так, бактериофаги убивают

Евгений Лотош в 1997 г. окончил магистратуру математико-механического факультета УрГУ. Ведущий инженер в компании «Quorus» ACS», профессия — системная интеграция. Бессменный ведущий рассылки «Читаем с нами». Литературное обозрение на Subscribe.ru. Критик, литератор.

бактерию-хозяина, разрывая изнутри ее оболочку, а вирус герпеса мирно живет в человеческом организме с самого его рождения, лишь иногда проявляя себя высыпаниями — «простудой» — на губах и более серьезными осложнениями).

На разницу эту постоянно напарываются писатели. Их любимое занятие — лечить вирусные заболевания антибиотиками. На деле антибиотики убивают только бактерий и простейших, нарушая работу их генетического аппарата или, скажем, негативно воздействуя на клеточную оболочку. На вирусов, практически не имеющих собственных биохимических процессов, антибиотики — во всяком случае, не смертельные для носителя — не действуют. Введение антибиотиков при вирусной инфекции преследует цели борьбы с сопутствующими бактериальными инфекциями, атакующими ослабевший организм. Лечению же вирусные заболевания поддаются с большим трудом, и именно здесь определяющее значение имеет вакцинация. Впрочем, и она помогает не всегда. Так, весьма изменчивый вирус гриппа постоянно меняет характерные для своей оболочки комбинации антигенов, из-за чего с ним крайне сложно бороться.

В арсенале современной медицины, помимо вакцинации, существует мало методов противодействия вирусным заболеваниям. Один из таких — блокировка ревертазы (обратной транскриптазы), отвечающей за преобразование РНК вируса в ДНК, которая, собственно, и программирует дальнейшее размножение вируса в клетке. Среди таких препаратов широко (и печально) известен, например, азидотимидин, применяющийся в борьбе со СПИДом. К другим методам относятся вещества, изменяющие проницаемость клеточной оболочки и мешающие вирусу проникнуть

внутри. Ну, и стоит упомянуть препараты, повышающие сопротивляемость организма в целом... хотя банальный бег трусцой в этом плане все равно вне конкуренции.

Наконец, раз уж речь зашла об антибиотиках, необходимо упомянуть, что они далеко не всегда полезны. Их неконтролируемое применение приводит к тому, что у бактерий вырабатывается иммунитет (естественный отбор действует и здесь), в результате чего лечить вызываемые ими болезни становится очень тяжело. Так, например, весьма популярный в середине 20 века пенициллин уже практически не действует на серьезные инфекции, а потому редко применяется в качестве самостоятельного метода лечения. Появляются разновидности стрептококков и стафилококков, малочувствительные к антибиотикам, а потому вызывающие неостановимые внутрибольничные эпидемии — зачастую с человеческими смертями. Поэтому бездумное применение антибиотиков в ветеринарии (для повышения веса скота) и в косметике (в составе мыла) является самым настоящим преступлением против здравого смысла. Увы...

Закрывая тему вирусов, необходимо вспомнить еще один популярный в фантастике штамп: **заражение человека инопланетными микроорганизмами**. Ну, с бактериями еще туда-сюда: шанс, что они обнаружат в тканях и жидкостях человеческого тела полезные им соединения и при этом не загнутся от вредных, хотя и невелик, но все же отрицать его полностью нельзя. С вирусами история совсем другая.

Чтобы понять проблему, необходимо углубиться в базовые основы функционирования клетки. Сразу предупреждаю: это ОЧЕНЬ упрощенное описание. Итак, белок, являющийся основой земной жизни, представляет собой определенную последовательность простых аминокислот. Информация о белках хранится в клеточной ДНК (дезоксирибонуклеиновая кислота), которая составлена из четырех букв-оснований: аденина (А), гуанина (G), цитозина (С) и тимина (Т) (в рибонуклеиновой кислоте, РНК, вместо тимина присутствует незначительно отличающийся от него урацил, U). За счет фосфодиэфирных электронных связей, образуемых входящими в их состав остатками фосфорной кислоты, аденин комплементарен (т.е. притягивается к) цитозину, а гуанин — к тимину/урацилу. Цепочка ДНК/РНК в клетке всегда парна второй, зеркальной цепочке из комплементарных оснований. Например, цепочка АGГСТ комплементарна СТТАG. Из пары таких зеркальных цепочек и строится двойная спираль клеточной ДНК или РНК. Механизм удвоения служит для повышения устойчивости ДНК как носителя информации к сбоям: в случае повреждения одной цепочки ее всегда можно однозначно восстановить по второй, чем и занимаются периодически специальные комплексы.

Каждая аминокислота из двадцати возможных в белковой цепочке кодируется тремя «буквами» — триплетами-кодонами. Для создания белковой це-

почки спираль ДНК временно расщепляется, по одной из нитей строится комплементарная цепочка информационной, или матричной, РНК (иРНК, мРНК), которая перемещается из клеточного ядра в рибосому, где и происходит белковый синтез. При этом доставка в рибосомы аминокислот для строительства белковой цепочки осуществляется специальными транспортными комплексами (тРНК), у которых один конец комплементарен определенному кодону, а к противоположному прицеплена аминокислота. Таких тРНК существует около 40 (каждая аминокислота может переноситься более чем одной тРНК).

Вирус встраивается в этот процесс благодаря тому, что тем или иным способом доставляет в клетку свою ДНК или РНК. Собственно, вирус и есть эта ДНК/РНК, обернутая в защитную белковую оболочку, позволяющую носителю генетической информации выдержать перемещение из клетки в клетку. В клетке РНК-вирус методом комплементарного копирования трансформирует свою РНК в ДНК (т.н. процесс обратного транскрибирования, или ревертирования, за который отвечает комплекс ревертазы). ДНК-вирус этим не занимается за ненадобностью. В любом случае в клетке оказывается чужеродная ДНК, которая встраивается в механизмы внутриклеточного синтеза на тех же основаниях, что и «родная» клеточная ДНК, и заставляет клетку синтезировать новые копии вируса.

Дальнейшая судьба клетки зависит от вируса. Иногда он перехватывает на себя все внутриклеточные процессы таким образом, что клетка быстро истощает свои ресурсы и гибнет или же банально лопаается из-за переполнения вновь произведенными вирусами. Но многие «умеренные» вирусы не нагружают клетку-носителя сверх меры, так что она может синтезировать этих вирусов до конца своей долгой и счастливой жизни (примером такого вируса является уже упомянутый выше вирус герпеса).

Если вы осилили предыдущую страницу текста, возрадуйтесь, ибо конец уже близок. Итак, что нужно инопланетному вирусу, чтобы воспользоваться этими механизмами?

Во-первых, ему необходимо быть основанным на ДНК/РНК или же соединениях, чрезвычайно близких к ним химически и имеющих возможность устанавливать с ними комплементарные связи.

Во-вторых, данный вирус должен иметь ДНК, основанную на тех же самых базовых кодонах из трех букв (а не двух, четырех или пяти с половиной).

В-третьих, вирус должен обязательно строиться в точности из тех органических комплексов, что присутствуют в клетке-хозяине.

Наконец, в-четвертых, в системе кодирования, применяемой вирусным носителем генетической информации, все кодоны должны соответствовать ровно тем же аминокислотам и прочим соединениям, что и в клетке-хозяине.

А теперь на минуту остановимся и задумаемся: а каков, собственно, шанс, что все эти условия окажутся выполненными хотя бы для одного вируса, зародив-

шегося в биологической среде, абсолютно никак не связанной с земной? Ответ, в общем, очевиден: этот шанс нулевой. Так что инопланетный вирус сможет заразить земной организм только в одном случае: если жизнь на Земле и той планете имеет одно и то же происхождение.

Ну и, разумеется, ровно то же самое применимо к любым, естественным или искусственным, попыткам комбинации земного генетического материала с инопланетным. Так что, господа-фантасты, вы уж лучше сразу смиритесь, что любые ваши попытки скрестить гигантского ракоскорпиона с Пандоры с прикаспийским тушканчиком заранее обречены на неудачу.

Раз уж мы заговорили о лечении болезней, упомянем еще одну популярную в последнее время тему — чудодейственность серебряной посуды. **Серебро**, как утверждается коммерсантами и прикормленными ими «научными консультантами», оказывает настоящий чудотворный эффект, убивая подряд всю болезнетворную мелочь, имевшую несчастье оказаться в посеребренном изнутри стакане или, скажем, фильтре для воды, содержащем серебро. В качестве примера приводят какого-нибудь Александра Македонского, который якобы пил в походах из серебряной посуды, а не из обычной медной, а потому его воины от дизентерии страдали, а он — нет.

Ну, о том, что царь Александр наверняка пил из совершенно отдельных фляжек со специально для него хранимой водой, «научные консультанты» умалчивают. И с тем, что серебро убивает бактерий, поспорить сложно: тяжелый металл второй группы опасности, ПДК которого всего в полтора раза больше, чем у свинца, безусловно, является достаточно эффективным ядом. Одна беда: серебро, во-первых, очень плохо диссоциируется и переходит в воду в виде ионов и, во-вторых, в серьезных концентрациях для человека не менее ядовито, чем для бактерий (так, скажем, хлорид серебра является канцерогеном — а какой химический элемент один из основных в желудочном соке? правильно, хлор). Еще, как утверждается, серебро в небольших (меньше ПДК) концентрациях обладает бактериостатическим эффектом, то есть замедляет размножение бактерий. Вот только когда бактерии с «серебряной водой» оказываются в организме, они отделяются от ионов серебра и начинают размножаться по полной программе. Ну, а на вирусы (наподобие вируса гепатита А) серебро не действует вообще никак.

В завершение биологической части хотелось бы обратиться к теме **хищников**. Не перечить книжек и фильмов, где несчастные люди, на Земле и других планетах, толпами пожираются динозаврами, хвостато-черепатыми монстриками наподобие Чужого и прочей зубастой нечистью. Возникает впечатление, что авторы подобных шедевров в школе принципиально игнорировали уроки биологии, а потому не подозревают, что в природе обычно царит равновесие. Если хищник начнет без разбора и без необходимости уничтожать собственную кормовую базу, он очень

быстро вымрет от голода. В естественных условиях хищник убивает ровно столько, сколько необходимо для пропитания, причем естественным ограничителем является чувство голода. Сытый лев равнодушно проводит взглядом антилопу, даже если у той хватит дурачества пасть у него под носом. Более того, ошибки в дикой природе обходятся очень дорого — даже кролик при определенном везении может искалечить лису, после чего та загнется от невозможности поймать очередную жертву. Поэтому ни одно животное не рискнет не то что напасть — даже приблизиться к незнакомому существу, пусть и напминающему обычную жертву. Незнакомо пахнувший или выглядящий чужак будет обойден по большому кругу, и только прямая угроза голодной смерти может заставить хищника напасть в такой ситуации. Ну, или если его загнать в угол, разумеется.

То же относится и к морским хищникам. Даже касатки и большие белые акулы, малоуязвимые для прочей живности, никогда не нападают сходу. Во всяком случае, если жертва не истекает недвусмысленно вкусной кровью. Приблизившись к потенциальной жертве, акула долго плавает кругами, стараясь понять, стоит ли связываться. Точно так же никогда гигантский кальмар или мифический морской змей не станут нападать на корабль или субмарину, ни поведением, ни на ощупь не напминающие привычных жертв.

Да, случается, что по какой-то причине животные сходят с ума — волки бессмысленно режут стада коров, киты выбрасываются на берег, а лемминги стаями топят в море. Но это именно аномалии, а не система.

Так что человеку, высадившемуся на чужой планете, даже обладая суицидальными намерениями, придется сильно потрудиться, чтобы стать жертвой местной фауны.

На этом обсуждение биологических вопросов завершено. В следующем выпуске — лапы в фэнтези. Домашнее задание: вычислить длину руки, необходимую для мгновенного выхватывания из заспинных ножен меча полутораметровой длины.

(Продолжение следует)

ВОРОНОВА Елена Андреевна, сотр. духовных журналов, авт. воспоминаний.

«Несколько лепестков: (Памяти почившего митрополита Антония (А. В. Вадковского, 1846-1912)». Спб., 1913.

ИДРДВ. Т. 4. Ч. 1. № 1212.

ВОРОНОВА Елизавета Петровна (урожд. Суворова; ок. 1825 — 1881), беллетристка, переводчица; издательница.

Была замужем за чиновником военного министерства; жила в Спб. и содержала там «Русские муз. классы»; потом — в Москве. Писала сентиментально-романтические рассказы. На свои средства издала сб. «Рассказы». Ее «Роман моей матери» (1865) представляет интерес описанием усадебного быта. Выступала как переводчица с франц. и нем. языков. Издавала «Журнал иностр. перевод. романов» (1876-77); участв. в изд. ежемес. сб. перев. романов «Изумруд» (1877-81). Ее некролог: в «Обзоре жизни и трудов покойных русских писателей» Д. Д. Языкова. Вып. 1. Спб., 1885.

Русские писатели; Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.

ВОРОНОВА Зоя

Авт. очерка «Франклин-типограф». Спб., 1904. Пер. рас. Г. Товоте «Весна» — «Женское дело», 1900, № 4. Авт. ст. «Проституция и закон» — Там же. Пер. с франц. пов. Ж. Перейбрюна «Сутенер» — «Женское дело», 1900, № 6-7.

Венгеров. Источ.

ВОРОНОВА Людмила Николаевна, публицистка, авт. воспоминаний.

См. Лейберов, И. П. Цебельдинская находка. М., 1976, с. 222.

ВОРОНОВА Мария Сергеевна

(См. Угличанинова М. С.)

ВОРОНОВА Эмилия (псевд. Нельсон, Эмилия), переводчица, дет. писательница.

Сотр. «Звездочки» (1850-е гг.); «Журнала иностр. перев. романов» (1867). Пер. с англ. «Жизнь полковника Гардинера». Спб., 1861; ром. Э. Бреддона «Тайна банкира». М., 1867 — Нельсон, Эмилия.

Слов. рус. писательниц; Масанов; Венгеров. Источ.

ВОРОНОВСКАЯ Е., переводчица.

Пер. с нем. «Священный долг» \ \ Лучи. 1858. № 7.

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.

ВОРОНЦОВА Екатерина, переводчица с франц. (1803).

Венгеров. Источ.

ВОРОНЦОВА гр. Екатерина Артемьевна (1780 — 1836), авт. дневника.

«Дневник» (1828-1836) — РГБ ОР, ф. 64, 111. 1-2.

ВД. Указ. рук. (ук. имен).

ВОРОНЦОВА Елизавета Ксавьерьевна (урожд. Браницкая; 1792 — 1880), одна из муз А. С. Пушкина.

Жена новороссийского генерал-губ., фельдмаршала М. С. Воронцова. С В. связан целый цикл стихов Пушкина: «Все кончено, меж нрами связи нет», «Храни меня, мой талисман», «Пускай увенчаный любовью красоты», «Приют любви, он вечно полон», «Сожженое письмо», «Все в жертву памяти твоей» и др. Ее портреты писали П. Ф. Соколов, Т. Лауренс; сам А. С. Пушкин сделал в своих рукописях более 30 ее зарисовок — самое большое число рисунков. Есть сведения о переписке В. с Пушкиным и о перстне-талисмани, подаренном ею поэту. О ней: Кончин Е. «Никто ее любви небесной не достоин...» — «Лит. Россия», 1976, 13 февр.

Черейский.

ВОРОНЦОВА З.

Авт. «Записок певицы из шантана».

Венгеров. Источ.

ВОРОНЦОВА Л., авт. статей по археологии (1900).

Венгеров. Источ. М. Б. это писательница Любовь Андреевна Воронцова, публикатор в «Огоньке» отрывков «Нигилиста» С. Ковалевской? (См. Ковалевская. Воспоминания, повести, с. 468).

ВОРОНЦОВА Л. Д., авт. воспоминаний; археолог, сотр. Московского публичного и Румянцевского музея.

«Памяти проф. А. И. Кирпичникова». — «Сб. Харьков. историко-филолог. об-ва при Харьков. ун-те» 1905, т. 14, с. 97-101, То же, Харьков, 1905.

ИДРДВ. Т. 3. Ч. 3. № 5830.

ВОРОНЦОВА Любовь Андреевна (1900 — 1972), журналистка.

В печати выступала с 1920 г. Авт. кн. «На 81-м градусе северной широты» (1928), а также статей в газ. и журн. В серии «ЖЗЛ» вышла ее кн. «Софья Ковалевская» (1957, 1959).

(Продолжение на стр. 79)

Создай себе друга

«...Вставьте шток Д 1 в паз Л 1 и закрепите гайкой М 20...»

Шток Д 1 прекрасно вошел в паз, в отличие от штока Д 2, который я забивал молотком минут десять. Рано радовался. Гайка, помеченная на схеме сборки как М 20, не накручивалась. Нет, с резьбой было всё в порядке. Это шток был слишком тонким. Что было видно даже без микрометра.

Покрутив пальцем гайку на штоке на манер пропеллера, я полез за изолянткой. Универсальное средство при сборке.

Так, считай обе руки прикрутил. С ногами решил особо не заморачиваться — даже в инструкцию не стал смотреть, приделал, куда влезли.

Осталось главное — установить голову и подключить.

Деталь «Шея» отсутствовала. Я обыскал всё два раза, перетряхнул упаковку — ее не было. Спасибо, стандартную голову не забыли положить — со ртом и маленькими отверстиями для крепления «ушей», «глаз» и... «пяточка».

Я недоуменно посмотрел на разноцветную карточку. Нормальное лицо. Нос. Никак не свиная харя. И текст поперек коробки с игрой: «Создай себе друга своими руками». По-китайски, конечно. Русский перевод на обратной стороне стыдливо прилеплен, чтоб не позориться.

Контрафакт подсунили, сволочи. Даже не подумал — почему так дешево, когда покупал. Сам и виноват. Надо было в Центральный Дом Торговли идти — там обмана не бывает. Жаль, торопился — в первый магазинчик, что по дороге, заглянул.

А! Будь что будет. И так сойдет.

Я надел голову прямо на корпус, еще раз проверил все соединения и подключил «друга» к сети. Потом выставил режим «пробуждение».

Несколько секунд все его члены подрагивали, тестируемые программой запуска. Наконец, дрожь прекратилась. Он неторопливо поднялся на ноги и

установился мне в лицо снизу вверх, в ожидании безусловных приказаний.

Я с каким-то приятным отвращением осмотрел существо, созданное мной.

Выглядел робот странно. Его правая рука жутко скрипела и не поднималась выше плеча. Зато левая свободно болталась и постоянно норовила соскочить со штока, отчего робот всё время возвращал ее на место судорожным движением другой руки. Голова сидела косо, а уши-локаторы упорно поворачивались параллельно полу.

Да и что можно ожидать от подделки под китайский брэнд? Ладно бы только упаковка нашей была, так нет — наострились в подпольных мастерских узлы клепать и из них формировать наборы. С виду вроде китайское — и иероглифы, и печати голографические, а как купишь, развернешь, да внутрь заглянешь — барахло из провинции. Причем тело было из Воро-нежа, левая рука — из Тамбова, а правая — из Санкт-Петербурга — я метки везде просмотрел.

Но не идти же с жалобой — некогда. Что положили в набор, из того робота и собрал.

Время у меня ограничено — не до красотостей. Того и гляди прибегут наемные убийцы от Льва Константиновича и лишат меня брэндовой оболочки. Да, между прочим, Лев — мой босс, а я — его очередной заместитель. И намек на такое развитие событий я получил от него лично: «Кто много знает — долго не живет». Вот такая философия.

Как это ни смешно, а я действительно много знаю. Слишком много. Например, о перепродажах персональных модулей в обход государства, о суммах, которые с этого имеет босс, о подпольном рынке. Собственно, я сам всё это для него и организовывал.

Теперь пришло время нам расстаться. Как понимает любой идиот — босс ни за что не отпустит человека, способного разоблачить его. При малейших попытках такого рода непослушного ожидает смерть и изъятие модуля личности в пользу Льва Константиновича.

Сергей Викторович Васильев родился в 1966 году в городе Ленинграде (Санкт-Петербург). По образованию инженер-строитель (Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта). Первый рассказ «Простые вещи» был опубликован в сборнике «Хищные вещи века» (Волгоград) в 2005 году.

ча. Он большую коллекцию собрал, хвастался: «Вот здесь, — говорил, — у меня ученые. Здесь — писатели и поэты. А это — заместители. Сам понимаешь — куда я без них».

Чистый нежный голос робота, никак не вязавшийся с внешностью, отвлек меня:

— Как тебя звать?

— А-а-а... Аристарх, — я вдруг смутился.

— Как мое имя?

Да какая разница! Не до того! Но всё же я, быстренько перебрав несколько подходящих имен, терпеливо ответил:

— Кузьма.

— Прекрасное имя! — робот изобразил восхищение, растянув пластикатовые губы в чудной улыбке.

Я улыбнулся в ответ — уж больно несуразно это смотрелось. Но если серьезно — место на свалке моему роботу уже было подготовлено — играть с таким не стал бы ни один нормальный ребенок. Но мне он нужен для иного. Я его купил и собрал ради универсального разъема.

Зачем его поставили на детскую игрушку — не смог бы ответить и изготовитель. «Потому что его ставят везде» — неверный ответ. Далеко не везде. Только на высокоинтеллектуальную технику. Впрочем, это обстоятельство как раз позволяло осуществить план спасения.

— Активировать универсальный разъем, — приказал я Кузьме.

Робот послушно открыл переднюю дверцу на груди и сдвинул в сторону защитную пластину, дав мне наиболее удобный доступ.

Я подсоединил свой модуль к разъему и поставил на «копировать». С неприятным гулом копирование началось. Медленно поползли проценты на нагрудном экранчике. Совершенно непонятно, что гудело — нынешняя память не имеет движущихся частей, а по вместимости вполне сравнима со старыми винчестерами. Надеюсь, объема в Кузьме хватает для записи всего личного модуля — не хотелось бы потерять часть самого себя.

Всем известно, что модуль личности нельзя копировать. Даже не потому, что запрещено законом, а физически невозможно. Только одному человеку известно, что это не совсем так. Возможно, но при определенных условиях. И открыл эти условия — я. Собственно, за утаивание этой информации скоро и поплачусь жизнью. Подозреваю, что Лев Константинович хочет снять эти сведения прямо с модуля. Смешной. Кто ж ему это позволит? На моем модуле стоит совершенно иная защита, чем на всех остальных. Модуль будет легче сломать, чем разговорить. Но об этом сюрпризе босс узнает совсем не скоро...

Влезло всё. Прогноз, взятый у Оракула, блестяще подтвердился — компьютеры не ошибаются. Теперь составить программу пробуждения для Кузьмы и ждать непрошенных гостей.

Я потыкал в кнопки псевдодисплея, отключил режим самосохранения, чтобы робот не вздумал

проявить инициативу, и набрал порядок выполнения задач после утреннего пробуждения. Взял стакан с соком из дребезжащего холодильника и уселся в старое продавленное кресло.

Вот и все приготовления к смерти. Страшно. Я нервничаю. Лучше б побыстрее всё это закончилось.

Дззынь! Звонок. Пришли, гады. Как и предполагал. Можно было бы проверить пару фокусов, да боюсь, дверь гранатометом снесут и всё в квартире изуродуют. При любом раскладе достанут. Так что неспешно, без суеты, отщелкнуть оба замка и распахнуть дверь навстречу киллерам.

Улыбнуться. «Здравствуйте, я вас ждал!»

Вспышка в лицо и удар в переносицу, взрывающий мозг.

Двое убийц. Входят, держа наготове пистолеты ПМ-010 со встроенными глушителями. Один наклоняется над убитым и быстро обыскивает его. Второй в это время проходит в комнату и осматривается. Первый поднимается с довольной рожей и идет вслед второму. Скривившись, оглядывает неприятное жилье бывшего заместителя босса и натывается взглядом на робота. Прячет пистолет в кобуру под мышкой и ухмыляется:

— Смотри, Винт, какой уродец!

— Да ладно, ищи лучше модуль. Нашел?

— Нашел. Он его при себе держал, придурок.

— Проверь, не пустой ли. Определитель возьми, идиот! Что показывает?

— «Личностный модуль. Аристарх Синельников. Метка кода — 45667842. Состояние — рабочее».

— Порядок!

— Винт, а Винт, можно я его пну?

— Пни... Э, хватит, хватит! Лишние следы нам ни к чему.

— Кретин этот Аристарх. Я бы модуль где подальше спрятал.

— Все они такие, умники... Да оставь ты этого робота! Таких в каждом доме по десятку — еще наразбиваешь. А этот вон, даже не фурычит.

— Они на ночь отключаются.

— Он эту рухлядь не иначе, как на свалке нашел.

Пошли, чего задерживаться? Взяли, что искали. Хозяин доволен будет.

Утро. Стандартное время шесть ноль-ноль. Производится первичный осмотр. Системы функционируют. Механические повреждения. Приступаю к самопочинке... Ввод блокирующей программы. Переход на режим вторичного разума...

Я весь будто из протезов. Словно к моему мозгу прикреплено искусственное тело, поминутно теряющее свои детали. И совсем не «словно». Я сам это сделал. Модуль моей личности — во мне. Нужно только скопировать его и поставить обратно в биологическое тело. Помнится, продавалась недорогая игра «Вырасти сам своего клона»...

Ольга ЗАБОЛОТСКАЯ

* * *

Мы долго спускались к упавшей звезде.
Сто долгих ночей или тысячелетий,
Сквозь радугу счастья и дым лихолетий
Мерещились блики ее нам везде.

Твердили желанья свои наизусть,
Мы их загадали во время паденья.
Плелись друг за дружкой, как привиденья.
Забыли про радость, лелеяли грусть.

Судьба нетерпима была к нам и зла!
Спешили, оскальзывались на ступенях,
Срывались с уступов, ползли на коленях.
Погасла звезда и остыла зола!..

В угрюмой тоске мы подняли свой взгляд –
А там, в ожидании новых желаний,
С улыбкою ангелов, грацией ланей,
Далекие, яркие звезды горят.

* * *

С трудом поймаю взгляд непосторонний.
Ведь будет же когда-нибудь момент такой!
Перекрещу тебя слабеющей рукой,
И удалюсь на нескончаемый покой,
И все. Ведь я не верю в мир потусторонний!

Я – весна

Как дела мои? – Ближе к осени.
Но никто во мне не увидит тень!
Прикормлю с руки, приручу весну,
Пусть идет за мной, улыбается.

Раздает цветы, сыплет шуточки.
У друзей моих потеплеет взгляд.
Рады люди мне, а, быть может, ей –
Ведь весна всегда привлекательна.

И вокруг меня люди разные,
Мне завидуют, мне в глаза глядят:
– Хорошо тебе, молодая ты!
А дела мои – ближе к осени.

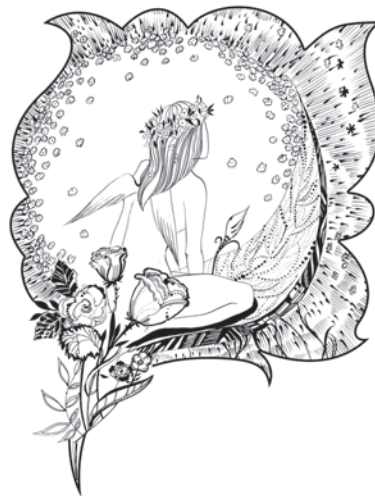
* * *

А знаешь, может, розой я была!..
Порой не помним прошлого мы суть.
Но знаю, Северянину на грудь
В смятеньи я легла.

И я была заложницей искусств,
Меня воспел тщеславный тот поэт!
Цветка другого не было и нет
Для изъясленья чувств.

И вновь кружит воспоминаний дым.
Свою главу склоняю на паркет.
Я не одна, а целый роз букет
Упал к твоим ногам.

Взяла букет, но словно в сердце яд!
И на ладони выступила кровь,
Забыла ты, что розы и любовь
Шипы в себе таят.

Мне чьи-то пальцы причиняли боль,
Срывали и срывали лепестки.
Я, видно, утешенья от тоски
Не выполнила роль.

Ты, может быть, создал меня, Господь,
Сведя в единое и рай, и ад!
Шипы и лепестки, и аромат –
Божественная плоть...

Я точно знаю, розой я была.

Ольга Викторовна Заболотская в 1988 году закончила школу-интернат для слепых и слабовидящих детей в г. Верхняя Пышма. Стихи пишет еще со школы. Заняла второе место во Всесоюзном конкурсе стихов, организованном журналом «Советский школьник». Печата-лась в журнале «Поэзия», газете «Панацея». Публиковалась в коллективных сборниках медиков Свердловской области. Участвовала в двух «Поэтических марафонах». В 2006 г. был издан авторский сборник «Мне снится музыка ночами».

* * *

Зачем упала ты, звезда,
 На дно тенистого пруда?
 На что надеялась, летя,
 Смеясь, как глупое дитя?
 Что кто-то проклял свой удел
 С тоской на небо поглядел,
 Узрев такую благодать,
 Успел желанье загадать?
 Ничем не в силах я помочь,
 Все люди спали в эту ночь.
 А может быть, мечтала ты,
 Что двое сядут у воды.
 И так, не размыкая рук,
 Не замечая тьмы вокруг,
 Останутся всю ночь сидеть,
 В твои глаза глядеть, глядеть...
 Не сбудется мечта твоя,
 Давно уж сломана скамья.
 Травую заросли следы,
 Никто не ходит у воды.
 Лишь только ты коснулась дна,
 Осталась ты совсем одна.
 И зря протягиваешь луч
 В сплошную безнадежность туч.
 Ведь эта вязкая вода
 Тебя не пустит никогда.

Осенняя фантазия

Несла охапку пестрых лоскутков,
 Споткнулась вдруг о нитку горизонта
 И уронила все на старый мир.

И кружит, кружит листопад красивый,
 Рубины, золото и сердолик.
 Увы, рассыпала свое богатство!

Сама уселась на краю крыльца,
 Текут по лику горестные слезы,
 Наверно, жалко очень лоскутков.

Танцуй мне, осень, танго листопада!
 И радуйся, ведь именно сейчас
 Ликует, обновляется природа...

* * *

Спасибо, Господи, что есть я у тебя!
 Не нарушая жизни бурное течение,
 Несу прилежно я свое предназначенье,
 Тихонько радуясь, тоскуя и любя.

И, кажется, зачем творю ненужный стих!
 Но в скорбный вечер моего, увы, ухода
 Померкнет вдруг и опечалится природа,
 И этот мир погибнет без стихов моих...

ВОРОНЦОВА Любовь Егоровна (урожд. Коведяева; 1848 — 1910), авт. записок земской акушерки.

«Первый блин комом» («Слово», 1878, № 7-8) — В-ва, Л.; М. б. она авт. «Царь Михаил Федорович Романов» (1903).

Венгеров. Сл.; Масанов.

ВОРОНЦОВА-ДАНДУРОВА А. И.

Авт. ром. «Ника», в трех частях (1916).

ВОРОНЦОВА-ДАШКОВА гр. Елизавета Андреевна (урожд. гр. Шувалова; 1845 — не ранее 1915), авт. дневника.

Статс-дама, жена министра двора и уделов гр. И. И. Воронцова-Дашкова. «Дневник» (1882-1885). — РГБ ОР, ф. 58, разд. 1. 93. 1-4.

ВД. Указ. рук. (ук. имен).

ВОРОНЦОВА-ДАШКОВА Людмила Николаевна (- 1943), авт. воспоминаний.

Графиня. Жена И. И. Воронцова-Дашкова. После революции в эмиграции. Р. Гуль записал ее рассказы о вел. кн. Михаиле Александровиче. Были напеч. в «Новом журн.» (Нью-Йорк). (1982, № 47. С. 111-135), в газ. «Сегодня» (1937, 18, 20, 22, 28 июля), а также во 2-м томе мемуаров Р. Гуля «Я унес Россию» (с. 232-260). Надо разобраться в обеих Дашковых.

Гуль. 2; РРЭВД. 1.

ВОРОПАЕВА А.

Авт. «О женской доле. Народный рассказ», Таганрог, 1904; «Страдание и признание. Рассказ», Таганрог, 1904.

ВОРОПАНОВА М. М., авт. воспоминаний; воспитанница Киевского института благородных девиц.

«Институтские воспоминания». — «Русская Школа», 1902, № 10-11, с. 35-56).

ИДРДВ. Т. 3. Ч. 2. № 4244.

ВОРОШИЛИНА М. Н.

Сост. кн. «Скромный и постный домашний стол» (1885); авт. кн. «Долмашний стол, с прилож. домоводства и домоустройства в связи с гигиеной», Изд. 2-е. Спб., 1885. — Рец. в «Нар. Школе», 1885, № 10.

Венгеров. Источ.

ВОСКОБОЙНИКОВА Любовь Николаевна (1842 — 1874), авт. учебных пособий.

Препо.д. географии Кронштадтской гимназии. Сост. «Руководство по географии для женских гимназий». Ее некролог: — в ст. Геннади \ \ Рус. архив 1877. № 5. С. 80.

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.

ВОСКРЕСЕНСКАЯ Евгения Матвеевна, член об-ва рус. драматич. писателей (1913).

Венгеров. Источ.

ВОСКРЕСЕНСКАЯ Л. А.

Участ. в сб. статей и воспоминаний «Декабрь 1905 г. на Красной пресне» М. -Л., 1925.

ИДРДВ. Т. 4. Ч. 2. № 3464.

ВОСКРЕСЕНСКАЯ Мария Николаевна, переводчица с нем.; педагог.

Пер. с нем. «Материнскую школу» А. Коменского. — «Образование», 1892, № 5; Спб., 1892; авт. : «Я. А. Коменский Биография и краткий обзор его пед. трудов». — «Пед. Календарь на 1891-92 г.» М., 1891; «Я. А. Коменский, Его жизнь и пед. сочинения» — «Образование», 1892, кн. 2; «Я. А. Коменский. Великая дидактика» (краткое изложение в 9 главах) — «Пед. календарь» на 1892 -93 г. Спб., 1892. Уч. в изд. «Педагогич. календаря» М. А. Воскресенского.

(Продолжение следует)

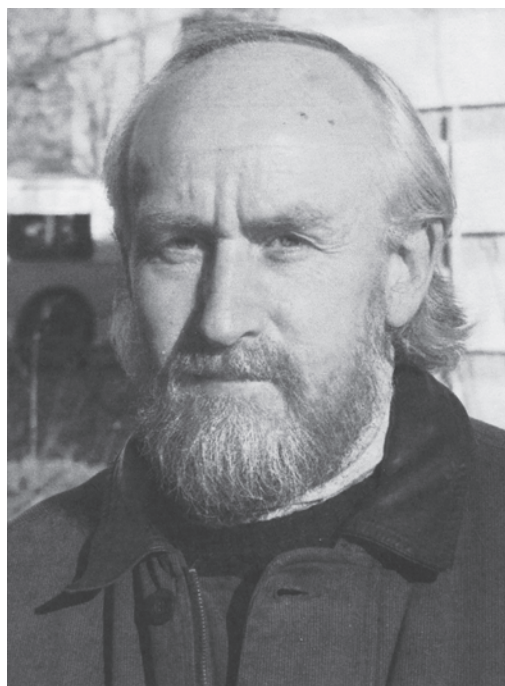
Мир пастельного мелка

Кто видит мир иначе, чем мы, обычные люди? Конечно, художники. Они смотрят на то же самое, что и мы, но видят... А вот то, что видят, — чаще всего пытаются изобразить при помощи красок и кистей. И рождается удивительный мир. Он наполнен красочностью и звучанием.

Александр Самойлович Берсенев, безусловно, один из них. Талантливый живописец, чуткий и заботливый учитель, умный, но очень скромный человек. Работает он в самых разных техниках, но предпочтение отдает пастели. Надо отметить, что именно пастель наиболее ярко позволяет раскрыться его таланту.

Цветные мелки — это необычайно красивая техника живописи, она дает живописному произведению необыкновенную бархатистость и воздушность. Кроме того, позволяет экспериментировать с цветом, добиваясь нужного свечения или контрастного освещения, используя те или иные цветовые подкладочные слои, цветной грунт и фиксаж.

Последние денечки зимы. Вот уже пахнет весной, солнце совсем иначе светит, ласково так... Игривые лучи, про-

Александр Самойлович Берсенёв (р. 1946)

бивающиеся сквозь завесу облаков, словно звенят:

«Весна идет! Весна идет!
Мы молодой весны гонцы,
Она нас выслала вперед!
Весна идет! Весна идет!

День только начинается, солнышко по-хозяйски расправило лучики... А художник уж тут как тут, сидит за работой на своем складном стульчике, держит папку с бумагами на коленях и выводит карандашом замысловатые линии, черточки, силуэты. Потом одним взмахом проведёт цветным мелком — и солнце засверкало на бумаге, другим — уточнит деталь, третьим — подцветит небо... и вот — этюд готов! И засверкала речка Патрушиха под рукой мастера, игриво бежит, радуется.

В следующий раз пойдет художник и увидит, что все здесь по-другому стало: тяжелое небо, снег пошел, но какой! Пушистый да частый. Как не зарисовать такую красоту!

Цветные мелки начинают оживать в его руках, за что бы он ни брался. Вот «Портрет молодого человека в красной шляпе». Как здесь играют цветные лучики-блики на стекле, они словно подмигивают, улыбаются, одним словом, — живут. Не говорят ли они о характере изображенного молодого человека?

Тополя. 2002